
Россия, Русь! Храни себя, храни!

5-6
2014

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ПЛЕХАНОВ. «Эффективные менеджеры»...	3
Андрей ФУРСОВ. Психоисторическая война	47
Эмма МЕНШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни. Продолжение	128
Елена ГОЛЬЦОВА. Операция «Ликвидация»	176
Андрей ВОРОНЦОВ. Сталин, «смершевцы» и «либералы»	181

ПРОЗА

Сергей МИХЕЕНКОВ. Рассказы	8
Глеб ГОРЫШИН. Товарищ военврач. Рассказ	34
Александр АЗ. Командировка в Мальту. Рассказ	77
Николай БЕСЕДИН. Рассказы	109
Анатолий ПАНТЕЛЕЕВ. Путём адмирала. Рассказ	148
Анна КОЗЫРЕВА. Шурочка в белых карпеточках. Рассказ	160

ПОЭЗИЯ

Олег ДЕМЧЕНКО. От столицы до окраин	41
Александр ИВУШКИН. Сердца боль	44

Евгений ЮШИН. Струны дождя	122
Алексей ШОРОХОВ. Вечерний час	167
Алексей ОЛОЕВ. Врезаюсь в зелёные волны	172

РУССКИЙ ВОПРОС

Виктор АКСЮЧИЦ. О русском патриотизме	187
Дмитрий САВВИН. Сбережение русского национализма	194
Павел ДМИТРИЕВ. Мир стремится к хаосу	199
Станислав ЯЦЕНКО. И русский и украинец	203

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Диктатура «просвещенных». Окончание	206
Анатолий ЛОПУХА. Организационное оружие	243

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	248
Иван ПОДСВИРОВ. Солоухин. К 90-летию со дня рождения	278

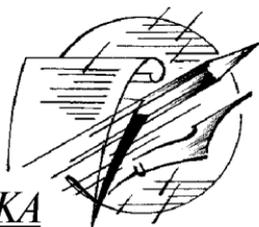
«ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕНЕДЖЕРЫ»...

За годы либеральных «реформ» уничтожены сотни заводов и фабрик. Когда СМИ рассказывают об успехах российской экономики и об открытии новых фабрик и заводов, такие новости вызывают двоякие чувства. Появление новых рабочих мест — это, конечно, хорошо и здорово, но при этом за кадром остается другой момент.

Так уж получилось, что с 1991 года новые хозяева России учинили такой разгром отечественной экономики и уничтожили столько заводов, что от подобного погрома пришли бы в ужас даже гитлеровские гауляйтеры, которые, как известно, очень бережно относились к производственным мощностям на оккупированных территориях.

Как известно, в 1941 году в соответствии с указом ГКО № 99сс от 11 июля предписывалось эвакуировать заводы и фабрики с тех территорий, которым угрожала оккупация. Все, что нельзя было эвакуировать, подлежало уничтожению. Тем не менее рачительные нацисты смогли ввести в строй большинство взорванных заводов и фабрик и наладить выпуск столь нужной рейху продукции.

То, что произошло спустя полвека, наверняка вызвало бы у нацистов состо-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

яние шока. Отечественные «бизнесмены», прихватившие в результате грабительской приватизации сотни заводов и фабрик, оказались во сто крат хуже нацистов, сумев лишь бездарно угробить захваченные производственные мощности да попутно умножить армию российских безработных.

Московский завод «Динамо» ведет свою историю с 1897 года. Завод пережил революцию, Гражданскую войну, Великую Отечественную, но не смог пережить погромную демократическую эпоху. Крупнейший в стране производитель электрооборудования, чья продукция была известна во всем мире, пал жертвой «эффективных менеджеров». В настоящее время завод «Динамо» — это мерзость запустения и, конечно же, офисы. Куда ж без них. Колоссальные средства, вложенные в советские годы в развитие предприятия, пошли прахом, как и труд целых поколений. Про выкинутый на улицу трудовой коллектив скромно умолчим...

Автомобильный завод АЗЛК появился в 1930 году. В те годы, когда, если верить либеральным историкам, нашей страной правили людоеды-большевики во главе с палачом Сталиным. Тем не менее людоеды-большевики почему-то строили заводы, а вот белые и пушистые демократы, возглавляемые экс-мэром Лужковым, поспешили лечь под своих французских партнеров и принять позу поудобнее. Небескорыстно, разумеется. Теперь экс-АЗЛК, сменивший имя на «Автофрамос», производит бюджетные автомобили для стран третьего мира. И это еще неплохо, так как удалось сохранить хоть сколько-то рабочих мест. Хотя большая часть территории АЗЛК идеально подходит для съемок постапокалиптических фильмов.

То же самое можно сказать и про ЗИЛ. «Ветры перемен» и «эффективные менеджеры» во главе все с тем же мужем миллиардерши Е. Батуриной довели завод до того, что теперь по нему проводят нелегальные экскурсии, аналогичные тем, что имеют место в Чернобыле. И Чернобыль, и ЗИЛ стали запретными зонами из-за катастроф: один — из-за экологической, а другой — из-за демократической. Когда-то ЗИЛ выпускал одни из лучших лимузинов в мире, грузовики и весьма качественные холодильники, работавшие без проблем более 30 лет, а теперь «эффективные менеджеры» превратили завод в декорацию для фильмов о Третьей мировой войне. Если бы по ЗИЛу работали установки залпового огня и пара артдивизионов, он и то выглядел бы лучше. Но нет в мире разрушительнее силы, чем «эффективные менеджеры». Особенно из числа австрийских пенсионеров и их сменщиков.

Участь завода предрешена: драгоценная московская земля уже давно привлекает разного рода «инвесторов», которые

спят и видят, как бы поскорее освоить вожделенные гектары. Так что о заводе ЗИЛ, первенце и флагмане отечественного автомобилестроения, давно уже можно говорить исключительно в прошедшем времени. Если что полукوماتозный огрызок автозавода в дальнейшем и будет выпускать, так это комплектующие для иностранных автопроизводителей или собирать «отверткой» опять-таки иностранные машины.

Те читатели, кто еще помнит советскую аудио- и видеоаппаратуру, наверняка скажут пару добрых слов о таких марках, как «Рубин» и «Вега». Бердское производственное объединение «Вега» появилось на базе эвакуированного в 1941 году харьковского завода № 296. В 1946 году завод был преобразован в самостоятельное предприятие, и с тех пор марка «Вега» стала одним из самых желанных приобретений у отечественных меломанов. Разумеется, мириться с наследием «людоедского» советского прошлого новые демократические хозяева не пожела-ли, и в 1998 году ПО «Вега» обанкротилось. Или было обанкрово-чено. Почему у новых хозяев не хватило ума заставить эффективно работать собственное предприятие — загадка. Но в целом этот пример очень показателен для ельцинской эпохи. Лес рубят — щепки летят. Трудовой коллектив выставили на улицу без куска хлеба — да кого такие «мелочи» волновали в эпоху измученного нарзаном президента-теннисиста?

Еще более показателен пример МТЗ «Рубин». Если «Вега» была одной из самых котирующихся в СССР аудиомарок, то телевизоры «Рубин» вообще были вне конкуренции. Конечно, до уровня Sony или Philips они не дотягивали, но нередко телевизоры «Рубин» работали не один десяток лет, и это было чем-то само собой разумеющимся. Если бы этим предприятием руководили умные и грамотные люди, а не «эффективные менеджеры», то «Рубин» имел бы все шансы остаться действующим брендом, а не превратиться в «Горбушкин двор».

«Неэффективные» большевики, над которыми сейчас не смеется только ленивый, построили завод в 1932 году, и более 60 лет предприятие работало на благо страны, выдержав военное лихолетье и перенеся эвакуацию, но оказалось бессильным перед полуадекватной сворой «эффективных менеджеров», превративших заслуженный бренд «Рубин» в анекдотичную «Горбушку». В мартирологе уничтоженных отечественных заводов в графе «Дата смерти» у «Рубина» значится 2003 год. А ведь нам рассказывают, что это вроде как были «тучные» годы...

Да что там телевизоры и виниловые проигрыватели! Отечественную экономику убивали куда как более масштабно. В конце концов «рубины» и «веги» были вытеснены с рынка «самсунгами» и «техниксами», и какая-никакая замена им нашлась, а

вот как быть, например, с заводом «Красный пролетарий» или с владивостокским «Дальзаводом»? Их-то чем заменить?

Если кто не в курсе, то «Красный пролетарий» просуществовал аж с 1857 года и до... правильно, до «тучной» эпохи, когда, собственно, и был похоронен заживо. Завод пережил четырех царей, всех генсеков, революцию, две мировые войны, но не смог пережить чумы постперестроечных «менеджеров», которые и загнали его в могилу. Раньше завод выпускал станки и отличался уникальными производствами, которыми по праву гордилась бы любая страна, но в постъельцинскую эпоху единственное, что интересовало новых хозяев жизни, — это не сам завод и уж тем более не люди, которые на нем работали, а земля, которую он занимал. За нее сейчас и идет нешуточная грызня над трупом предприятия, про которое все давно забыли. «Бизнесменам» нужно как можно скорее вышвырнуть бранные останки, дабы они не занимали золотую столичную земельку.

Еще более интересная история с «Дальзаводом». Когда-то на этом предприятии обслуживали корабли Тихоокеанской эскадры, те самые, что героически сражались и погибли в Цусиме, а затем, в советскую эпоху, — корабли Тихоокеанского флота СССР. Но затем началась перестройка, и у власти встал любитель нарзана со своими подручными. В результате «реформ» от прежнего «Дальзавода» осталось разве что название. В его цехах собирают корейские внедорожники, а 1165 рабочих отправлены в «свободное плавание», так как нынешней России их профессиональные навыки не нужны. Прикручивать колеса к «ссанг йонгам» могут и дети солнечного Узбекистана, да еще за три копейки, а владивостокские рабочие пусть решают свои проблемы самостоятельно.

Стоит ли удивляться, что на месте бывших цехов «Дальзавода» построят пивной ресторан и торговые центры — то есть то, без чего рабочие и их семьи явно не смогут обойтись? Что касается ремонта кораблей ТОФ, то все не так печально: и для них найдется какой-нибудь закуток, тем более что кораблей этих, пенсионного возраста, не так уж много и осталось. А в перспективе и их наверняка «оптимизируют» «эффективные менеджеры», и российский флот в скором времени сравняется с северокорейским или тайваньским.

А ведь «Дальзавод» не одинок. Можно вспомнить петрозаводский судостроительный завод «Авангард». Неугомонный «людоед» Сталин все никак не мог успокоиться, и завод «Авангард» появился на свет в 1939 году. Ну, ничего не поделаешь: любил Иосиф Виссарионович заводы строить, хлебом его не корми. И не только их. «Авангард» просуществовал ровно 70 лет, до тех пор, пока на него не обрушилось несчастье в лице гениальных управленцев.

Смертный приговор предприятию был подписан в 2010 году, и с тех пор «Авангард» занял свое место в мартирологе уничтоженных отечественных заводов. Что стало с трудовым коллективом, не имеет смысла говорить о вложенных в это предприятие средствах и труде. Новым хозяевам до этого дела нет. Похоже, их цель одна — довести Россию до уровня Сенегала, и в этом они преуспевают, даже с опережением планов.

Если кто-то сомневается, то можно посмотреть на Саратовский авиазавод. Когда-то в СССР строили весьма неплохие самолеты, но после 1991 года президент-теннисист и его преемники всё как-то больше поглядывают в сторону американского авиапрома. Вот и гордость отечественного авиапрома Ил-96 уже получил черную метку. Что касается Саратовского авиазавода, то это предприятие, основанное все тем же неугомонным Сталиным в 1932 году, в 2010 году объявлено банкротом, 30-тысячный коллектив давно разогнан, и теперь на месте заводских разворованных и порушенных корпусов красуется маркет ИКЕА. САЗ пережил налет немецких люфтваффе в 1943 году, оставивших от завода руины, но возродился и затем долгие годы выпускал самолеты Яковлева, но вот чего не смог пережить, так это постперестроечного промышленного геноцида.

Список уничтоженных отечественных заводов и фабрик можно продолжать до бесконечности. Вот в чем демократы преуспели и даже перевыполнили план, так это в уничтожении собственной экономики и выбрасывании сотен тысяч (если не миллионов) людей на улицу. Самое грустное заключается в том, что так себя не вели бы даже нацисты, которые, как показывает история, были заинтересованы в сохранении рабочих мест и промышленном производстве. Но после 1991 года Россия столкнулась с чем-то более страшным, чем нацисты, — с неким явлением, которое если и можно охарактеризовать, то только с медицинской точки зрения. И название ему — «эрозия». Те самые эрозия, распад, гниение заживо, что утвердились в нашей стране. Эрозия сожрала сотни заводов и фабрик, вышвырнула на улицу и загнала в могилы тысячи достойных людей, которые остались невостребованными и выкинутыми из жизни.

Если в России с 1991 года установилась демократия, то в нынешнем ее виде она заслуживает большего осуждения, чем нацизм. Только у нацизма был свой Нюрнберг, а вот российской демократии подобное вряд ли светит. Хотя все, что творилось в России последние 25 лет, давно уже заслуживает отдельного, пристального судебного разбирательства.

РАССКАЗЫ

ПЛЕННЫЙ

1

— Эх, мил-человек! Да зачем тебе это? И кому это вообще теперь надо? У вас другая жизнь. Своя вон беда. Детей уберечь, укараулить. А мы своё прожили. Отгоревали. Нам уже пора и подпоясываться... Туда, туда... — Кондратий Ильич посмотрел на меня каким-то тоскливым взглядом, устало покачал головой. Вздохнул.

Я молчал.

Уже несколько раз я приезжал к старику, чтобы записать его рассказ о том, как он был в немецком плену. И каждый раз что-нибудь случалось, и запись мы откладывали. Раз приехали: Кондратий Ильич поросёнка резал, съехались все его сыновья и невестки, и попал я не на рассказ, а на печёнку. Старик был несказанно рад. Выпили, закусили. Кондратий Ильич сунул мне в пакет кусок подчеревка и порядочный шмат сала. А до рассказов о войне дело так и не дошло. В другой раз застал его в постели с высокой температурой.

— А давеча мне внук, Сашок, младшей дочки сын, и говорит: а зачем же

ПРОЗА

ты, деда, в плен им сдался? Надо было, говорит, до конца драться... Вот так мне внук сказал. А ему на лето в армию. Как бы в Чечню не забрали. Парень-то больно шальной, отчаянный. Таковой, если что, напролом пойдёт. А пуля... она не разбирает...

За окнами уже смеркалось. Зарево повалившегося за дальние леса солнца стояло за деревенским выгоном высоким багровым столбом и никак не опадало. В июне зори неторопливые, долгие, пахучие, с лиловыми маслянистыми сумерками и душистыми сквознячками, медленно струящимися с нагретых за день полей и лугов.

— Как будто я сам к ним пошёл... — Кондратий Ильич замолчал, пошаркал по старенькой, растрескавшейся клеёнке ребром чёрной, как старая доска, загорелой натруженной ладони. Потом откинулся спиной к стене, под иконку Николая Угодника, бережно и, видать, женской рукой укутанную расшитым ручником, сказал: — Ну, раз так, тогда наливай, мил-человек, по другой. В плен-то всякий народ попадал...

В доме у Кондратия Ильича опрятно, пол подметён. Половики застелены ровными тропинками — от стены к стене. Пахнет вошиной. На лавке за ситцевой цветастой шторкой лежат очищенные от сот рамки. И руки, и рубаха хозяина пахнут вошиной.

Мы выпили еще по стопке. Кондратий Ильич пил странно: цедил водку сквозь зубы, будто процеживал, последний глоток подолгу держал во рту, баюкал его, мотал седой головой и только потом шумно, с крехтом, проглатывал.

— Это ж где такая брадена? — спросил он, закусывая огурцом и хлебом.

Закуска у нас на столе хорошая: свежие огурцы, лук с грядки, петрушка, яблоки, аккуратно порезанное розовое сало с тремя мясными прожилками, хлеб. С такой закуской и ночь скоротать — невелик труд.

— В городе.

— Хорошая. А мы тут все свойскую пьём. Привыкли.

Я включил диктофон. Старик мой сразу подобрался. Водка его, похоже, так и не взяла.

2

— Летом сорок второго нас, 205-ю Особую Дальневосточную дивизию, из Волочаевского военного городка перебросили в донскую степь. Эшелонами — от Хабаровска и почти до самого Сталинграда. Были на Амуре, а оказались на Дону.

В излучине Дона мы и приняли первый бой. Как сейчас помню: утром рано-рано роты развернулись и пошли по пше-

ничному полю — цепью. Хлеба высокие! Наши ребята идут, только одни зелёные каски видны да штыки винтовок. Не прошло и получаса, как столкнулись, сошлись в тех хлебах с немцами. Как-то так тихо сошлись, почти без выстрелов. Только закричали, заревели, как кабаны. Захрустело впереди. Рукопашная. В рукопашной все раненые — тяжёлые. Убитых больше, чем раненых. Перевернёшь его на спину, а голова на сухожилиях висит. Сапёрными лопатками рубились. Немцы не выдержали, отошли. Мы продвинулись километров на двенадцать. Догнали их. Но они успели укрепиться в русле высохшей речки. Отрыли окопы. Установили пулемёты. И встретили наши цепи таким огнём, что многих наших сразу и положили. Командиры снова поднимали людей. И все — под пулемёты, все на убой.

К вечеру подошли «катюши». Дали залп и сразу ушли. Там, впереди, глядим, всё горит. Сразу после «катюш» заработала наша дивизионная артиллерия. Артиллеристы стреляли хорошо. Как дали! Чёрная стена взрывов! И — движется, движется в сторону их обороны. А за этим валом — наша пехота. Первую линию окопов мы заняли. Дальше — два холма. На холмах — пулемёты и танки, врытые в землю. И опять они нас остановили. Вперёд пошли наши танки, но и их вскоре все подбили. Немцы тут же контратаковали. Танками. Восемнадцать штук. С пехотой. Но наши артиллеристы встретили их хорошо. Смотрим: загораются один за другим. Только два успели развернуться и уйти.

Тут мне сообщили: в одном из наших танков остался раненый танкист. Я пополз в поле. Подполз к танку. Гусеница сбита, башня развернута, люки открыты. Только я поднялся на броню, с кургана начал бить пулемёт. Пули так и защёлкивали по броне. В бок у танка пробоина. Насквозь. Танкист, молоденький мальчишка, годов, может, восемнадцати. Разворотило ему осколком всю лодыжку. Я его перевязал прямо в танке. Вылез. Он ухватил меня за шею, и я его сразу и поволок к своей траншее. Бегу с ним, а пули кругом стригут. Вынес! Никого не задело! Ни его, ни меня.

Две недели мы держались. Раненых накапливалось много. Не успевали отправлять. Убитых тоже было много. Запахли. И тогда начали убирать трупы. И немцы, и мы. Когда собирали трупы, стрельба прекращалась. Потом они подтянули свежие части. Нажали. А у нас в ротах уже и по взводу не насчитывалось. Полк пошёл на отход. Нас, несколько человек, оставили в прикрытии. Командовал нами капитан Головки. Он был лучший в полку пулемётчик.

Отходить полк начал ещё засветло. Поторопились. Надо было дожидаться темноты. Немцы заметили, что мы оставляем пози-

ции, подняли свои цепи. Вот тут меня в первый раз за эти дни затрясло: всё, думаю, конец, втроем мы их уже не удержим. Капитан Головко сам лёг за пулемёт. А мне приказал отползти в сторону и занять там оборону. У меня было две противотанковые гранаты и шесть РГД. Автомат. Был у меня и свой личный ТТ. В медицинскую сумку я насыпал побольше патронов. И для ТТ, и для автомата ПППШ патроны были одни и те же. Капитан Головко, смотрю, лежит за «максимом», стрелять не спешит. Подпускает ближе. А на меня какой-то морок напал, страх, что и окоп как следует отрыть не могу, лопата в руках не держится.

И тут заработал пулемёт Головко. Они сперва продолжали идти. Потом залегли. И стали подползать с разных сторон. Один заползал с моей стороны. Я смотрю на него и думаю: это ж мой ползёт. Кинул гранату. Но граната не долетела. Далековато всё же было до него. Приложился из автомата. Немец стал отползать. Уполз. Ушли и остальные. Мы отбились. Капитан Головко, слышу, зовёт меня: «Посмотри в траншее патроны! Может, остались где? Всё, что найдёшь, хоть рассыпью, тащи сюда!» Я пополз к ячейкам, где стояли наши пулемёты. Нашёл несколько брошенных банок, в них полно патронов. Побросали наши ребята, когда отходили. Капитан мне: «Молодец, санинструктор! Мы им ещё обшлага завьём!» Это у капитана поговорка такая была. Второй номер, смотрю, патронами свободную ленту набивает. Кругом гильзы стреляные — ворох целый! Капитан их ногами поддаёт, а они со звоном рассыпаются. За бруствером лежат трупы немцев. Много. Я ещё не видел столько битых немцев в одном месте. Даже после рукопашной их меньше было.

Недолго мы отдыхали. Через полчаса, не больше, новая цепь на нас кинулась. И опять капитан Головко расстрелял их. Ко мне подползли несколько немцев. Я кинул гранату. Больше там никто не копошился. Убило ль их взрывом гранаты, или они уползли, не знаю. Хотелось потом сходить, посмотреть, но не до того было. Отбились и во второй раз. Патроны кончились. Капитан Головко снял с «максима» затвор и сказал: «Всё, ребята, уходим...»

Полк свой мы отыскиали в балочке. Народу осталось совсем мало. Было у нас одно противотанковое ружьё и к нему три патрона. Вот и вся полковая артиллерия. Отрыли окопы. Я свой вырыл у дороги. Перед собою положил гранаты: две противотанковые и оставшиеся РГД. А у полка задача: пока дивизия переправляется за Дон с тылами и ранеными, надо держать позиции.

Ночью было тихо, так что мы даже немного прикорнули. Утром к Дону, глядим, спускается колонна. Небольшая: три мотоцикла и легковая машина. Мы еще издали поняли: немцы...

Наши ребята сняли мотоциклистов так чисто, что мотоциклы, вполне исправные, потом прикатили к балочке. Хотели на них уезжать за Дон. А в машине был генерал. За рулём сидел сам. Водителя не было. Это я хорошо помню. Мне всё было видно, мой окоп ближе других был к дороге. В машину выстрелили из противотанкового ружья. Пуля попала в мотор, и машина начала гореть. Генерал выскочил из кабины, и в это время кто-то из наших вlepил ему пулю прямо в лоб. Я приготовил противотанковую гранату, хотел бросить её, если машина подойдёт поближе, но всё было сделано и без меня. Подошли. Машину затушили. Вытащили сигареты, хлеб и шнапс. А шнапс был, знаешь какой? Как наша самогонка! Да такая, помню, противная, вонючая. У нас в деревне лучше гонят. В наших деревнях, видать, разживались. Нашли даже сапожный крем с щёткой. И наши ребята в последний раз почистили свои сапоги. Все по очереди чистили, пока крем не закончился. Всем мы там, чем можно было, пользовались.

Не успели разбежаться по окопам — вот она, основная колонна подошла.

Огонь они открыли еще издали. Били по всей балке. Комполка Кельберг перед этим нам сказал: «Ребята, если будет возможность не ввязываться в бой, то подождём ночи. Ночью попытаемся уйти за Дон. А если не сможем прорваться к Дону и переправиться, то мелкими группами пойдём на север, в леса, к партизанам».

Какой там к партизанам! Когда нас окружили, и стало ясно, что не уйти, трое — комполка Кельберг, начальник строевой части, майор, и комиссар полка — застрелились. Перед тем как стреляться, приказали адъютантам добить, если выстрелят неудачно. А нам сказали: ребята, мол, простите, что не вывели вас, действуйте дальше как сможете. Как сами посчитаете правильным, так и поступайте, мол. Кельберг был из грузинских евреев...

Во время обстрела балки меня ранило в ногу. Осколком, по касательной. Я быстро перевязал себя и уполз в промоину. Промоина заросла бурьяном. Меня не видно. Обстрел прекратился. Слышу, немцы ходят, стреляют из автоматов. То там короткая очередь, то там. Я понял: добивают наших раненых.

Всю ночь я просидел в той промоине. Утром вылез, стал смотреть, нет ли кого живого. Кругом одни трупы. В землянке штаба батальона разбитый телефонный аппарат. А по дороге тем временем шли к Дону немецкие колонны. Уже никто им не мешал. Я приподнялся из бурьяна — поглядеть, сколь-

ко же их. А их тьма-тьмушая! Конца-краю колоннам не видеть. По дороге — машины, танки, тягачи с орудиями, а сбоку идёт пехота. Шли они не так, как мы. Мы шли взводными колоннами. А они — гуськом, по одному. Увидели меня, обстреляли. Вжикнули около пули, я залёг. Думал, не подойдут, у них впереди дела поважнее меня — Сталинград. Поднял голову, смотрю, идут двое. Я заполз в землянку. Слышу, подошли, разговаривают. Затихли. Дали очередь. Стреляли через узкий лаз, и меня той очередью не задело. Я сидел за поворотом. Закричали. Один — по-русски, с акцентом: «Выходи, Иван! С поднятыми руками! Без оружия! А то гранату бросим!» Я и вышел. Поднял руки. Куда деваться?

Немцы оказались вовсе не немцами: один был чех, а другой финн. Финн хотел меня застрелить. Несколько раз автомат вскидывал. Петлицы я ночью сорвал. Мои медицинские петлицы были похожи на петлицы офицеров НКВД. Малиновые! А гимнастёрка-то всё равно офицерская! Финн мне стволем автомата в грудь: «Комиссар!» А чех меня и спрашивает: «Офицер?» — и указывает на гимнастёрку. «Санинструктор», — говорю. И показываю свою медицинскую сумку. Тогда они открыли мою сумку, а там — патроны. Финн опять свой автомат — с предохранителя, отступил на шаг, на чеха кричит, чтобы и тот отошёл. А чех не отходит, на финна тоже кричит. Тут у них уже, знаешь, пошло — кто кого. Это меня и спасло. Вот так и начался мой плен.

Всё это происходило неподалёку от деревень Нижняя Голубовка и Верхняя Голубовка в районе Калача. Никому я раньше не рассказывал, как был в плену. Не хотелось об этом вспоминать. Ну, что ж, раз начал... Сколько годов прошло... И зачем тебе всё это нужно? Чужие страдания... Правда... Правда, она, брат, порою вон какая страшная да вывернутая, что и думать о ней... Меня поймёт только тот, кто сам побывал там. Не дай Бог такое нынешним... Вон, Сашку на лето в армию. А у него соображение ещё детское. Мы-то на фронт шли — уже знали, как врага брать. Знать-то знали, а взял он нас...

Слушай-ка, выключи свою машинку и налеп ещё по одной. Выпьем. Товарищей моих помянем. Тех, которые возле Нижней Голубовки да Верхней Голубовки остались. Они, должно быть, и теперь в своих окопах лежат. Позиции держат. Верно, ох верно сказано: мертвые сраму не имут. Это ж и про меня, мил-человек! Вот я в плен пошёл. И сколько унижений я там принял! Это ж... А они, товарищи мои, кто погиб там, выходит, победили в том бою. Потому как позицию свою врагу — не отдали! А я вышел к ним. С поднятыми руками вы-

шел. Кто меня поймёт теперь? И всю жизнь я прожил — пленным. Как враг народа. Хоть и фильтрационные лагеря потом прошёл. Там ведь тоже по головке не гладили. А которых и во двор сразу, к кирпичной стене...

В плену ведь люди себя по-разному вели. А у меня — три попытки побега. А что такое побег? К нему несколько месяцев готовишься. Пока товарищей подходящих найдёшь, пока случай подвернётся... А потом от погони уходишь... Догонят, двоих-троих сразу пристрелят, а остальных давай овчарками травить...

На ночь нас закрыли в каком-то складе. Стены каменные, прочные, без окон. Не уйдёшь. Никого из своего полка я там, среди пленных, не встретил. А из дивизии нашей народ был. И красноармейцы, и командиры...

Утром — в эшелон. Везли несколько дней. Доехали до Славуты. В Славуте выгрузили и разместили в наших довоенных кавалерийских казармах. В дороге нас, конечно, не кормили. На станциях мы просовывали в щели банки или котелки, высунешь, опустишь на проволочке или на шнурке и ждёшь, когда мимо пройдёт железнодорожник или какой-нибудь прохожий. То-то и нальёт воды. Мучила жажда. С ума сходили от жары и жажды. Охранники всех, кто подходил к вагонам, отгоняли прикладами. А то начнут стрелять по верху голов. Сволочи. И вот начали нас выгружать. Из каждого вагона только по несколько человек вышли сами. Вышли или выползли. Остальных вытаскивали и складывали в кучи. Складывали штабелями, как дрова. Один ряд так, другой — поперёк. Чтобы не падали и места много не занимали. Трупы уже закоченели. Умиralи и от ран, и от голода, и от жажды. Отступали — ни пищи, ни воды. И в плен попали — то же самое. Это я недолго просидел в том каменном сарае на Дону. А некоторые ребята там уже по несколько дней голодовали.

Рана моя стала гноиться. Нogu всю разнесло, ходить стало невозможно. Черви пошли. Но я знал, что черви — это не беда. Рану почистят, гангрены не будет. Пощупал я внутри раны пальцем — осколок торчит. Чувствую его пальцем — острый. Стал вытаскивать его. А боль такая, что раза два я сознание терял. Потом-таки подцепил ногтями, дёрнул! И — опять сознание потерял. Кровища хлынула... Черви копошатся в моей крови... Ребята глянули, а перевязать нечем. «Сымайте, — говорю, — с меня рубаху и рвите на полоски». Стащили с меня рубаху. А рубаха грязная, потная, вся в копоты. Перевязали. А встать я уже не могу. Положили меня возле штакетничка. Лежу. Рядом железнодорожная станция, пакгаузы. Ждём своей судьбы, куда дальше нас погонят.

И тут, возле пакгаузов, произошёл такой случай. Конвоир повесил на штaketник ранец и отошёл куда-то. А один из наших пленных, молоденький такой, вытащил из ранца полбулки хлеба. Хлеб белый, мягкий, рыхлый. Схватил, отбежал поодаль и стал торопливо поедать его. Вскоре вернулся немец, видит: ранец его открыт, хлеба нет. Закричал: «Ва-ас?» Увидел пленного, хлеб свой... Подбежал, схватил его за плечо, трепанул. Тот даже не посмотрел на охранника, хлеб доедает. Кто голодал, тот знает, что такое хлеб для голодного человека. Тогда немец подвёл того парня к насыпи и снял с плеча винтовку. Парень стал есть ещё торопливее. Немец прицелился ему прямо в лоб, в упор, не стреляет, кричит, бранится, ногами топчет. А тот всё ест и ест добытый хлебушек. Мы смотрим, как белые крошки падают. Вот поднять бы хоть одну крошечку. И страшно. Видим, что-то сейчас будет. Просто так немец не отстанет. Злой. А парень торопится, будто знал, что не успеет доесть до конца... Пуля попала ему прямо в лоб, в самую середину. Так и повалился под насыпь с недоеденным хлебом... Немец ушёл, а наши ребята кинулись те оброненные крошки поднимать...

Ну что, мил-человек, невесёлая история? А хлеб у немца был и правда хороший. Нам в плену такой не пекли. Раз уж заговорил о хлебе, расскажу еще одну историю. Повезли нас после этого дальше. Прибыли на какую-то станцию. Меня вытаскивали из вагона уже недвижимого. Начальник конвоя, немец, вывел из строя четверых военнопленных и кивнул им на меня: приказал нести. А так бы бросили. Ну, а если бы бросили, первый бы конвоир пристрелил, чтобы не оставлять. Лагерь от станции неподалёку. Несут меня ребята, разговаривают между собою: тяжёлый, давай, мол, бросим его на обочине, а сами заскочим в колонну, спрячемся, пускай другие несут... А один из них: нет, дескать, надо нести, раз приказали, а то немец обозлится, что ослушались, постреляет нас. Я всё слышу, что говорят. Несут так-то меня по слободе. Колонна идёт по дороге, а меня несут тропинкой, вдоль дворов, вдоль штaketников. Навстречу женщина. Лет тридцати пяти. Остановилась. Плачет, платочком слёзы утирает. На меня глядит. Открыла сумочку — в сумочке коврига хлеба. Переломила ковригу пополам и одну половинку кладёт мне на грудь. «Храни тебя Господи, — говорит, — родной». Я вот теперь думаю: может, эта её короткая молитва обо мне, её слёзы к Богу и спасли меня в немецком плену. Ведь она обо мне плакала. Тысячи на моих глазах умерли, а я жив остался... Да, я уже которые сутки не евши. Как трофея из генеральской машины покушали, так и всё. Ну, думаю, может, и не умру ещё, раз судьба смилостивилась. Хлеб лежит у меня

на груди, колышется, пахнет хорошо. Домом пахнет. Полям. Родиной. Думаю: надо ж с ребятами поделиться, отблагодарить, что волокли меня и не бросили. Кусок-то большой, всем хватит. Лежит мой хлеб. Я глаз с него не совожу. О женщине той думаю. Такая у меня к ней благодарность в душе, что прямо теплом всего залило. Даже рана болеть перестала. Поднесли меня к воротам и положили на землю. Положили, схватили мой хлеб и побежали в колонну, куда я их и видел. И так мне, мил-человек, ни крошечки от слёз той женщины, от жалости её и не досталось.

Много я потом по лагерям скитался, а такой женщины больше мне нигде не встретилось. Правда, была и еще одна — немка. О ней еще расскажу..

Смотрю: лагерь для военнопленных. Уже и столбики с ключей проволокой поставлены. На воротах часовой. Поляк. Хорошо говорил по-русски. Он поглядел на нас, раненых, какие мы плохие, и говорит: «Далеко от ворот не уползайте. Ждите тут. Утром будет машина в город. Я вас в первую очередь отправлю. Там есть лазарет, и вас хоть перевяжут». В лагере — как в тырле для скота. Тысячи людей. И всё наш брат — в солдатской гимнастёрчке. Многие без шинелей. Кухни полевые, наши. Возле кухонь толкотня, крики, ругань. Баланду раздают. Я часовому и говорю: «Как бы нам поесть?» А он: «Терпите. Поползёте туда, задавят вас, пропадёте. Видите, что творится?» А и правда: к котлу по головам лезут, дерутся. Голод людей довел до такого состояния, что они уже как звери стали кидаться друг на друга из-за куска...

Утром пришла машина. Мы кое-как встали. Но тут к машине кинулись другие, нас сбили с ног, начали топтать. Поляк снял с плеча винтовку, закричал: «Раненых вперёд!..»

Да, чуть не забыл, в Славуте, в первом лагере, нас охраняли не только немцы, но и казаки. В картузах, в штанах с лампасами. С винтовками ходили вдоль проволоки. На вышках сидели немцы. Пулемётчики были немцы. А пешая охрана — казаки. Немцы нас не стреляли. А вот казаки... Будто случая искали. И многих наших ребят, военнопленных, в Славуте постреляли именно казаки. Я напраслину не наговариваю. Мне это не надо. Говорю, что видел и пережил... У нас у всех были какие-нибудь посудины. У кого кружка, у кого консервная банка, у кого и котелок остался. Немцы, когда в плен брали, котелки не отнимали. Туда, в эти посудины, нам и баланду наливали, и сами мы варево какое-никакое готовили, когда было из чего. Траву, к примеру, варили, корешки, кору.

Я и тиф потом пережил. Это уже в сорок третьем году. Зимой... Моя рана еще сильнее болеть стала. Выбаливало всё,

гноем выходило. Лежу в коридоре каком-то, стоны свои слушаю. Стоны — жалобные, так только стонут, когда с жизнью прощаются. С ума схожу. Сил моих больше нет. Было бы в руках оружие, застрелился бы, до такой степени дошёл. Мне говорят: замолчи, мол, что ты стонешь так громко?... Потом перенесли меня в палату. Врачи русские. Один, который перевязку мне делал, говорит: если бы ты, мол, в госпиталь попал, то скоро бы на ноги встал, а тут... лежи, говорит, не знаю, может, и выживешь. Нога моя вздулась. Почернела. Доктор посмотрел, погромел инструментами, и опухоль мою вскрыл. Оттуда всё полилось. Это было уже в лагере под Минском. Кажется, место то называлось Пушкинскими казармами. Кормили нас там пареной гречихой. Не ободранной. Так вот от этой не ободранной пареной гречихи многие умирали. Наедятся, бывало, потом пойдут в отхожее место и оттуда уже не возвращаются. От запоров умирали. Я гречиху ту ел так: по зернышку, каждое зернышко очищал. Лежал, некуда было торопиться. В Пушкинских казармах меня звали Стариком. Борода отросла долгая-долгая, чёрная. А зимой начался тиф. И к весне из восемнадцати тысяч военнопленных в живых осталось только две. Мёртвых складывали напротив лагеря в штабель. За зиму большую скирду сложили. Товарищ мой, однополчанин, состоял в похоронной команде. Мёртвых из барака выносил. Рассказывал: за день по двести-триста человек складывали в штабеля. Немец, говорит, один всё подходил к ним из охраны. Подойдёт, спросит: «Вифель руски зольдатен капут?» Когда, говорит, мы скажем, сколько, он в ответ: ха-х-ха!..

Весной тех, кто пережил тиф, повезли эшелонам в Германию. Привезли в Говельдорф. Это на границе Германии и Франции. Здесь, помню, произошёл такой случай. Погнали нас на работы. Копали какой-то ров. Или котлован. Смотрю, ребята что-то заходили, зашумели. Крики! Охранник подбежал, а — поздно. Дело уже сделано: двое лежат с разрубленными головами.

Предателей зарубили, провокаторов. Немцы засылали своих осведомителей. Те вынюхивали, доносили на командиров и руководителей. Мы хоть и пленные, подневольные, и любого из нас можно было убить, унижить, но были мы всё же не стадо баранов и рабов. С предателями расправлялись на месте.

После этого случая раскидали нас по разным лагерям. Я попал в городок Торн на Висле. И там встретил своего доверенного друга Васю Жижина. Мы с ним вместе учились в медресе. Бывает же такое!.. Вася воевал с сорок первого года, с 22 июня. Первый бой принял на Буге. Родом он был из

Тульской области. После войны жил в Пущине. Несколько лет тому назад умер. Я ездил хоронить его...

Вася меня сперва не узнал. Борода — это полдела. А у меня от продолжительного голода и истощения организма появились сильные отёки. Нажмёшь на мышцу — ямка остаётся. Белковые отёки. Мешки под глазами. Рана зажила. Стали гонять на работы. И я уже доходил окончательно. От прежней силы и следа не осталось.

В Торне в лагере нас было человек восемьсот. Через два месяца осталось четыреста. Остальные умерли. Они нас попросту морили голодом и изнурительными работами. Организм не выдерживал. А тут случай нам помог. Под Дюнкерком немцы захватили английский десант. Пленных англичан пригнали в Торн. Мы оборудовали для них лагерь. Мы, русские военнопленные, — рабочая скотина. Мы должны были работать и умирать. Каждый день — по несколько десятков из каждого барака. И — в яму! В яму! В яму! Кто теперь знает и помнит о тех ямах?.. А пленные английские солдаты и офицеры тем временем играли в футбол. И у них было хорошее питание. Они получали от Красного Креста продовольственные посылки: мясные и рыбные консервы, колбасу, печенье, кофе, конфеты, сахар, масло, сигареты. Всё у них было. Некоторые из наших ребят, когда узнали об этом, сходили с ума от одной только мысли, что в плену так можно жить. Потому что нас кормили баландой из брюквы. И воняла эта баланда, как моча кролика. Я как-то после войны, году в пятидесятом, завёл было кроликов. С полгода продержал — нет, не могу! Как, бывало, подойду к клетке — баландой лагерной, брюквой пареной пахнет... Ужасом. Вывел. Клетки сжёг.

Англичанам немцы варили гороховый суп с мясом. Суп этот англичане не ели. Ни офицеры, ни солдаты. Брезговали. Ну, с посылками от Международного Красного Креста, конечно, можно было и побрезговать немецким варевом. И англичане нам отдавали свой суп. Однако котёл с супом надо было ещё вынести из английской зоны в нашу. Не все охранники это позволяли. Были в охране и эсэсовцы. В лагерную охрану они попадали из госпиталей. Кто без глаза, кто без руки. На фронт их не брали, а в охране служили. Такие, чуть что, стреляли без предупреждения. Мстили нам, русским, за свои раны и увечья.

Немцы хоть и хозяева в лагере, а с куревом и у них плоховато бывало. Сигареты имели англичане. Англичанам мы стирали бельё, чинили им обувь, шили для них тапочки. Они с нами расплачивались супом и сигаретами. Мы сигареты —

немцам, охранникам. Те пропустят двоих-троих наших на английскую территорию, принесут котёл. Вот этот гороховый суп и снял белковые отёки. Многим он спас жизнь. Так что спасибо англичанам! Это и был для нас — второй фронт. Правда, получали мы тот суп не за здорово живёшь. Немцы среди охраны разные были. Среди бывших фронтовиков попадались просто звери. Бывало, бьёт, сволочь, всем, что под руку попадёт. До смерти забивали. А другой, смотришь, посылку из дому получит, позовёт, что-нибудь съестное даст. Угостит. Скажет: мол, из дому получил гостинцы. Начнёт о детях рассказывать, о своей фрау. Добрые люди и среди немцев были. Вытащит, бывало, фотокарточки, покажет: «Майне фамилие». Семья, дескать, моя. Улыбается. Тоже по дому скучали.

Однажды, нас перевели уже в Грудзендз, на Вислу, была облава. Что-то у немцев со склада пропало. Искали. Налетели автоматчики с собаками. Выхватили из колонны двоих наших. Они несли в барак несколько брикетов с углём. Уголь мы таскали, чтобы разжечь огонь, погреться, обсушиться и сварить что-нибудь. Так этих ребят, которых прихватили с брикетами, избили так, что мы их несли до барака на руках. Они их били, собаками рвали, а мы стояли и смотрели. Не заступись же...

Работали мы и на продуктовых складах. На одном складе была мука. Туда посылали тоже часто. Начальник склада, поляк, разрешал набрать с собою мучицы. У всех у нас под одеждой были привязаны сумочки, сшитые специально для этого дела.

А фронт уже приближался. Шёл сорок четвертый год. От Вислы нас погнали на запад. Шли пеши. В дороге нас не кормили. И вот идём полем, а у дороги лежат бурты свёклы. Колонна зашевелилась, и человек тридцать-сорок срываются к буртам. Немцы сразу начинают стрелять из винтовок. Для них это было развлечение. Они тоже ждали, когда мимо буртов проходить будем. Никаких предупредительных, сразу на поражение. А мы, когда бежали к бурту и обратно, рассчитывали на то, что всех, конечно же, не перебьют. Уцелевшие в колонну приносили свёклу. Бежали по очереди. Смотришь, вернулся цел, три-четыре свеклицы в руках держит. А возле бурта трое-четверо ребят лежат. Раненых тут же добивали. У нас у всех ножички. «Дай отрезать, пожевать». Начинается делёжка. Потом, самое страшное, глядишь, понос открылся. Присядет пленный у дороги, а охранник уже стоит, ждёт. Колонна уходит. Охранник стволем винтовки толкает: долго, мол, сидишь, давай скорее... Еще минуто-дру-

гую подождёт и, если не встал, прикладывается и из винтовки в упор... Наша колонна по той дороге, видать, не первой прошла. Везде по обочинам лежали убитые военнопленные...

Последний этап моих мытарств и скитаний в немецком плену был аэродром Эльгебек. И раз ночью на наш аэродром налетели английские бомбардировщики. Повесили на парашютах осветительные ракеты, и пошли сыпать бомбы. И все — на наши бараки. Видимо, думали, что тут расквартирован лётный состав. Меня взрывной волной отбросило метров на пять и ударило о стену. Потерял сознание. Хорошо, что наши бараки по всему периметру были обложены огромными валунами. Валуны те и гасили ударную волну, задерживали осколки. Меня отбросило к одному из этих валунов. Пришёл в себя: кругом крики, стоны... Самолёты ещё не улетели, а военнопленные уже побежали на кухню, поискать что-нибудь поесть. Кухню тоже разбомбило. Голод-то страшнее бомбёжки.

Несколько дней потом у меня изо рта шла кровь. Мучила жажда. Что-то внутри повредилось от удара. Немцы своих раненых стаи увозить в госпиталь в крытых фургонах. Последняя машина осталась пустой. В неё погрузили несколько человек и наших раненых. В их число попал и я. Было страшно: брали самых тяжёлых, и мы боялись, что довезут до первого оврага и вывалят туда... Но обошлось, привезли в госпиталь. Смотрю, ходит медсестра. Совсем молоденькая. Я ей: «Медхен, ихь вил тринкен. Битте, медхен!» Она внимательно посмотрела на меня и ушла. И, смотрю, несёт стакан воды. Вот тебе и медхен... Пожалела доходягу русского...

Да, мил-человек, не все немцы звери были. А меня за всю войну две женщины пожалели: одна русская, другая — немка. Вскоре загремело, запылало. Немцы побежали к датской границе. Я уже на ноги встал. Ребята мне палку нашли, я на неё и опирался, ходил.

Немцы ушли, пришли англичане. Мы вышли посмотреть: какие они, наши освободители?.. Английские солдаты и офицеры ехали на машинах. У нас под Сталинградом столько транспорта не было. Англичане радостные. Что-то кричат нам. Одеты в шорты. К нам подошёл английский офицер. С ним кто-то из Красного Креста. И нам всем сразу раздали продуктовые посылки. Вначале — по одной коробке на двоих. А потом — каждому по коробке. Некоторые из наших сразу навалились на еду, и несколько человек умерло. Я, помню, открыл посылку, глянул — голова закружилась от вида и запаха того добра, что там лежало... Взял пачку печенья, съел несколько штук и положил обратно. Больше не стал.

Через несколько дней объявили: всем русским собраться в школе. А были там среди нас и французы, и югославы, и итальянцы. Неподальёку стояло четырёхэтажное здание школы. Нас готовили к отправке в советскую оккупационную зону. Тут же через переводчика объявили, что если кто не желает переправляться в советскую зону, может об этом заявить. Мы, дескать, вам поможем. Несколько человек вышли из строя.

В советский сектор нас перевозили в грузовиках. Нас встретили военные в офицерской форме с погонами. Впервые мы увидели наших в погонах. Определили в барак. Городок тот назывался, по-моему, Штейнбург. Так я попал в фильтрационный лагерь. Спали на нарах. Нары такие же, как и в немецком лагере. Кормили хорошо, выдавали полный солдатский паёк. И вот по очереди начали вызывать в специальное помещение. Спрашивали: где воевал, когда и при каких обстоятельствах попал в плен? Я всё хорошо помнил и назвал номер своей дивизии, полка, фамилии командиров, даты боёв и пленения. Ко мне особых вопросов не было. Вызывали несколько раз и спрашивали об одном и том же. Следователи были разные. Каждый раз я вспоминал какие-нибудь новые подробности, но вскоре понял, что подробности их не интересовали. Они их в протокол допроса не вносили. Всё, помню, запишут, я прочитаю, распишусь. «Идите». А некоторых уводили даже без проверки. Один с нами был, с аккордеоном. Где он, пленный, взял этот аккордеон? Пришли, взяли, повели во двор...

Рядом со мною на нарах лежали полковник и младший лейтенант. Оба из Ростова, земляки. Полковник ночами не спал, всё вздыхал. В плен попал ещё в сорок первом году, под Вязьмой. Его часто вызывали. Но не уводили. Каждый раз возвращался. Младший лейтенант всё за него переживал. Виду не показывал, но я-то замечал, как он волнуется за своего товарища. А младший лейтенант был лётчик. Истребитель. Сбили на Днестре.

Первую нашу колонну из фильтрационного лагеря к советской границе отправили пешим ходом. Когда шли по Польше... Шли-то усталые, голодные, мимо деревень, где полно жратвы... А поляки, знаешь какие? Выйдут посмотреть и, вместо того, чтобы кусок хлеба вынести, начнут насмешничать. Ну, в первой деревне стерпели, во второй, а там и пошло. Не столько обида, сколько голод. Это надо понимать. А охрана — что? В своих же стрелять не будут. На ближайшей станции погрузили нас в эшелон. И — назад, в Германию. Так шли поезда.

На одной станции произошла такая история. Мы ехали ещё по Германии. Вышли из вагонов, увидели в тупике вагон-цистерну. На цистерне трафарет — череп с костями. А ребятам наших этими костями разве оставишь? Полезли разведать — что там? Цистерна почти пустая, но на дне что-то похожее на спирт. Надо ж знать нашего брата... Нахватали в котелки, во фляжки. Младший лейтенант, ростовчанин, принёс и нам с полковником. Я пить не стал. А он мне: смотри, мол, горит, так что пей, не сомневайся. А я знал: немцы зря такой знак не поставят. Полковник тоже отказался. А вот другой лейтенант, гвардеец, выпил. Он был командиром стрелкового взвода. Попал в плен недавно. Ещё и форму не изнасил, ходил с гвардейским значком и орденами. Немцы не отняли. В Германии на пересыльном пункте встретил свою сестру. Её немцы угнали на работы, на каторгу. Много нашей молодёжи там было. Тоже ехали назад эшелонами. Лейтенант рад: сестру домой в Россию везёт! И только мы отехали от станции, он мне и говорит: «Что это у меня с брюками?» Я ему: «А что?» — «Да, видишь, лампасы куда-то делись. Были лампасы, а теперь вот где они? Нету!» И шупает свои галифе. Я смотрю: лампасы-то на месте. А это у него от выпитого уже пошло, началось... Галлюцинации. Тут и другим стало плохо. Эшелон остановили на ближайшей станции. Человек пятьдесят сняли и — в госпиталь. Хорошо, там стояла наша воинская часть. А человек пятнадцать уже умерли. Умер и лейтенант-гвардеец. Вот так, мил-человек, ехал-ехал домой. И сестру нашёл, к мамке в Россию вёз. Выпил на радостях...

Привезли нас в Россию, в Вышний Волочёк. Снова — на нары. Снова — проверка. Вместе со мною ехал тоже санинструктор. На Днепре в плен попал. Так ему «тройка» сразу зачитала указ: десять лет лагерей. Что уж там у него было, не знаю. Наши документы прибыли в Вышний Волочёк раньше нас. Так что наша судьба нас там уже ждала.

Кто проходил проверку, мог выбирать: хочешь служить, присваивали звание, которое имел до плена, и — в часть; кто ослаб, того отправляли домой. Я поехал домой, в свою Уваловку. Там жили мои родители. Устроился на работу. Фельдшером. Работы после войны много было. Народ ослабел. Вши. Тиф открылся.

Раз поехал в район, а там уполномоченный НКВД, капитан Максимов: «Зайди, поговорим». Зашёл. Поговорили. А он тоже под Сталинградом воевал. Смотрю, из-под стола достаёт бутылку зелёной. Тогда водка в других бутылках была, сургучом запечатана. Тут у него и килька в томатном соусе... Так и уговорили мы вдвоём ту бутылку. Всё же вместе воевали, на одном

фронте. А потом раза два и в Уваловку ко мне заезжал, я его там у себя спиртом угощал. Я, бывало, себе малость разведу водичкой, а он так, не разведённый швырял. Да, мил-человек. А Сашок мне: зачем, мол, дед, ты в плен?.. Давай-ка, разливай последнее. Песне моей конец, а время уже позднее...

Мы выпили. Кондратий Ильич к закуске больше не притронулся. Понюхал свежий пупырчатый огурец, душистый, пахнувший грядкой, солнышком и дождём, положил его обратно на тарелку и сказал:

— Ну, что, невеселую я тебе историю рассказал? И что ты теперь с нею делать станешь?

3

Вечером Кондратий Ильич мне сказал:

— А и выпили мы, однако ж, порядочно. Куда тебе на ночь, глядя в дорогу? Оставайся. Утром на карасей сходим. Прудец наш видел? Карась сейчас в самой поре. На всё хватает! На червя, на хлеб, на мотыля, даже на вермишель! Посидим зорьку. А там и поедешь. На пасеку мою зайдём. Посмотришь моё хозяйство. Медку свежего налью баночку. Весенний мёд — самый полезительный. И жена не будет сердчать, что дома не ночевал.

И Кондратий Ильич усмехнулся, хлопнул по коленкам, будто вспомнив о главном. Он тут же вышел во двор и отдал какие-то распоряжения своей старухе и молодой женщине, должно быть, невестке. В ответ те ничего даже не переспросили. Здесь, в этих кондовых стенах, чувствовалась основательность. Власть и единоначалие. На них, видимо, и строились порядок и достаток.

Уже сумерки принялись закрашивать в окна остатки закатного багреца, когда во дворе что-то произошло. Сперва нервно загремело ведро, потом крикнула женщина, молодка. Крикнула раздражённо. И тут же старуха ответила ей:

— А ты где её нашла?

— Да возле речки! Где её искать? — снова всплеснул, негодуя, молодой женский голос. — Она там всегда ходит. Наша да Макарычева.

— А что ж он орёт?

— Да пьяный! Сюда вон идёт. Опять тятку цеплять будет, сморчок вонючий. Объела его наша корова... Какой-то луг всё поминает: мол, наш луг, дедов, а вы на нём коров пасёте.

— Э-э, вспомнил... Снег летошний... Когда ж это было? Корова-то как, не хромает? Не ударил?

— Да вроде нет. Только попробовал бы. Я бы его сама в речке залила!

— Молчи, забияка, — тихо сказала старуха. — Мужики сами разберутся...

Кондратий Ильич тоже слушал этот разговор, и, видимо, смысл его был ему понятен. Он выпрямился. Ноздри старика напряглись. Таким он был иногда во время рассказа.

— Вот сволочь! Сосед. Загулял опять. Последняя рубаха...

Под окном, которое было наполовину открыто, и через него вместе с сумерками вползал в просторную комнату вечер, захрустели вечерней травой. Колыхнулась тяжёлая ветка сирени, и почти на подоконнике показалось небритое потное лицо бесконечно усталого человека. Лицо шурилось, гримасничало и вдруг произнесло:

— Слышь, пленный, корову твою я всё же убью. Вилами колыну. Если ещё увижу, что по моему лугу... Понял? Это я сказал! Забогател... Шторки повесил... Поговорить нельзя... Пленный! Слышь? Ты дома?

— Я-то дома. А вот ты где находишься? — спокойно сказал Кондратий Ильич и даже не пошевелился на своём стуле под потемневшим в сумерках Николаем Угодником.

— Ну-ну.. Ещё чем-нибудь попрекни. На свои гуляю! На кровные! Последнюю рубаху сыму, а выпью! Да! А кому какое дело? Мой батька до Берлина дошёл! А ты котелки немецкие лизал. Но... я не хуже тебя живу. У меня тоже всё есть.

— Ну, ладно. Хватит! Пошёл прочь! — Кондратий Ильич встал, и усталое потное лицо с подоконника сразу исчезло. Только тяжёлая ветка недавно отцветшей сирени бесшумно покачивалась на том месте, где оно гримасничало мгновение назад.

Мы несколько минут молча сидели в сумерках.

— Шурка. Сосед, — Кондратий Ильич вздохнул. — Я его в прошлом году на лечение, дурака, устроил. Думал, человек в него вернётся. И месяца не продержался... Нету силы воли. Степаниду жалко. Пропил всё. Из дома тащит. И руку на неё уже поднимал. На матерю. А на меня злится, что опохмелиться не даю. И не дам. Вчера Степаниде пенсию принесли. Теперь дня три-четыре пить будет. А потом придёт, будет в ногах валяться, унижаться. Мерзавец. Плохо кончит.

Немного погода в глубине проулка что-то треснуло, глухо ударилось оземь, и хриплый голос будто эхом взревел:

— А-а! Родину продали! Фашисты! Волки позорные! Последнюю рубаху!..

— Он что, сидел? — спросил я.

— Да нет, так, дурачится. Форс на себя напускает.

Мы на всякий случай вышли во двор. В хлеву, под тусклой одинокой лампочкой, одна из женщин, видимо, молодка,

доила чёрно-пёструю огромную, как печка, корову. Звонко били струи в пустой подойник. Но вскоре он стал наполняться, и звуки струящегося молока опали до шороха. Корову вздыхала. А женщина ей что-то говорила, незло бранила.

Я сразу вспомнил детство, наш двор, мать и её разговоры с коровой Зорькой во время дойки... Мать доила Зорьку, а я стоял рядом с кружкой и ждал парного молока.

— Таня, ну что, хорошо отдаёт? — спросил молодку Кондратий Ильич.

— Хорошо. Он её не тронул. Пускай только пальцем тронет — утоплю.

За ужином Кондратий Ильич сказал:

— Когда-то, до революции, дед Шурки, отец Степаниды, владел здесь мельницей. На перекате стояла, недалеко отсюда. Ну вот, как выпьет, у него сразу и пошло старое играть... Порода.

— Какая ж это порода? — возразила старуха, всё это время молчливо сидевшая по правую руку Кондратия Ильича. — Старик Игнат Прокофьич смирный был человек, рассудительный, тверезый. А что он тебя пленом всё попрекает? Ты ему тоже скажи...

— Что?

— А то! Тятьку он своего вспомнил: до Берлина дошёл. А я-то помню, как он в полиции служил. До сорок третьего года. Вот кто немецкие котелки лизал! У-у, язык его распухни! — и, повернувшись ко мне, старуха пояснила: — Нас в сорок третьем, по осени, ослобонили. Войска наши пришли. А он, Никанор, отец пьяницы этого, у тётки своей в соседней деревне в погребе хоронился. Нашли и там. Поросёнка у нас забирал. Братья-то мои старшие все на фронте были. Пришёл, помню, с двумя немцами и матери нашей говорит: Василиса, мол, отворяй хлев и выпусти поросёнка, немцам надо. Мать — в слёзы. А он и говорит: нечего, мол, слёзы лить, видал я ваши слёзы, выпускай, а то хуже будет, я, говорит, ещё не доложил, что сыны твои в Красной Армии служат... Мать поросёнка не выпустила, так он в хлев сам залез, вытащил. Немцы его тут же и зарезали. Палить не стали, а только требуху выпустили. Погрузили на телегу и увезли. Вот что он тут творил, пока наши отцы да братья на фронте воевали. С винтовкой по деревне ходил, попробуй ему что скажи.

— В штрафной роте воевал Никанор. Вернулся живой, с медалями. Мы с ним всю жизнь в соседях. Добро жили. И на Девятое мая всегда бутылочку покупали... Летось помер от сердечного приступа. Похоронили со всеми почестями. А сын вот, видишь, непутёвый уродился. Последняя рубаха...

Я слушал этот неторопливый разговор и понимал, что то, о чём они сейчас говорят и о чём не говорят, — это сюжет уже другой драмы. Но она была бы невозможной, не случись первая. И причудливая нить судьбы вплела в неё и пьяницу-соседа по прозвищу Последняя рубаха, и меня, как невольного свидетеля, и этот тихий тёплый вечер с малиновыми, ещё не вызревшими сумерками, с запахом парного молока и вошины...

ПЛАТОК

Пожар случился ночью. И если бы не суббота, если бы не молодёжь, которая гуляла в деревенском клубе неподалёку, они все — и Иван с Таней, и Володя с Ритой и девочками, и она сама, Степанида, — сгорели бы в том огне. А хата что?.. Хату можно новую купить. Главное, сами живы. Ребята соседские спасли. Прибежали с танцев. Когда увидели, что крыша уже занялась, в окошко вскочили, Володю с Ритой разбудили, да за вёдра...

Володя девочек ухватил, прямо в одеяле понёс на улицу, будить даже не стал, чтобы не перепугались. А Рита выводила её, Степаниду. Иван только вот... Спина обгорела. Правду Володя говорит: жизнь дороже. Телевизор пожалел, в огонь полез за телевизором. А что ж, и жалко, добро ведь. Нажитое всё. Своим трудом. Дармовая копеечка с неба в колени не сыпалась. Ни ей, Степаниде. Ни Ивану с Таней. Швейная машинка сгорела. Кастрюли вон все поплавились. А сколько пряжи овечьей пропало! В сумке за печкой висело пять больших клубков. И каждый — с хороший кочан. Сколько б девкам шерстяных носков связала! Ходили б зимой в своей Москве в школу и горечка не знали. Сундук со смертным тоже сгорел. Иван было схватил его, да балка обвалилась... Ладно хоть сам живой выскочил. Охо-хо-хо-хо...

Старуха Степанида сидела в саду возле летней кухни и перебирала стопку какой-то материи, обгоревшей со всех сторон. Она брала верхний лоскут, бережно отделяла его от стопы, расправляла на коленях, на грязном закопчённом фартуке, и аккуратно обрезала ножницами обгоревшие края. Это были платки. Целая кипа платков. Было их тут, может, двадцать или даже тридцать. Но теперь они мало походили на платки. От них пахло так же, как и от залитых водой столбов — пожаром, ужасом прошедшей ночи. И только цветы — то маленькие, голубенькие, будто ленок, то крупные, аляповатые и роскошно-выпуклые — напоминали о том, что это были всё же платки.

Подошёл Володя, внук. В футболке, которая ещё вчера была ослепительно-белой, а сегодня чёрной, замызганной, как и фартук, на котором старуха неторопливо, с терпеливым упорством хлопотала свою работу.

Сейчас бы она хлопотала по дому, подметала полы, мыла чугуны или выгребала угли на загнетку. Но дома не было. Второй раз в жизни у неё не было дома...

Платки она нашли утром возле печи. Обвалилась труба, сложенная под наклоном, и один из её сундуков привалило кирпичами. Сундук сгорел только наполовину. В нём и лежали её платки. Двадцать или всех, может, тридцать. Что теперь считать? Не будет она теперь их считать. Всё попорчено.

Но просто так выбросить их старуха не могла. Сидела и терпеливо обрезала старыми ножницами горелое. Ножницы были острые, Иван их недавно поточил. Ножницы не сгорели, они лежали в кармане её фартука. Вчера она взялась починить старую фуфайку, в которой Таня ходила на ферму. Фуфайка сгорела.

Старуха вела ножницы по самому краю, чтобы не захватить слишком много живого. Но и живая материя пахла уже не сундуком, а тленом, и, казалось, расходилась уже не от ножниц, а от одного только прикосновения. Может, сгодятся ещё для чего...

— Бабушка! Что ты делаешь? — сказал Володя и выхватил у неё из рук лоскут только что обрезанного платка. — Я же тебе сказал...

Этот платок пострадал меньше других. Или ей так показалось?.. Обгорели только концы. С одной стороны. Остальное оказалось целым и невредимым. Старуха развернула его, встряхнула — на бордовом поле алые маки с живыми зелёными, как молодые глаза, листочками. Она аккуратно закруглила углы, разгладила маки на коленях. Тут-то и подошёл внук, нарушил её одиночество.

— А как же, Володюшка, — тут же всплакнула она, не сопротивляясь. — Это ж всё моё добро. Всю жизнь трудилась, а мне начальство подарки давало. То колхозное, то райисполкомовское, то из военкомата. Всё ж беряжила...

— Ох, бабушка-бабушка... — вздохнул внук и положил ей в колени платок с алыми маками. — Не горюй ты так. Я же сказал: завтра будете жить в новом доме!

— Тут пока поживём. В летней хате. До осени и тут можно пережить.

Внук вздохнул, покачал головой. Хотел сказать ещё что-то, но постоял, подумал и только махнул рукой.

У Володи тоже всё погорело. Новый костюм. Туфли. Белые, дорогие. Он только в машине в них и ездил. По деревне

в таких ходить нельзя. Хорошо, документы успел ухватить. Документы и деньги. В сумочке у него всё лежало: документы, деньги, часы и Ритины золотые серёжки. Сумочку да детей только и успел вынести. А парень он вон какой додельный, уже сбежал на слободку, к заводу, уговорился с директором, что тот продаст ему новый дом в бывшем колхозном саду. Сада-то, правда, уже нет, так только, вид один — яблоньки растут сами по себе, задичали, залохматели, из рядов пошли куда зря... И колхоза давно уже нет. Только завод от местного торфопредприятия ещё работает. Иван там трактористом уже третий год. Поля-то берёзками заросли, не пахутся давно поля. Вот Иван и ушёл на завод. А директор для молодых специалистов дом построил. Хороший пятистенок из сосны. И крыша железная. Не то что щеповая, какая была у них.

С крыши-то всё и пошло. Искра с проводов упала, когда ветер подул. А щепа — как порох. Третью неделю без дождей. Жара и жара... Видать, большие деньги отдал Володя директору завода, что тот сразу уступил дом. Дом-то хороший, такого в селе больше нет. И в селе, и на слободке. В саду стоит, на просторе. Хорошее место. Гусей можно опять развести, никому мешать не будут...

Платок-то красив. Ах, как же красив! Чей же это платок? Вон тот помню. Как же тот не помнить? Памятный платок. Председатель райисполкома на Первое мая привёз и вручил в клубе, принародно. Так на плечо и накинул. Как молодке всё равно... Бабы даже завидовали. Хороший, добрый был мужчина, справедливый. Зря его сняли. Справедливых-то и не любили. А тот вон Таня, невестка, на свадьбу, когда за Ивана пошла, подарила. Обычай у них такой тут: на свадьбе невеста одаривает родителей и родню жениха. Танин платок... Охо-хо-хонюшки-и... Когда ж это было? Ой, давно! Таня-то из богатой семьи. А за Ивана пошла. Степанида и не чаяла, что Пётр Семёныч свою старшую дочь, свою красавицу, за её сына отдаст. Иван настырный был: иди, мам, позови Николаиху, и идите сватать... Пошли. Высватали. А чей же этот? Неужто тот самый?..

Сердце старухино колыхнулось, потянуло в груди глубокой затяжной болью. Она прикрыла глаза, затаилась, и боль вскоре ушла. Осталась не то усталость, не то истома какая-то.

Когда платков в сундуке было ещё мало, она запихивала его на самый низ, а то и под газетку. А потом — в серёдку. Чтобы не сразу и на глаза попадался. Что ж теперь вспоминать? Уже и тогда было понятно: только пыль-пепел и остался...

Замуж Степанида вышла семнадцати с половиной годов. Только школу окончила. За своего, прудковского. Прудки — село и тогда было большое. Делилось на две части. У каждой — свои названия: Селезни и Тихонята. В Селезнях испокон веков жили Селезнёвы. А в Тихонятах — Тихоненковы. Других фамилий в Прудках не было. Прислали как-то председателя из бывших райкомовских инструкторов, но он долго тут не зажился, уехал. И фамилию его тут же забыли. Посреди села — пруд. По берегам пруда — липы старого барского парка. Колокольня. Церковь во время войны разбомбило. Немцы наступали — два или три снаряда попало. А потом наши в наступление пошли — ещё два или три снаряда. Так и обвалилась. Кирпичи потом разобрали. Сложили из них колхозную котельную для мастерских и фермы.

Так вот, Степан был из Селезней. А она в девичестве — Тихоненкова. Если в Прудках женились на своих, то жених всегда забирал невесту на свою сторону пруда, в примаках не оставались, тут это считалось зазорным. Так Селезни и Тихонята и сохранялись в чистоте.

Пожили они всего-то две полные недели и несколько дней. Гуляли до свадьбы больше года. Он и на руках её через протоку носил, когда из Тихонят перебирались в Селезни и обратно. И в стогу колхозном, в снопах, раза два ночевали. А притронуться к себе она позволила только после свадьбы. Наутро Степан пошутил: я, говорит, думал, что мы и дальше будем так жить — спать через шторочку..

22 июня, после обеда, лыки драли возле ручья. Их бригада, вся колхозная молодёжь. Развеселились, раздурились. Стали водой плескаться. Лыки-то сразу связывали в большие вязанки и опускали в воду, отмокать, под камни, под гнёт, чтобы не подняло и течением не унесло. Так вот, в воду пошли девчата да молодницы. А ребята им подавали вязанки. Девчата начали плескаться. А те попрыгали к ним, да в воду их! Ну, шуму было! Ну, брызг! Ну, визгу!

Тут председатель приехал. Увидел их, хотел окликнуть, что-то сказать, но махнул рукой, сел на пригорке, кепку снял и закурил. Докурил председатель свою папиросу и говорит: «Война!» Тут все сразу и утихомирились. «С кем?» — «С германцем».

А уже назавтра Степан ушёл в военкомат. Так и не отпустили его, даже попрощаться. Вечером прибежала на станцию проводить его. К поезду едва успела. Как ушёл, так и канул навсегда. Ни письма от него, ни весточки. К осени пришла казённая бумага: пропал без вести. А фронт уже приближался к Прудкам. За Рославлем гремело, ночами стало подниматься зарево.

«Да что ты, подруга, окаменела вся? Что ты? Может, еще живой где?.. В извещении ж не сказано, что убит. Может, в плену твой Степан», — утешала её соседка. И нить надежды, совсем было истончившаяся, как пряжа, вдруг окрепла в ней: а что как и вправду не убит, живой? Да нет, убит он, погиб, погиб её Степанушка...

Но всем приходили похоронки, а ей одной — без вести. Без вести — это, значит, неизвестно в точности, убит он или живой, догадалась она, катая в голове бессонными ночами это скользкое, непонятное «без вести».

Тогда же, осенью, она уже знала, что беременна. Зимой, когда пришли немцы, в самые холода она родила мальчика, Ивана.

Два года пробыли они в оккупации.

В сорок третьем, летом, наши начали наступать. Но неудачно. Дошли до Прудков и остановились. Навалились на них немцы. И много танков наших пожгли в поле, много солдат побили во ржи и в лесах вокруг. Через Прудки погнали пленных наших бойцов. Шли оборванные, все в бинтах.

Степанида выскочила на улицу. Сердце зашлось: нет ли среди них Степана? Колонна большая, а они все мазаные — перемазанные, в крови, и — на одно лицо. Где ж тут родного узнаешь? Стала звать: «Степан! Степанушка! Где ж ты, миленький мой?» И тут вышел из колонны один боец. Так к ней и шагнул, как шагнул бы Степан. В танкистском комбинезоне, в чёрном шлеме. Рука на перевязи. «Ты ж не Степан!» — вскрикнула она, но хлеб, ковригу, которую ухватила с лавки, всё же ему целиком сунула.

Почти всё лето простояло тихое. Из леса шёл запах. Ходили иногда, собирали трупы убитых наших бойцов и закапывали там же, в воронках. Среди убитых Степана не было. Вся деревня ходила, тоже своих искали.

В августе в стороне наших позиций снова загремело. Начали летать самолёты. Особенно ночами. И староста, дядя Василий, приказал всем рыть в овраге землянки. Потом, после освобождения, в них и жили. Хорошо, что тогда вырыли, а то пришлось бы в поле зимовать.

Вырыли землянки. Дядя Василий ходил, посматривал, чтобы глубже копали. Бранил, если настил тонкий клали. «Бабоньки, милые! — сипел он, оглядываясь на небо. — Себя не жалеете — детей пожалейте! Глубже копайте, я вам говорю. Хлевы разбирайте на накат. В два ряда! Иначе — до первой мины...»

Но вскоре в Прудки приехали жандармы. На трёх мотоциклах. Начали всех выгонять из домов. Согнали в колонну и — по большаку. «На Рославль гонят», — догадался дядя Василий.

Все уже знали, что такое «на Рославль». В Рославле был концлагерь. Большой концлагерь. Держали в нём и пленных красноармейцев, и партизан, и жителей, угнанных из прифронтовых деревень.

Но, слава Богу, их за проволоку не повели. Приказали рыть окопы. А Степанида с ребёнком малым. Положила мальчика на землю и за лопату взялась. Пришла какая-то женщина из Рославля и увела её с собою. Предупредила старосту дядю Василия и увела. Оказалась — фельдшерица. Работа в немецком госпитале. Жила на окраине города в собственном доме.

Степанида утром кормила Ваню и оставляла его в доме. Сама бежала на окопы. Было строго. Только попробуй не явись на работы... Хоть дядя Василий и не притеснял их, а немцы с него спрашивали строго. «Бабоньки, не подведите. А то постреляют нас, всю деревню погубим. Что я тогда вашим мужикам скажу?..» Спас их тогда староста дядя Василий. Всех потом назад, в Прудки, и привёл. Никого не потеряли. В сорок восьмом его забрали. Судили — и на Колыму. Пришёл потом. Больной. И вскоре помер. Вся деревня хоронила. Мужики в полях работы побросали, на кладбище приехали.

Фельдшерица та раз ей и говорит: «А где твой муж воевал?» — «Да где-то здесь, под Ельней или Дорогобужем». — «А хочешь поискать его? Тут, в лагере, среди пленных? Тут некоторые с сорок первого, с осенних боёв». — «А как же такое возможно?» — «Возможно. Я тебя проведу, а там ты сама сообразишь».

Опять надежда всколыхнулась в ней. Заметалась кровь. А ну как и вправду её Степан здесь, в Рославле, рядом с ними?

«И что же, разве его отпустят? Если он здесь, если найду его?..» — Отпустят. Недавно немцы нового коменданта лагеря прислали. Если жена мужа опознает или сестра брата, а пуше дочь отца — отпускает».

Два дня ходила она к проволоке. Таких, как она, там было много. Бродили вдоль проволоки, кричали до хрипоты: «Петя!», «Коля!», «Гриша!», «Кто из Зимниц?», «Петровские есть?». И она кричала, звала.

На второй день, когда стало понятно, что Степана здесь нет, подходит к ней боец. В комбинезоне, в танкистском шлеме, только уже без сапог, босиком. Она его сразу узнала. Он — её. После он признался, что увидел её ещё в первый день. Сразу, как только она крикнула: «Степан!» — он её и услышал. И узнал. И на второй день уже ждал, уже решил: если придёт опять, подойду. «А где ж твои сапоги?» — первое, о чём спро-

сила она его. — «Сапоги променял на хлеб». И, правда, отошел, ссутулился. Под глазами синие круги. — «Вон, видишь, что творится», — и он указал на полевую кухню, возле которой вдруг поднялся гвалт, крики, брань, началась драка. «Задавили! Задавили! Сволочи!» — закричали там нечеловеческим голосом. — «Что это такое?» — спросила она. — «Баланду раздают», — сказал он. — «Степан, вот твой сын, — вдруг сказала она и протянула к проволоке спящего Ваню; мальчик во сне вспотел, раскраснелся. — Видишь, какой уже большой вырос». Он кивнул: «Спасибо, сестра».

Долго они смотрели друг другу в глаза. И у него, и у неё текли слёзы. У неё — жалости. А у него — благодарности. Он тоже знал, что из лагеря можно выйти только так: если тебя кто-нибудь признает. Но он был сибиряк. Вся его родня жила в Новосибирске. Кто его здесь признает? Никто. «Своего-то не нашла?» — спросил он погодя, отведя взгляд. — «Не наша. Погиб мой Степан. Ещё в сорок первом, летом». — И опять он ей: «Спасибо, сестра». — А она ему в ответ: «Я тебе не сестра — жена. Запомни это».

Вечером она сообщила фельдшернице, что нашла мужа. А дальше уже действовала сама фельдшерница. Она знала кого-то из охраны. Привела Степаниду к коменданту лагеря. Им оказался пожилой немец, чем-то похожий на дядю Василия. Он некоторое время молча смотрел на неё. Потом спросил: «Муж?» — «Да», — ответила она. — «Забирай его и больше не пускай на войну. Война — плохое занятие для молодых». Так и сказал и кивнул на ребёнка. Она запомнила каждое его слово. Немец по-русски говорил хорошо. В конце сентября их освободили.

Степан-танкист был тут же призван полевым военкоматом. Через несколько дней он пришёл навестить её. Степанида с Ваней по-прежнему жили у фельдшерницы, хотя деревня уже ушла на восток. Дядя Василий повёл свой народ по большаку домой. А она сказалась больной, осталась. Словно сердце чуяло, что вернётся попрощаться.

Степан пришёл, сунул ей какой-то сверток. На стол с грохотом высыпал из вещмешка несколько банок тушёнки, буханку хлеба, кулёк с огромными кусками сахара. «Ване. Ребята собрали. Сына корми, Степанида».

Фельдшерница всё поняла в первый же вечер: спать её постельяльцы легли порознь. Степанида там же, на диване, где спала все эти дни. А Степан постелил себе возле двери, на лавке. Так они и прожили всю последнюю неделю оккупации.

Когда он пришёл проститься, она испугалась, что больше не увидит его, обняла, стала целовать в глаза, в щёки, в губы. Так и сплелись они, как лоза с вязом.

После, когда он ушёл, она взяла сверток, оставленный им, и на колени ей упал невиданной красоты платок — алые маки на бордовом поле.

Не раз потом, пока была молода, она доставала его из укромных похоронок, прижимала к груди, накидывали на плечи и смотрелась в зеркало. Но ни разу не осмелилась выйти в нём на люди.

Об одном только жалела: что не забеременела тогда, в Рославле, от Степана-танкиста. Если бы забеременела, ничего бы делать не стала — родила. Многие тогда, после освобождения, рожали. И бабы, и девки. Тогда это не было зазорным. Но после второго Степана мужчины у Степаниды уже не было. Не встретился ей больше такой.

Жизнь она прожила с сыном. Иван рос добрым, ласковым, работающим. Дай Бог каждой матери такого сына, думала она, с благодарностью глядя на Ивана. И невестка попала хорошая. Уважительная. Хоть и из богатой семьи, а голову перед нею не вскидывала. Мама да мама... И начальство её уважало. К каждому празднику — то денежную премию в конверте, то платок.

Вечером Степанида собрала обгорелые лоскуты в старую дерюжку и отнесла узел к дровам, на которых рядком сидели куры, оставшиеся без курятника. Оставила только один — с алыми маками в бордовом поле...

ТОВАРИЩ ВОЕНВРАЧ

РАССКАЗ

Незадолго до смерти тяжелобольная мама попросила меня: «Принеси мне, сыночек, тетрадку и ручку, я целые дни одна, хоть запишу, что помню. Может быть, отвлекусь». Она записала не много, но память ей подсказала то существенное, что не теряет цены у потомков. Вот эти записи:

«Факты, о которых буду рассказывать, известны только мне и ещё нескольким людям.

Начало войны. Я работала главным врачом женской и детской консультации на Транспортном переулке, 5. Меня вызвали в райздравотдел и приказали по совместительству возглавить медчасть во вновь организуемом эвакуопункте, в школе № 305 по Лиговскому проспекту, 66.

Школу, из которой только что ушли дети, надо было немедленно превратить во временное пристанище множества людей, хлынувших от опасности очутиться в оккупации ненавистного врага. И это временное пристанище буквально в несколько часов было организовано.

Для того чтобы описать состояние людей, оказавшихся на эвакуопун-

ПРОЗА

кте, надо написать сотни страниц. Я остановлюсь только на нескольких людях и эпизодах. Нам, медицинской части, было отведено два классных помещения на первом этаже школы, с партами, классными досками. Всё остальное надо было сделать самим. И мы сделали: в одном из классов к вечеру того же дня был открыт врачебный кабинет, на втором этаже — палата. Я, конечно, не помню подробностей, откуда всё бралось, но в палате уже стояли накрытые койки, а в кабинете (с пирамидой парт в углу) стоял шкаф с медикаментами, перевязочным материалом, процедурный столик и тумбочка с электрической плиткой, на которой в стерилизаторах кипятились инструменты.

Начальником эвакуопункта был высокий, красивый, довольно молодой человек в военной форме (кажется, лейтенант), суровый, неразговорчивый. Нам он сказал: «Имейте в виду, если будет дан эшелон, в первую очередь отправим детей и стариков».

Дат я, к сожалению, не помню, но думаю, что это был конец августа—начало сентября 1941 года. Ленинград в это время уже бомбили, бывали артиллерийские обстрелы, пока не массированные. Помещение школы наполнилось людьми до такой степени, что, если дежурного врача вызывали на третий или четвёртый этаж, проникнуть туда было почти невозможно: на лестнице некуда было ступить. И невозможно описать человеческое горе. Прибегали дети, потерявшие родителей, обезумевшие матери в поисках пропавших детей.

Вот один из таких случаев. Милиционер привёл к нам с Московского вокзала мальчика шести лет. Он едва держался на ногах и так дрожал, что не мог произнести ни слова. Мы завернули его в простыню, одели, накормили, потом общими усилиями помыли, уложили в постель, ребёнок немножко успокоился. Он нам сказал, что его зовут Робиком; когда пришёл в себя, рассказал следующее (помню почти дословно): «В Оредеже, где мы жили, папа работал на железной дороге. Все побежали на станцию, и мы побежали тоже, с папой и с мамой. Там стоял товарный поезд. В него лезли все люди, и мы — тоже. У нас был с собой только мешок, чайник, а у меня сумочка. Поезд часто останавливался в лесу, потом снова ехал. Народу в вагоне было очень много, но все молчали, было тихо. Вдруг раздался сильный стук, наш вагон задрожал, кто-то отодвинул дверь, прибежал дядя и крикнул: «Миномётный обстрел! Все в лес!» Все сразу бросились к двери и стали выпрыгивать, а стреляли очень сильно. Меня мама схватила за руку, и мы тоже выпрыгнули и побежали в лес. Я так испугался, что не понял сначала, что это была не моя

мама. Мы долго бежали по лесу, потом очень устали и упали, и тогда я только понял, что это чужая тётя, а не мама. Когда стрелять перестали, мы пошли к поезду. Я плакал и звал маму и папу, но их нигде не было. В канаве у поезда лежало много людей, я ко всем подходил, смотрел, но это были чужие. Тогда я пошёл искать тот вагон, в котором мы ехали, но они были все разбиты, и там ничего не было. Только в одном вагоне я увидел наш чайник. Я всё время кричал и звал папу и маму.

Потом меня взял на руки какой-то военный дядя, сказал, что мама и папа приедут следующим поездом, и я заснул. Когда я проснулся, другой военный дядя сказал милиционеру: отведи ребёнка на эвакуопункт (это слово Робик выговорил как-то по-своему). Меня дядя милиционер привёл к вам. У вас папа и мама?» Мы сказали, что они скоро приедут, а пока он поживёт у нас. Робик стал нам родным и близким, мы прятали его от начальника эвакуопункта, боясь, что вдруг состоится отправка и ребёнка увезут, а родители найдутся. Мы сами верили в это, так нам этого хотелось.

Наш Робик целые дни проводил на узком подоконнике, свернувшись калачиком, и смотрел в окно во двор, где был вход в школу, надеясь в потоке людей увидеть своих родителей.

На этот раз так, к счастью, и случилось. Родители, обыскав лес и потеряв надежду найти там своего Робика, отправились пешком в Ленинград. Примерно через неделю, измученные, истощённые, угнетённые тягчайшей потерей, родители добрались до Ленинграда. К сожалению, мама Робика не выдержала психологической нагрузки и попала в психиатрическую больницу, а отец метался по городу со слабой надеждой найти сына. Поиски привели его на Московский вокзал, а потом и к нам. Встречу отца с сыном описать не могу, так как меня без конца вызывали то в райздрав, то в горздрав на совещания. Ведь не было подобного опыта в истории Ленинграда: как лучше обеспечить медицинской помощью население и беженцев.

Второй случай — совсем другого рода. Какие-то военные привезли к нам на эвакуопункт старуху, которую они извлекли из-под обломков разрушенного дома в городе Пушкине. Старухе было за семьдесят лет. Совершенно слепая, грязная, истощённая, больная, она была направлена к нам в медчасть. Одежда на ней была вся в лохмотьях, но со следами старинных дорогих тканей, на голове полуистлевший чёрный шёлковый чепец. Звали её Екатерина Александровна. При ней был чемодан, который мы поставили под её кровать, а в руках у неё — кожаный баул (с такими до революции ходили к

больным состоятельные частные врачи). Этот баул она всё время держала в руках. Через день-два я ей предложила: «Дайте мы вам помоем голову и вообще помоем». Она вцепилась одной рукой в баул, другой — в чепец, наотрез отказалась. И я отступилась.

Вскоре она заболела воспалением лёгких. Я пришла её посмотреть. Она попросила меня наклониться к ней поближе и зашептала мне на ухо: «Дорогая, возьмите это себе». Протянула мне баул, приоткрыла его. Я испугалась до смерти: там всё переливалось золотым и ещё каким-то блеском. Я захолопнула баул, сказала: «Держите его при себе. Я даже на сохранение не могу его взять, я часто ухожу на всякие совещания, и вдруг в это время подадут состав для эвакуации... Вас увезут с пустыми руками...»

Главным действующим лицом в этой истории суждено было стать моей помощнице, сестре Антонине Семёновне... В первый день вся медчасть была сосредоточена в одном моём лице. Мне надо было комплектовать медперсонал, а ни в каких сметах, планах он не значился. Пользуясь правом главврача поликлиники, я взяла оттуда старшую сестру, зная её как человека очень делового, честного, трудолюбивого. Роль санитаров (отличных!) исполняли эстонские милиционеры, волею судьбы очутившиеся на эвакуационном пункте, наравне с другими беженцами. Это были прекрасные, как на подбор, парни. Некоторые совсем не говорили по-русски, но все понимали с полужеста.

Несколько дней спустя после описанной демонстрации ценностей, о чём я уже забыла и думать, я возвращалась на эвакуационный пункт и встретила на улице Антонину Семёновну, необычайно взволнованную. Я испугалась, спросила: «Что случилось?» Она мне ответила: «Умерла Екатерина Александровна». — «И, слава Богу, — сказала я, — для неё это лучший исход». — «Нет, Анна Титовна, вы не всё знаете. Вот вам ключ от аптечного шкафа». — «Зачем он мне?» — удивилась я. — «Ведь при ней был чемоданчик, наполненный драгоценностями. Она предлагала мне его взять, но я отказалась. А когда она умерла, я испугалась, что драгоценности кто-нибудь похитит, спрятала чемоданчик в аптечный шкаф и теперь не знаю, что делать, и не знаю, правильно ли я поступила». И снова попыталась мне передать ключ.

Признаться, я тоже растерялась, но, чтобы её успокоить, сказала: «Всё правильно». Кстати, вспомнился один случай: ко мне в кабинет пришёл мужчина в штатском и сказал, что он работник НКВД, живёт на четвёртом этаже в биологическом кабинете и если что — надо к нему постучать и отойти от

двери. При этом строго добавил: «О нашем разговоре никто не должен знать». Антонине Семёновне я сказала: «Всё сдадим в фонд обороны». Успокоившись, она рассказала мне следующее: когда умерла Екатерина Александровна, её надо было срочно убрать, так как в палате были ещё больные. Начальника не оказалось на месте, и она сообщила о случившемся дежурному милиционеру (у входа был милицейский пост).

Милиционер спросил, были ли какие-нибудь вещи у умершей. Антонина Семёновна вспомнила о чемодане, стоявшем под койкой. В нём оказались какие-то дорогие не то ткани, не то меха. При осмотре покойной был обнаружен мешочек, спрятанный на груди (шкурок на шее помнила и я), в нём какие-то заграничные деньги. Был снят и чепец с головы. Милиционер его ощупал и обнаружил что-то твёрдое, а когда чепец распорол, увидели, что в него зашиты какие-то драгоценные камни. Всё это милиционер сложил в чемодан и унёс. Тело покойной увезли.

Как только появился начальник, Антонина Семёновна обо всём ему доложила, но умолчала о бауле с драгоценностями, спрятанном в аптечной шкафу.

Сделав неотложные дела, накопившиеся в моё отсутствие, я поднялась на четвертый этаж и постучалась в биологический кабинет. Вышел Николай Иванович (так он просил его называть). Я пригласила его в кабинет начальника, и там им двоим всё рассказала. Николай Иванович назначил время вечером (эвакопункт не спал целые сутки) собраться в медкабинете и чтобы кроме меня и Антонины Семёновны никого не было.

Нас собралось четверо, вызвали дежурного милиционера (постовой поменялся, того, что унёс чемодан Екатерины Александровны, мы больше не видели). Содержимое баула Николай Иванович разложил на парты, которые мы оставили в кабинете как мебель. Думаю, что никому из присутствующих в жизни не довелось видеть что-нибудь подобное. Всё сверкало и переливалось разноцветными огнями. Там были золотые часы в виде луковицы, поразившие меня формой и размером, ещё разные золотые часы. Цепочки тончайшие и массивные. Гарнитуры, состоящие из браслета, колье, кольца и полубручи, какие дамы носили на волосах, с вкрапленными драгоценными камнями. Кроме того, была небольшая шкатулка, расписанная палехскими художниками, в ней стопка визитных карточек на глянцевиной бумаге. На карточке в верхнем углу двуглавый орёл с царской короной и надпись: лейб-медик Двора Его Императорского Величества. Ни имени этого лейб-медика, ни его фамилии моя память не сохранила...

Всё это было переписано, как-то поименовано; присутствующие подписали акт. Всё сложили в тот же баул. Нам с Антониной Семёновой было сказано спасибо за сохранность драгоценностей, которые будут переданы в фонд обороны. Мы почувствовали себя счастливыми: всё сделали как надо.

Впоследствии я потеряла Антонину Семёновну из виду. Мы встретились случайно уже в пятидесятые годы, в детском санатории «Теремок» в Ушкове. Она работала там медсестрой, я, как главврач детского сектора, приехала по службе. Мы встретились, как встречаются однополчане, обнялись, заплакали. Сели на скамейку, перебивая друг друга, пересказали то, о чём я сейчас написала».

На этом запись в маминой тетради обрывается.

В жизни наших мам главное время пришлось на Отечественную войну (хотя они помнили и Гражданскую). В мамины руки попало сокровище, само приплыло, как в сказке, — и уплыло. Подобные случаи послужили основой сюжета множества увлекательных историй — детективных, авантюрных, фантастических, криминальных. Во все времена человечество тешило себя мечтою о кладе. Но мамин случай особенный: мама испытала счастье не от обретения клада, а от расставания с ним. То же можно сказать и о маминной подруге Антонине Семёновне.

Наши мамы, на современный взгляд, были странные особы: собственное благо, семейный достаток почитали заодно с благом Отечества: живо будет Отечество, живы будем и мы. Богатство наших мам заключалось в их душах; в войну они его сполна отдали в фонд обороны. К их рукам ничего не пристало.

Расскажу ещё один случай из маминой врачебной практики. В войну мы жили в эвакуации в посёлке Мантурово, на берегу реки Унжи. Мама работала заведующей отделением эвакогоспиталя. Отделение помещалось в трёхэтажном здании школы при лесозаводе. В зиму сорок второго года раненых было много, и всех степеней тяжести. Мама приходила домой поздно вечером. В семье нас было пятеро, мы занимали половину крестьянской избы с печуркой, спали вповалку на полу. По вечерам ненадолго зажигали коптилку: не было ламповых стёкол, керосину в обрез. Мама приносила в судке кое-какую пищу — из своего дневного довольствия военврача, всё делилось на пятерых. Перед сном, помню, мама садилась к топящейся печурке, открывала дверцу, закуривала папиросу «Беломорканал», пускала длинные струи дыма, рассказывала о происшествиях в госпитале за день. Мы слушали, затаив дыхание.

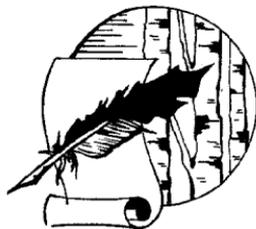
Один мамин рассказ той поры я запомнил.

«Вечером сижу в кабинете, — рассказывала она, — разбираю истории болезней, делаю назначения, слышу, кто-то скребётся в дверь, просовывается раненый в халате: «Товарищ военврач! Разрешите войти?» — «Входи». — «Товарищ военврач, разрешите закурить?» — «Кури». Я его узнала: Валеев, татарин. Он два дня как к нам поступил. Рана не тяжёлая, но запущенная, загноившаяся. Он терял сознание, по ночам бредил. Я ему повязки делала с реванолом. Он достал из-за пазухи газету, развернул, расстелил на полу, бухнулся на колени. В газете, я вижу, портрет Сталина. Он об пол лбом бьётся и причитает: «Папа Сталин, прости!» Я ему: «Встань, Валеев! Успокойся! В чём дело?» Едва его подняла. Он говорит: «Товарищ военврач! Мы с другом Равилем из одной деревни, в одну часть попали. Нам в атаку идти, он мне говорит: «Давай я тебе в левую руку выстрелю, а ты мне. Хоть в госпиталь попадём. А так всё равно помирать». Я пошёл, вот так руку поднял, он выстрелил...» У него сквозное пулевое ранение в левую ладонь, входное отверстие с тыльной стороны. Я ему говорю: «Слушай внимательно, Валеев. Ты долго был без сознания, всё забыл, всё перепутал. У нас есть на тебя документы, там всё написано, как было, тебя ранило в бою. Мы тебя вылечим, поедешь на фронт, ещё повоюешь. Иди в палату, успокойся, а газету оставь у меня». Он опять: «Товарищ военврач! Он мне говорит: «Я тебе выстрелю, а ты мне...» Дала ему снотворного, отвела в палату... Боюсь, что это плохо кончится для Валеева».

Назавтра мама пришла подавленная:

«Валеева забрали. Пришёл комиссар госпиталя, с ним двое. Я им говорю: «Он в состоянии шока. У него признаки гангрены. Он впадает в беспамятство. У него навязчивая идея. Если что и было, вы видите, он же раскаивается». Комиссар мне: «Ты выгораживаешь презренного труса-самострела. Смотри, и ты туда же пойдёшь». Я ему: «Во-первых, не «ты», а «вы», во-вторых, вы вмешиваетесь в лечебный процесс. Я его вылечу, тогда разбирайтесь. Он ещё пригодится на фронте». Они его увели».

Профессией мамы — её жизненным призванием — было спасение людей, будь то мальчик Робик или солдат Валеев. О собственной безопасности мама как-то не думала.

Олег ДЕМЧЕНКО

ОТ СТОЛИЦЫ ДО ОКРАИН

ВОРОНЫЕ

Се — последние кони!
Ю. Кузнецов

Всюду подлость, согбенные выи,
вновь предательство стало с руки —
за развал, за разврат не впервые
на княженье дают ярлыки.

Словно клички в тюрьме воровские
имена инородных господ.
«Эх, вы кони мои вороные», —
ветеран в переходе поёт.

На груди у него две медали —
за отвагу, за город Берлин...
Вороные давно ускакали —
не морочь ты меня, гражданин.

Вороные давно уже сдохли,
«Мерседесы» не вытащат Русь,
ну а я к буржуинам в оглобли
запрягаться уже не берусь.

Не терзай меня аккордеоном!
Смолк старик... А вокруг всё равно
вороные летят эскадронам,
словно в кадрах немого кино...

МОСКОВСКАЯ ПРОПИСКА

И я когда-то не без риска
в столицу прибыл как поэт,
и за московскую прописку
потом горбатился пять лет!

Не состоял я в комсомоле —
как вол, волок свою судьбу.
Ругался сварщик дядя Коля:
«А ну давай, тащи трубу!»

Как добросовестный рабочий
на этих улицах кривых
я был прописан каждой строчкой
тяжёлых будней трудовых.

И вот я выбрался из штольни —
из беспросветно трудных лет.
Не потому ль сегодня больно
смотреть на этот белый свет?

Всё выше здесь возводят башни,
и всё тесней торговый ряд...
Столпотворение!.. Мне страшно —
на всех наречьях говорят!

Китайцы, турки и грузины...
Как будто чёрт мешал в котле!
В Москве среди этой мешанины
всё меньше места на земле.

Азербайджанцы и узбеки...
Не то чтоб нам угля дают —
они выписывают чеки
и чебуреки продают.

И от столицы до окраин —
до самых северных морей,
проходит каждый, как хозяин, —
мегрел, чеченец и еврей...

Был в церкви — слёзы на иконе!..
Молил спасти нас Божью мать...
Но, видно, в новом Вавилоне
друг друга людям не понять.

ТРУБА

Великое дело в стране —
затихло, затухло на свалке,
лишь слышно в глухой тишине,
как чавкают нефтекачалки.

Качают и ночью и днём
последнюю кровь из народа...
Хоронят дельцы нас живьём.
Всё меньше вокруг кислорода.

Давно наше дело — труба
диаметром более метра,
и всё утекает туда —
пространства, финансы и недра.

Ни фабрик вокруг, ни мостов —
окрестность уже стала нищей,
и только всё больше крестов
на местном безмолвном кладбище.

Хватаем мы воздух рукой,
а им — триллионы на блюде, —
им прямо в карманы рекой
вовсю нефтедоллары льются.

Мы вылетим скоро в трубу.
За что ж мы тогда воевали?
Плакат старый: «Слава труду!»
в насмешку торчит из развалин.

* * *

Как холодно, грустно и снежно!
Но всё же весна неизбежна.

Над нами поднимется солнце,
заденет за синие сосны —

и ветви воспрянут! Ох, что тогда будет!
Посыплется снег — и веселье разбудит!

От сна вся природа очнётся!
Ох, что тогда в мире начнётся!..

Но всё пока тихо, всё грустно, всё грозно.
Всё замерло здесь, и всё насмерть замёрзло.

Боясь шевельнуться, и сосны и ели
под снегом стоят после страшной метели.

И ты молчалива, и ты холодна,
как будто живёшь в этом мире одна.

В душе твоей холодно, в душе твоей снежно...
Но всё же, но всё же —
весна неизбежна!

Александр ИВУШКИН

СЕРДЦА БОЛЬ

ВETERАНАМ

На глазах уходит поколение
наших самых славных стариков,
живших — как по Божьему велению,
так и по велению дураков.

Сколько доброты в себе носило,
сколько чистой веры и ума!
Сколько всепрощения и силы!..
Не пугал ни труд их, ни сума.

Пытаны войной, тюрьмой и вошью,
жизнь пройдя до смертного креста,
не братались ни с врагом, ни с ложью,
непростой была их высота.

Не было таких и впредь не будет —
беспросветны дали впереди.
Если скажет кто, не верьте, люди:
мол, таких в России — пруд пруди.

Жизнь прожить и умереть красиво,
это вам — не поле перейти.
Уходя, мечтают, что Россия
все-таки найдет себя в пути.

Мы-то, мол, пожили и — довольно.
Слава тебе, Господи!.. Прости!..
А вот за детей и внуков больно:
что их ждет по жизни впереди?

На глазах уходит поколение,
так и не дожив до светлых дней.
Вроде бы уходит со смиреньем,
но с укором к Родине своей.

ТРЕВОГА

Искалеченная Русь —
злостью, войнами, дурманом
и предательским обманом, —
потерять тебя боюсь.

То ли — дурь, а то ли — хмель!
Как ненужную поклажу,
«думцы» сдали на продажу
благодать твоих земель.

Где ж души российской твердь —
та, что нам давала силу,
та, что недругов бесила?..
Нет ее теперь — и впредь!

Можно долго верещать.
Но случись война с врагами,
без опоры под ногами
как мне дом свой защищать?..

РЕАЛЬНОСТЬ

Не понимаю, в чем издревле
мы так повинны и грешны?
Уходит русская деревня
и дни ее предрешены.

Бесславной тенью — очень скоро,
сквозь сорняковый строй стеблей,
уйдет надежда и опора
цивилизации моей.
Где было всё добрей и чище,
где сладок хлеб как плод труда!..
И где никто тебе не съест
беды, не ведая стыда.
И где, с наветом вражьем споря,
набат качался вечевой.
И где родник спасал от хвори
своей водицей ключевой.
Иначе стали жить.
Не зря ли?!
Пытаясь прошлое предать,
мы все в безвременье попали —
конца и края не видать.

НАПРАСНЫЕ ОЖИДАНИЯ

Надеждой душу ты не грей, —
боль сердца глубока.
Мир не становится добрей,
пройдя через века.

Земля раздорами полна
на сотни лет вперед.
И не кончается Война —
идет, идет, идет!..

Страшись и плачь, простолудин —
мой славный человек!..
Пройдя сквозь тернии годин,
тыходишь в новый век.

Где всё — коварней и страшней,
чем видел ты вчера.
Мир не становится добрей.
А ведь — давно пора!..

Андрей ФУРСОВ,
кандидат исторических наук

ПСИХОИСТОРИЧЕСКАЯ ВОЙНА

*(О скрытых субъектах глобального управления
и фальсификации истории)*

1

Мы живём в военное время — военное вдвойне. Натовской агрессией против Югославии, а точнее — против сербов — началась перманентная горячая война, ставшая следствием разрушения СССР: Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия. Одновременно с горячей, то параллельно ей, то переплетаясь с ней, развивается набирающая силу иная форма холодной войны — организационная война. Ее главной целью является разрушение оргструктур (структур управления) общества — всех: от социальных и финансовых до структур сознания и познания, т.е. структур психосферы в самом широком смысле этого слова. Именно эта сфера постепенно становится основным театром действий организационной войны, которая в психосфере становится войной психоисторической.

У психоисторической войны (оргвойны в психосфере) несколько уровней (измерений): информационный, концептуальный и метафизический (смысловой). Информационная война в узком

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

смысле — это действия на уровне фактов, их фальсификация, искажение определенным образом. Концептуальное измерение психоисторической войны затрагивает, как ясно из названия, концептуальную интерпретацию фактов, т.е. развигается в сфере перехода от эмпирических обобщений к теоретическим. Метафизическая война — высший пилотаж оргвойны в психосфере — есть преимущественно война смыслов; физическая победа без победы в метафизике, в смысловой сфере невозможна.

В качестве конкретного примера можно привести версию катынских событий, восходящую к Геббельсу. Информационный уровень психоисторической акции: нас убеждают (путем грубых фактографических подтасовок, разрушающихся при постановке элементарных вопросов), что поляков расстрелял советский НКВД. Затем — переход на концептуальный уровень: расстрелял, потому что НКВД — элемент «кровавого сталинского режима», а вся история СССР — проявление тоталитаризма, иллюстрирующая его; здесь вешают на уши образ («кровавый сталинский режим») и концепцию «тоталитаризм», причем сам этот термин должен подтолкнуть объект информпрессии к уравниванию «сталинизма» и «гитлеризма».

Вообще, нужно сказать, что образы в психоисторической войне крайне важны: можно действовать на информационно-концептуальном уровне в духе какого-нибудь Сванидзе, а можно на образно-концептуальном в духе галериста Гельмана. Но это отдельная тема.

И, наконец, метафизика: тоталитаризм якобы вытекает из парадигмы русской истории, из всего ее опыта, ее смысла, которые, следовательно, подлежат изменению. Ведь недаром один из главных бесов горбачевщины, смотрящий за ней от заокеанья, говорил, что перестройкой они ломают не только СССР и коммунизм, но тысячелетнюю парадигму русской истории. Вот это и есть действие оргоружия, причем применению его в «физической сфере», в «физике» предшествовало таковое в метафизике. Разрушению властных и финансово-экономических структур СССР предшествовало разрушение смыслов и ценностей советского общества, оргпогром психосферы. При этом основные удары наносились по фактографии, концепциям и метафизике истории: целили в коммунизм, а били по России и русским; целили в настоящее и близкое прошлое («сталинизм»), а на самом деле били по прошлому вообще, по историческому, цивилизационному целому, а следовательно, по будущему.

Цель психоисторической войны — разрушить организацию психосферы противника, посадив его на ложный ин-

формпоток, внедрив свои концепции его самости в пространстве и, главное, во времени и лишив его собственных смыслов и ценностей и навязав чуждые — разрушительные — парализующие волю к борьбе. Наиболее важное направление психоисторической войны — история. Битва за историю — это, по сути, главная битва оргвойны в психосфере, поскольку она подрывает ее сразу по нескольким направлениям, включая психоудары по исторической памяти (наиболее важные события, наиболее значимые и знаковые фигуры — отсюда поливание грязью нашей Победы, воинской славы, конкретных лиц, прежде всего Сталина, схема «миф о Гагарине» и т.п.), по идентичности, по традиционным для данной цивилизации ценностям.

Центральное событие советской истории — Великая Отечественная война, победа в ней. Это — безусловная ценность, абсолютная скрепа, объединяющая людей не только в России, но и на просторах СНГ, а кое в чем даже за его пределами. И естественно, что именно война и победа становятся главной мишенью в психоисторической войне. Саму Великую Отечественную войну подонки от науки и околоннауки либо переименовывают в «нацистско-коммунистическую», либо добавляют к Великой Отечественной определение «так называемая». Другие вслед за предателем Резуном пытаются доказать, что Сталин готовился напасть на Германию, но Гитлер опередил его на две или на три недели. Третьи пытаются доказывать, что СССР несет такую же ответственность за развязывание Второй мировой войны, как и Третий рейх, аргументируя это фактом «пакта Риббентропа — Молотова» (так они предпочитают называть советско-германский договор 1939 г.). Именно подобной позиции придерживается целый ряд западных, прежде всего англо-американских и немецких исследователей (если их в данном случае можно назвать исследователями, скорее речь должна идти о пропагандистах, о солдатах и офицерах оргвойны за историю), а также их прихлебатели из компрадорского (компрадорско-коллорационистского, пятоколонного) сегмента науки в РФ.

Нередко с пропагандистами таких взглядов начинают спорить по частностям или — того хуже — оправдываться. А ведь обе схемы — «план» Сталина первым напасть на Гитлера и якобы равновеликая ответственность Германии и СССР за возникновение Второй мировой войны — рассыпаются от элементарного наступательного удара на самом нижнем уровне психоисторической войны — информационном, позволяя развернуть наступление на концептуальном и метафизическом уровне.

В ближайшие пять лет нас ждет немало круглых дат русской и мировой истории: 2014 г. — 100 лет с начала Первой мировой войны; 2015 г. — 200 лет с окончания наполеоновских войн и установления «Венской системы»; 2016 г. — 25 лет с момента разрушения СССР; 2017 г. — 100 лет Октябрьской революции; 2018 г. — 100 лет с начала Гражданской войны в России. Можно не сомневаться, что эти даты и стоящие за ними события, тенденции и лица станут поводом (и полем) дальнейшего развертывания психоисторической войны против России. Пофантазив, можно представить себе, например, издание многотомника, посвященного теме «Россия: мировая война и революция». Цель — доказать, что Россия не играла значительной роли в войне. Деньги дадут западные «научные» фонды. 90% авторов — западные же ученые, 10% — представители «компрадорской науки» из РФ, «дети грантов» (но не капитанов Грантов), главным образом узкие специалисты, не замахвающиеся на обобщения (это — монополия хозяев-грантодателей). Ну а «освятят» все это редколлегией из титулованных околонучных чиновников, которые не гнушаются принимать награды от иноземных властей за защиту их интересов в нашей науке. То же, а то и похлеще, можно представить по поводу роли СССР во Второй мировой войне.

Одной из линий «игры на понижение» в оценке роли и значения Великой Отечественной войны может стать противопоставление ей Первой мировой войны как «первой германской» — «второй германской». Первые симптомы такого противопоставления уже появляются. Две войны — две германские, две мировые. Они сыграли огромную роль в истории. А в их истории огромную, решающую роль сыграла Россия, как бы она ни называлась. В этом году — столетие начала Первой мировой войны, и о ней уже сегодня много пишут, в том числе и у нас. Вспоминают героев этой войны, ход боевых действий, эпоху. Восстанавливается историческая память, и это, конечно же, хорошо. Нехорошо другое: уже сейчас видно, что намечается тенденция противопоставления Первой мировой — Великой Отечественной. Оно развивается в контексте противопоставления Российской империи как чего-то положительного Советскому Союзу — как чему-то отрицательному. Для России, русских и мировой истории значение двух этих войн несопоставимо.

В 1914 г. Вильгельм II и немцы не ставили, в отличие от Гитлера, задачу стирания русских из истории — физического уничтожения одной половины русских и культурно-психологического (т.е. оскотинивания) — другой. Ставки в Ве-

ликой Отечественной были неизмеримо и несравнимо выше, чем в 1914 г., — быть или не быть России и русским вообще, и уже поэтому ни о каком уравнивании двух войн речи быть не может, при всем уважении к памяти павших в Первой мировой. Я уже не говорю о том, что геройствовал и погибал русский солдат на полях Первой мировой не столько за русский интерес, сколько за кошельки англо-американских и французских банкиров. Это — во-первых.

Во-вторых, первая германская для России окончилась поражением и распадом государства. Из Великой Отечественной СССР вышел не просто победителем, но одной из двух сверхдержав — на фундаменте Победы СССР просуществовал почти полвека, но и РФ существует только потому, что до сих пор не удалось разрушить этот фундамент.

В-третьих, две войны — четкие иллюстрации того, что в одном случае (Российская империя) мы имели большое общество, в другом (СССР) — здоровое. Как только в 1915—1916 гг. был выбит старый офицерский корпус, рухнула армия, а вместе с ней — самодержавие, государство. Заменить офицеров как персонификаторов модального типа личности (а его нужно-то 7—8% населения) оказалось нечем. В 1941 г. был выбит довоенный офицерский корпус, рухнула армия, потеряв миллионы пленными. Но уже через несколько месяцев другой, вновь созданный офицерский корпус, другая армия нанесли поражение вермахту под Москвой, за чем последовали Сталинград, Курск и Красное знамя над рейхстагом. Произошло это потому, что в 1930-е годы был создан тот самый модальный тип личности, советский человек, который и вышел победителем в войне, расписавшись на рейхстаге.

Тему принципиальных различий можно продолжать долго, но едва ли стоит это делать в данной работе. Здесь имеет смысл сказать о другом — о важном уроке Первой мировой. Ту войну проиграло олигархизированное, коррумпированное самодержавие, превратившее Россию в финансово-зависимый сырьевой придаток Запада, придаток с заметно ограниченным суверенитетом. В той острой ситуации царя свергла великокняжеско-генеральско-буржуазная олигархия (при содействии британцев), т.е. представители 200—300 семей, правивших (как им казалось) Россией. Объективно олигархия сыграла роль «пятой колонны», и История — прежде всего руками имперски настроенной части большевиков и военных Генштаба — вышибла ее из страны. Объясняя причины успеха СССР во Второй мировой войне, Черчилль заметил, что, в отличие, например, от той же Франции, в СССР в

канун войны была ликвидирована «пятая колонна». Да и с агентурой, добавлю я, как влияния, так и нелегальной, не церемонились, действуя «по законам военного времени и правилам поведения в прифронтовой полосе».

История мировых войн показывает: у семейно-олигархических систем нет шансов победить. Да, они сдают «главных начальников» или свергают их, рассчитывая откупиться их головами и продлить свой «пикник на обочине» Истории. Напрасные надежды: они слетают вслед за «главным начальником». Первая мировая в России продемонстрировала это со стеклянной ясностью, а ведь люди не меняются, их лишь «квартирный» (или бизнес-, или какой иной) вопрос портит. Этот урок, как и священную память о наших павших на обеих войнах, мы должны помнить, воздавая должное нашим героям Первой мировой и не позволяя никому принижать значение героев Великой Отечественной и Победы — нашей Победы — в ней.

То, что подобного рода принижение имеет место быть, что оно будет развиваться и в канун круглых дат (например, 70-летие Победы) станет особенно сильным, сомневаться не приходится.

Мораль из всего сказанного выше: в психоисторической войне в целом и в информационной в частности, особенно в такой сфере, как история, не следует ждать, когда противник нанесет удар, нужно бить первыми. Нам нужны свои работы по истории событий, юбилеи которых приближаются, но и вообще по истории России и — обязательно — по истории Запада, с которым и в пользу которого сравнивают Россию. При этом в ходе сравнения у России выпячивается негатив, а то ей и просто приписывается нечто в реальности не существовавшее, а у Запада ретушируются темные пятна. Вообще, нужно сказать, что умение табуировать неприятные для Запада темы и неприглядные преступные страницы его истории — характерная черта западной культуры, в том числе и научной. Нельзя не согласиться с английским историком Д. Ливеном, который в работе «Империя: Российская империя и ее соперники» (английское издание — 2000 г.) заметил, что в современной сравнительной истории и политологии господствует превращенная в догму «странная версия англо-американского самопоздравления-самовосхваления, написанная в немецкой манере».

Запад, прежде всего его англосаксонское ядро, превратили себя, свое уникальное историческое «я» в универсальное мерило, на соответствие которому оценивается все остальное. Англосаксы вольны, подобно «Королю» и «Герцогу» из

«Приключений Гекльберри Финна», выделять любые кунштюки. Наша задача и обязанность — не ловиться на них и гнуть свою линию, прежде всего в психосфере. А потому мы должны писать не только свою историю, но и историю Запада (и Востока, конечно) без ретуши. Нам необходима систематическая, наступательная и стратегически выверенная работа в сфере «боев за историю» (Л. Февр), за прошлое — прежде всего свое, но и чужое тоже. Это необходимое условие победы в битве за будущее. В свою очередь, написание истории Запада, России, мира в целом как условие-императив русской победы в психоисторической войне требует теоретической интерпретации истории Запада, России, мира как систем. Применительно к последним столетиям это означает творческую разработку проблем капитализма и реального коммунизма (т.е. советского строя). В то же время анализ и теория капитализма как системы — это прежде всего анализ наднационального (глобального управления), субъектом которого является системообразующий элемент капиталистической системы — организованная в закрытые структуры мирового согласования и управления («ложи», «клубы», «комиссии» и т.п.) верхушка мирового капиталистического класса. Эта верхушка, преимущественно англосаксонская, стремится превратить в функции капитала все принципиально некапиталистическое и подавить все непохожее на протестантизм. В этом плане Россия — тройне враг этих структур: православный опыт, коммунистический опыт, великая держава, двести лет стоявшая на пути создания «мирового правительств».

2

История уже давно стала полем сражения не только научных теорий, но информационных схем, идейных конструкций и концептуальных вирусов (мемов), полем психоисторической войны во всех ее ипостасях — информационной, концептуальной и метафизической. Психоинформационные удары по идентичности, по исторической памяти уже давно вошли в арсенал различных сил современного мира и активно применяются против нынешней России, как когда-то применялись против СССР, а еще раньше — против Российской империи. Нам пытались и пытаются навязать чужое, чуждое нам видение своей истории, а саму нашу историю представить как неполноценную, не дотягивающую до неких универсальных стандартов цивилизационной полноценности, за которые Запад (и его «пятая колонна») выдает самого себя, любимого. Что удивительно, многие до сих пор покупаются

на эту самозванную универсальность (или универсальное самозванство) Запада и начинают смотреть на свою (в данном случае нашу, русскую) историю чужими глазами. Как писал М. Волошин, «Мы все же грезим русский сон / Под чуждыми нам именами». Ну а тот, кто смотрит на свою страну и на свою историю чужими глазами, рано или поздно начинает смотреть на них в чужих интересах. Пушкин был прав, отмечая, что русская история требует своей формулы, то есть своей собственной теории, а не чужого, преимущественно англосаксонского концептуального платья, которое напяливается на русскую историю. Концептуализация своей истории в соответствии с ее природой и мерой — это, таким образом, задача не только научная, но и психоисторической войны.

Противодействие навязываемым извне теориям, интерпретациям и оценкам русской истории — одно из направлений психоисторической войны, наши действия в которой ни в коем случае не должны носить оборонительный характер — мы должны писать историю не только своей страны, но и Запада такого, каков он есть в реальности, — капиталистического хищника, за демократическим фасадом которого скрываются реальные хозяева, объединенные в ложи, клубы и иные структуры.

Не менее важное направление — противодействие попыткам геоисторического (классового, системного, цивилизационного и т.п.) противника уничтожить или подменить нашу историческую память, исказить идентичность и привить комплекс исторической, культурно-психологической неполноценности, как это сделали после 1945 г. с немцами, спекулируя на «неизбывной вине немецкого народа» перед всеми — главным образом перед евреями, «забыв», что наибольшие потери, в том числе сознательно уничтожавшегося мирного населения, понесли русские.

В России в последние два десятилетия попытки привить комплекс исторической неполноценности предпринимались западными пропагандистами и их «пятой колонной» как попытки заставить каяться за «преступления сталинизма». У мема «преступления сталинизма» был не только внутренний, но и внешний, внешнеполитический аспект. Он реализовывался как попытка возложить на сталинский СССР основную вину за развязывание Второй мировой войны, тогда как ранее эта вина возлагалась только на Гитлера. Фундаментом такого обвинения стало отождествление сталинизма и гитлеризма, СССР и Третьего рейха как двух — левой и правой — форм тоталитаризма, а в качестве конкретно-исторического

доказательства использовался «пакт Риббентропа — Молотова» (так на Западе называют советско-германский договор 1939 г.), якобы открывший путь ко Второй мировой войне и даже якобы ставший ее фактическим началом. На самом деле советско-германский договор был последним из серии договоров европейских держав (Италия, Франция, Великобритания) с Германией, которые должны были создать условия для агрессии Третьего рейха против СССР, не имевшего до августа 1939 г. такого договора с Германией. Августовский договор сорвал агрессию в 1939 г. и отодвинул ее на два очень важных для нас года. Ну а реально открыл путь к войне сентябрьский (1938 г.) Мюнхенский сговор, но это отдельная тема, для нас сейчас важна принципиальная постановка вопроса.

Нередко в ответ на обвинения в том, что СССР виновен в разжигании Второй мировой войны не менее Гитлера, наша сторона идет по пути простого реагирования, т.е. опровержения нечистоплотных конкретных тезисов оппонентов. Этого явно недостаточно. Речь должна идти о другом — о фиксации того факта (благо доказательств — избыток, причем об этом много написано серьезными и честными западными учеными), что, во-первых, именно британцы и американцы привели Гитлера к власти, создав «Гитлер инкорпорейтед», что именно англосаксы накачали фюрера деньгами и обеспечили Мюнхеном тот военный потенциал, без которого Гитлер не мог бы начать войну против СССР; во-вторых, что именно Великобритания «Мюнхеном-38» сорвала заговор немецких генералов, готовых свергнуть Гитлера — этого британцы допустить не могли; в-третьих, что именно позиция Великобритании в мае—июне 1941 г. (тайные переговоры с Гессом и другими) создала у Гитлера впечатление, что британцы либо замирятся с ним в случае его нападения на СССР, либо, как минимум, останутся де факто нейтральными, продолжая «странную войну»: блицкриг против СССР был возможен только при гарантии ненанесения удара британцами на западе.

Иными словами, в мае—июне 1941 г. британцы провернули тайную спец- и дипломатическую операцию, аналогичную той, что они сработали в июле 1914 г., спровоцировав Вильгельма II на войну, да так, что он, а также, естественно, Германия и немцы оказались во всем виноваты. Разумеется, формально виноват тот, кто начал войну, т.е. тот, кто капнул последнюю каплю в уже наполненную до краев чашу. Но вот что писал по поводу Первой мировой войны француз Гюстав Лебон, которого, конечно же, трудно заподозрить в симпатии-

ях к Германии вообще и к Вильгельму II в частности. Именно Вильгельм, считал Лебон, — «автор» последней капли, но историку, подчеркивает француз, важно понять, кто наполнил чашу до краев, в результате чего она переполнилась. Это касается не только Первой мировой войны, но и Второй — и вообще всех войн.

Войны эти вовсе не были случайными, как в этом пытаются нас уверить некоторые историки — западные и формально российские, которые обрабатывают отстегиваемые хозяевами серебреники. Хозяевам, конечно же, выгодно представить войны случайными, их якобы могло и не быть, если бы якобы не Германия и/или Россия: в 1914 г. — два авторитарных режима, в 1939/41 гг. — два тоталитарных. Эта схема рухнет от элементарного информационного удара, поэтому ниже будет предложен краткий фактографический анализ возникновения обеих мировых войн, экскурс в сферу исторической информации. Как говорил отец кибернетики Н. Винер, «правильно жить — это жить, располагая правильной информацией». Речь пойдет также о субъекте или субъектах организации мировых войн, они же — исторические враги России. По сути, будет предложена русская версия мировой, т.е. не только русской, но и западной истории, русский взгляд на события последних полутора веков. Я не стану опровергать западных пропагандистов от науки и их подголосков в РФ, лучший ответ — целостная альтернативная интерпретация, в основе которой лежит вопрос — кому выгодно?

Искажение, фальсификация истории — мощное оружие в сфере психоисторической войны вообще и информационной войны в частности. Материализованная в виде институтов, образовательных структур, систем грантов и т.п. фальсификация истории есть один из элементов глобального управления, которое в качестве факта и процесса, как правило, отрицается конвенциональной (профессорско-профанной) наукой, квалифицирующей попытку серьезного изучения наднациональных структур мирового согласования и управления как «конспирологию», «теории заговора» и т.п. Ясно, что наука, обслуживающая субъект глобального управления, должна отрицать факт его существования. Поэтому сам по себе анализ наднационального управления, его структур, форм, этапов развития, методов и т.п. как **политико-экономической** реальности означает борьбу с фальсификацией истории. Кроме того, он означает изучение реального главного противника России и русских, который скрывался и скрывается за вывесками «Великобритания» и «США». Наконец, анализ этих структур позволяет понять реальные ме-

ханизмы истории и ослабляет потенциал оргоруужия, которым пользуются те, кого Б. Дизраэли назвал «хозяевами истории», а О. Маркеев — «хозяевами мировой игры». А следовательно, выступает в качестве оргоруужия в ведущихся «невидимых войнах» — информационной, сетевой, а также в движении сопротивления глобальному управлению. Это знание весьма необходимо нам сегодня, когда начинается новый глобальный передел, новая передача Карт Истории, которая определит будущее мира на ближайшие столетия.

3

Сегодня РФ скорее объект, чем субъект глобального управления, что закрепляется ее ролью в международном разделении труда. Нередко осмысление этого «объектного», максимум — «полусубъектного» состояния оформляется в виде выводов о случайности нынешнего расклада, о глобальном управлении как простом заговоре неких сил. На самом деле наднациональное управление обусловлено природой и логикой развития капитализма и сопротивления ему: не надо, в частности, забывать, что Советский Союз был субъектом мирового управления как в коминтерновскую эпоху, так и в послевоенную (т.е. до конца 1980-х годов). Ну и, разумеется, надо помнить, что без структур наднационального (с 1870-х годов — мирового, с 1980-х — глобального) управления капитализм не смог бы воспроизвести себя как система.

Наднациональное управление — не иллюзия, не блажь, не роскошь, не выверт истории, а средство снятия одного из важнейших противоречий капитализма. Экономически капитализм — цельно-мировая система, мировой рынок, тогда как политически это не целостность, а совокупность, сумма государств. Отсюда тройное противоречие — между капиталом и государством, целым и суммой, мировым уровнем и национально-государственным.

У крупной буржуазии, в какой бы стране она ни жила (особенно если это крупная страна), прежде всего у ее финансового сегмента, всегда есть интересы, выходящие за национальные рамки, за пределы государственных границ — своих и чужих. И реализовать эти интересы можно только нарушая законы — своего государства или чужих, а чаще и своего, и чужих одновременно. Причем речь идет не о разовом нарушении, а о постоянном и систематическом, которое, следовательно, должно быть как-то оформлено. Одно дело, когда капиталу противостоит слабое или даже не очень слабое сопротивление в Азии, не говоря уже об Африке, — здесь достаточно силового варианта, «дипломатии канонерок». А как

быть в мире равных или относительно равных: Великобритания, Франция, Россия, Австрия, со второй половины XIX в. — Германия, США? Это совсем другое дело. Для решения проблем на этом уровне нужно уже не огнестрельное, а организационное оружие особого типа, которое, решая задачи верхушки мирового капиталистического класса, снимало бы противоречия между капиталом и государством, наднациональным экономическим и национальным политическим интересом и, наконец, между мировой экономической целостностью и мировой государственно-политической суммарностью.

Структуры, в виде которых существует такое оргоружие, должны быть:

- наднациональными (надгосударственными);
- закрытыми («тайными»);

— долгосрочными по типу и принципу деятельности, поскольку, помимо прочего, выражают целостные и долгосрочные интересы верхушки мирового капиталистического класса.

Именно такие закрытые структуры наднационального согласования и управления потребовались буржуазии на рубеже XVII—XVIII вв. Однако готовых структур у буржуазии не было, и она использовала уже существовавшие, наполнив их новым содержанием. Речь идет о масонских структурах, официальное развитие которых стартовало в 1717 г.

Одновременно с потребностью в наднациональном управлении и появлением первых его структур возникла принципиальная возможность проектно-конструкторского подхода к исторической практике. И она тоже является имманентной чертой капитализма. Одним из главных метаисторических, организационных отличий капитализма от предшествующих ему систем является то, что с определенного момента развития его история приобретает все более проектируемый характер. Возможности проектировать и направлять ход истории, конструируя ее, зависят от нескольких факторов:

— наличия организации, которая может ставить и решать задачи подобного рода, т.е. обладающей геоисторическим целеполаганием, способностью к стратегическому планированию в мировом масштабе и волей действовать на этой основе;

— адекватного объекта манипуляции как средства решения задач проектно-конструкторской исторической деятельности;

— наличия финансовой базы, обеспечивающей доступ к власти и собственности и сохранение прочных позиций в обеих этих сферах;

— контроля над информационными потоками при значительной роли последних в жизни общества или, как минимум, его верхов;

— наличия структур рационального знания, анализирующих закономерности истории, массовые процессы и поведение социальных групп в качестве объектов, и средств реализации проектно-конструкторской деятельности.

Любым традиционным коллективом, укорененным в «малой традиции», имеющим общие нормы, ценности, предание, будь то община, клан, племя, каста и т.п., трудно манипулировать. Другое дело «одинокая толпа» (Д. Рисмэн) городов, особенно прединдустриальных и раннеиндустриальных, еще не превратившаяся в «трудящиеся классы» и только еще превращающаяся в «опасные классы», столь красочно описанные Эженом Сю; это адекватный объект для широкомасштабных исторических манипуляций. Появляется этот объект, это «вещество» массы именно в середине XVIII в., чтобы взорваться, а точнее, быть взорванным в «эпоху революций» (Э.Хобсбаум), в 1789—1848 гг.

Выход масс на авансцену истории предоставил огромные возможности широкомасштабным манипуляторам. Именно масса, т.е. такой атомизированно-агрегированный человеческий материал, который состоит из плохо связанных друг с другом индивидов, является адекватным объектом манипуляции. В середине XVIII в. удивительным образом одновременно возникли и адекватный объект манипуляции — массы («вещество»), и мощнейшая финансовая база (деньги — «энергия»), и новые информпотоки («информация»).

Управление массой (массами) людей требует финансов и контроля над информпотоками — и то, и другое требует организации. В середине XVIII в. начинается финансовый взрыв; если во второй половине XVII в. «высокие финансы» снимают урожай «длинного XVI века» (1453—1648 гг.), то в середине XVIII в. формируются основы современной финансовой системы. Разумеется, и в докапиталистическую эпоху, на заре капитализма в XV—XVI вв. банкиры могли оказывать существенное воздействие на ход событий, однако их масштаб не идет ни в какое сравнение с возможностями капиталистической эпохи, когда объектом воздействия стали уже не отдельные события или их цепочки, а ход истории. Взрыв в развитии банковского капитала, о котором идет речь и который сделал его всесильным, был обусловлен тремя факторами, стимулировавшими развитие «высоких финансов»: британско-французской борьбой за мировое господство; колониальной экспансией европейских держав и начавшейся промышленной революцией.

Наконец, последнее по счету, но не по значению — роль информации. В XVIII в. произошло еще одно изменение кардинального порядка — резко, качественно выросла роль опрелделенным образом организованной («упакованной», структурированной, обобщенно-каталогизированной, декодированной и т.п.), подаваемой в качестве рациональной, научно обоснованной, принципиально новой и направленной информации и контроль над ней. Эти информпотоки обосновывали претензии новых социальных групп и их союзников из структур Старого Порядка на участие во власти и становились мощным психоисторическим оружием конспироструктур в переформатировании сознания элиты, социальной вербовке адептов средством тщательно подготавливаемого перехвата власти с помощью массового движения, первым из которых впоследствии станет Французская революция 1789—1799 гг.

Таким образом, в середине — второй половине XVIII в. впервые в истории в невиданных доселе масштабе и форме произошло соединение вышедших на первый план по логике развития капитализма как системы «больших финансов» (денег, золота), информпотоков и больших масс атомизированного населения. Произошло это в соответствии с природой капитализма вообще и с логикой развития (смены) гегемоний в капиталистической системе.

Показательно, что формирование наднациональных структур управления произошло в период, когда пик гегемонии Голландии (1620—1651 гг.) ушел в прошлое, к концу подходил голландский цикл накопления и начали делать свои первые шаги британский цикл накопления и промышленная революция, которые стали основой британских побед в войнах с Францией (1756—1763; 1792—1815 гг.) и установления британской гегемонии (пик — 1815—1873 гг.). И хотя в XX в. британская гегемония закончилась, она сменилась американской, т.е. уже двести лет англосаксы являются гегемонами капсистемы, и их функционирование в качестве таковых тесно связано, во-первых, с наднациональными структурами управления — британскими по своему происхождению и, во-вторых, с еврейским капиталом, тесно связавшим, словно сшившим Великобританию и США и придавшим Англосфере дополнительные целостность и единство. История капитализма последних 200—250 лет — это история наднационального управления, структуры которого выражали интересы прежде всего Великобритании (а впоследствии США и Великобритании) и капитала с британской (впоследствии американской и британской) «пропиской».

Субъектом наднационального управления исходно был верхний сегмент правящего британского класса, включая корону. Структурными формами этого субъекта долгое время (до конца XIX в.) были почти исключительно масонские ложи. И почти с самого начала они были представлены двумя типами, в чём и заключались главный принцип и главная тайна наднационального управления, которое в середине XIX в. стало подлинно мировым. К первому типу относились островные ложи, ко второму — континентальные.

Островные ложи, существование которых хранилось в тайне от «неостровитян», — это форма организации тех лиц, которые играют важную роль в политической, социально-экономической и духовной жизни Великобритании. Идеология островных лож исходно носила патриотический, национально ориентированный характер, упирала на исконно английские традиции. При этом во всем мире и прежде всего в Европе действовал другой тип лож — континентальный, но направлявшийся с острова — т.е. из Великобритании.

Установка континентальных лож была диаметрально противоположной — космополитизм, подрывавший государственность, традиции и религию (прежде всего католицизм) континентальных государств в интересах Великобритании; в одних случаях это была установка на «самоопределение наций», в других — «объединение наций» (например, Германии и Италии под контролем лож). «Из недр этих лож, покрывших с течением времени своими филиалами все государства мира, — писал когда-то барон де Ренн, — вышли так называемые либеральные учения», предназначенные сугубо на экспорт: континентальных «братьев» вели по пути, прямо противоположному тому, которым шли «островные»: «разрушая традиции в других землях, Англия бережет их у себя как зеницу ока, ибо это ее главное духовное богатство, составленное как синтез из многовекового опыта [...] Осмеивая внешние формы традиционного быта других народов, Англия с умилением держится за свои формы, за свои обычаи и за свои церемонии как факторы, отмежевывающие ее от остальных рас и народов, и в этом она следует по стопам другого народа, который благодаря таким же причинам, пронес сквозь тысячелетия свою национальность и сохранил ее жизненные силы до настоящих дней». При том, что оба типа лож были оргоружием, необходимо добавить, что континентальные ложи, в свою очередь, были оргоружием островных.

Первым по-настоящему крупным — общеевропейского масштаба и мировых последствий — опытом проектно-кон-

структорского действия была Французская революция 1789—1799 гг. Используя реальные проблемы, накопившиеся во Франции за сто лет, и оседлав массовые процессы, британский истеблишмент, континентальные ложи и швейцарские банкиры свалили монархию во Франции, навсегда устранили конкурента Великобритании и провели очень важный социальный эксперимент, результаты которого активно использовались более века. Разумеется, они использовали реальные проблемы и трудности Франции, которые в значительной степени сами же и создали (финансовым и информационным воздействием). Эти действия и стали решающими, поскольку в XVI, XVII вв. и первой половине XVIII в. социально-экономическая ситуация была хуже (порой много хуже, чем в правление Людовика XVI), но революция тогда не случилась. Как заметил И. Тэн, при Людовиках XIV и XV еще больше голодали, но дальше усмирившихся бунтов дело не шло. В 1789 г. к системному фактору добавился субъективный (не путать с субъективным). По сути, Французская революция стала оргоружием наднациональных финансово-политических конспироструктур и Великобритании в их борьбе против Франции, французской монархии. Эти наднациональные силы и стали в Европе главными победителями наполеоновских войн, главными бенефициарами британского цикла накопления и британской гегемонии.

Французская революция открыла «эпоху революций» (1789—1848 гг.). «Эпоха революций» и «длинные пятидесятые» (1848—1867/73), когда по масонским лекалам и под надзором Великобритании создавались целые государства, стали периодом прихода масонов к власти и, как следствие, частичного огосударствления масонства, т.е. торжества наднациональных структур согласования и управления. Однако здесь возникли и проблемы. Приход в различных странах Европы в середине XIX в. в той или иной форме к власти верхушки классических лож оставил в политическом офсайде немалую часть членов этих лож. Кроме того, далеко не все участники революционного движения были довольны результатами Французской революции 1830 г. и в еще большей степени европейской революции 1848—1849 гг. В лице государства им теперь часто противостояли «властные масоны», и это создавало конфликтную ситуацию внутри масонства, в мире конспироструктур. Результат: недовольные стали создавать «дикие ложи», которые перехватили у занявших место монархии классических лож знамя «мировой революции» и вдобавок придали ему классовый характер — антибуржуазный и антигосударственный одновременно. Это весьма

соответствовало и борьбе «опасных классов», постепенно превращавшихся в «трудящиеся классы», и зарождавшейся борьбе пролетариата. Не случайно те, кто двинулся в «дикие ложи» и просто в революционные конспироструктуры, стали называть себя «карбонариями», т.е. угольщиками.

В это же время начинают возникать наднациональные структуры с претензией на управление борьбой трудящихся в мировом масштабе — I Интернационал во главе с Марксом. Здесь не место анализировать связи I Интернационала с масонами, карбонариями, крупным финансовым капиталом и британской разведкой. Ограничусь указанием на то, что принцип наднационального управления стал работать не только по классовой «горизонтали», но и по «вертикали», пронизывая общество сверху вниз.

В последней трети XIX в. под воздействием финансистов, революционеров и спецслужб начинает стремительно оформляться двухконтурная система управления миром: государственные структуры, а также открытые, внешне представляющие собой достижение и воплощение «демократии и прогресса» политические формы (партии, парламенты) национального уровня становятся в значительной степени функцией закрытых структур мирового уровня. В этот период также становится ясно, что в усложняющейся политико-экономической обстановке (экономическая депрессия 1873—1896 гг.; упадок гегемонии Великобритании; раскол внутри масонства на британский и немецкий секторы; подъем США и Германии; начало борьбы Запада за русские ресурсы; обострение классовой борьбы и многое другое) масонство как форма наднационального управления перестает быть адекватным эпохе. Возникает потребность в принципиально новых формах, новых структурах, которые, во-первых, должны сплотить англосаксов (британцев и американцев) в борьбе против Германии и за русские ресурсы; во-вторых, стать подлинно мировыми — масонство несло на себе отпечаток европейской мир-системы XVII — первой половины XIX в.

Новыми структурами (субъектами) мирового управления стали общества, созданные С. Родсом, А. Милнером и другими в Великобритании. После окончания Первой мировой войны эта линия развития продолжилась взаимопроникновением наднациональных и государственных («национальных») структур, т.е. взаимопроникновением двух контуров при сохранении самого принципа двухконтурности. Западные государства все больше становились функцией структур мирового управления, основанного на финансах и неформальном, но весьма эффективном политическом контроле.

Аналогичный процесс формирования двухконтурной системы развивался с 1920-х годов в СССР, в зоне системного антикапитализма, но в направлении, противоположном западному: если на Западе государство превращалось в функцию «наднационалов», Фининтерна и т.п., то в СССР команда Сталина, свернув проект «мировая революция» и приступив к строительству Красной империи, начала превращать персонификатора мировой революции — III Интернационал (Коминтерн) в функцию государства СССР, по сути, устраняя двухконтурность. Став залогом советских побед в 1930—1950-е годы, позднее это устранение, не скомпенсированное советской верхушкой, сыграло злую шутку и с соцлагерем, и с СССР, и с КПСС.

Подводя предварительный итог, можно выделить в истории наднационального управления эволюционные и революционные (кризисные) периоды. Первым периодом (эволюционным) был почти весь XVIII в. Затем наступила «эпоха революций» (1789—1848 гг.), ставшая эпохой кризиса наднационального управления XVIII в., кризиса его структур и поиска новых форм. Стабилизация 1850—1870-х годов лишь на время заморозила эту проблему, прорвавшись 75-летним кризисом 1870—1945 гг. и возникновением принципиально новых — мировых — форм наднационального управления. За этим последовала, как и в XIX в., тридцатилетняя стабилизация, сменившаяся кризисом (поначалу его «смягчили» лихие 1990-е — за счет ограбления бывшего соцлагеря). Кризис породил новые структуры наднационального управления — глобальные. Эти последние в такой же степени породили этот кризис, в какой были его порождением. Парадокс, но глобализация исходно развивается как кризис — кризис глобального управления. Нынешний кризис наднационального управления (глобальный), как и предыдущий — мировой — самым тесным образом связан с Россией, ее исторической судьбой, о чем необходимо сказать особо.

5

Противостояние России и Запада началось давно — с того момента, когда освободившаяся от Орды Русь заняла место рухнувшей Ромейской империи. С этого момента к противостоянию ортодоксии отколовшегося по политическим причинам от этой самой ортодоксии католицизма добавилось противостояние на геополитическом уровне. Уже в последней трети XVI в. на Западе появляются два плана установления контроля над Россией — католический (Габсбурги, Священная Римская империя) и протестантский (Англия). Оба эти

плана (с модификациями) шли сквозь века и в конце XX в. приняли форму подходов Ротшильдов и Рокфеллеров к ослаблению/разрушению СССР.

В начале XIX в. сразу после окончания наполеоновских войн началось противостояние России с англосаксами; если в XIX — начале XX в. это была российско-британская борьба на геополитической основе, то почти вся вторая половина XX в. — это советско-американское противостояние, в котором на стороне США были не только их британские «кузены», но и Запад в целом. В XX в. к геополитическому аспекту противостояния с англосаксами добавился социосистемный: СССР выступал по отношению к Западу, к мировой капиталистической системе не просто как держава, а как системный антикапитализм и альтернативная мировая система.

Сквозь борьбу как британцев, так и американцев против России, т.е. сквозь всю борьбу англосаксов против русских с XIX в. и до наших дней проходят еще две «красные линии», теснейшим образом связанные с наднациональным/мировым/глобальным управлением. Первая «стартовала» в 1820-е годы, одновременно с началом британско-русской борьбы, вторая — с 1880-х.

Первая «красная линия» связана с проявившимся уже в 1820-е годы стремлением европейских банкиров, прежде всего Ротшильдов, создать нечто напоминающее мировое правительство, официализировав/институционализировав наднациональное управление. На пути этого устремления объективно оказалась Россия Александра I, а затем Николая I, что сделало Романовых врагами не только Великобритании, но и европейских банкиров во главе с Ротшильдами (впоследствии они будут финансировать и Крымскую войну, и революционное движение в России). Ситуация не изменилась после Октябрьской революции. Взяв курс на строительство «социализма в одной, отдельно взятой стране», т.е. Красной империи, команда Сталина объективно стала на пути превращения мирового управления в мировое правительство — Сталин трижды срывал планы глобалистов, причем как правых, так и левых, заслужив ненависть первых и вторых.

Борьба англосаксов и Запада в целом против России велась не только и даже не столько по государственной линии, сколько по линии закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления, государства нередко были лишь средством и фасадом этой борьбы. Можно даже сказать, что эволюция форм организации мирового управления в XX в. в значительной степени определялась логикой и задачами борьбы верхушки Запада, мирового капиталистичес-

кого класса с Россией. В значительной степени этому способствовало все то, что было связано со второй «красной линией», стартовавшей в 1880-е годы и связанной со стремлением Запада поставить под контроль русские ресурсы.

К 1880-м годам основные ресурсные зоны мира уже были поставлены Западом под контроль в виде либо колоний, либо полукolonий. Капитал требовал новых ресурсных зон (а заодно рынков сбыта и источника дешевой рабочей силы), это требование усиливалось отрицательной экономической конъюнктурой — мировой депрессией 1873—1896 гг., ударившей прежде всего по Великобритании.

В 1884 г. в Берлине состоялась конференция, на которой было принято решение, что страны, обладающие природными ресурсами, но не способные их освоить, должны открыться «международному сообществу», т.е. Западу. А тех, кто этого сделать не захочет, откроют силой. Официально утверждалось, что речь идет об Африке, но это, конечно же, не соответствовало действительности: по поводу Африки в таком контексте никто таких решений принимать не стал бы — просто пришли бы и взяли силой, как это и было сделано в конце XIX в. по отношению к Африке, причем не только черной, но и белой — бурской. На самом деле берлинская конференция посылала предупреждение — «черную метку» — России, проверяя на прочность ее молодого императора. У Александра III нервы оказались крепкими, да и его Россия была достаточно сильной, а потому «черная метка» своей цели не достигла.

Цели и задачи 1884 г. решались посредством Первой мировой войны и Февральского переворота 1917 г., который должен был выбить Россию из разряда великих держав (программа минимум) или привести к ее расчленению с установлением уже не только экономического, но и политического контроля (программа максимум).

В начале 1920-х годов интернационал-социалистическая фаза русской революции и Гражданская война создали ситуацию весьма близкую той, к которой стремились транснациональные олигархии; казалось, русские ресурсы вот-вот окажутся под западным контролем. Однако команда Сталина прихлопнула НЭП вместе с проектом «мировая революция» и всего лишь через десяток лет после высылки из СССР Троцкого создала мощный военно-промышленный комплекс и обеспечила промышленную автаркию от капиталистического мира (два из пяти мировых промышленных «узлов» того времени находились на территории СССР).

Попытка Запада (прежде всего Великобритании) поставить русские ресурсы под контроль с помощью Гитлера про-

валилась и, вопреки американским расчетам, СССР восстановился не за 20, а за 10 лет, уже в начале 1950-х годов став сверхдержавой. А в 1950—1980-е годы Западу было уже не до русских ресурсов — борьба шла с системным и геополитическим противником, однако в ходе и особенно после разрушения СССР вопрос о русских ресурсах оказался опять на повестке дня Запада, особенно с учетом важности нефти и газа для нынешней экономики. К русским ресурсам сегодня добавляется еще один «приз» — русское (северно-евразийское) пространство. Дело в том, что практически все специалисты сходятся во мнении: в условиях надвигающейся угрозы геоклиматической катастрофы (затухание Гольфстрима, планетарная перестройка, происходящая каждые 11,5—12,5 тыс. лет и попавшая на XX — начало XXII в. с активной фазой в 1990—2030-е годы) единственной стабильной и ресурсообеспеченной зоной будет Северная Евразия, т.е. Россия, особенно ее зауральская часть. Именно это делает установление контроля над Россией императивом для западных вершущек, представители которых не стесняясь говорят о том, что русские все равно не могут освоить Сибирь и Дальний Восток, а потому они должны уйти под контроль международного сообщества, т.е. транснациональных корпораций и структур глобального управления (повторение ситуации 1884 г.); что русских слишком много, и вообще их достаточно 15 или максимум 50 миллионов, поскольку для обслуживания «трубы» (это и есть, по схеме Запада, исторический удел русских) больше не надо. Ну а их «пятая колонна» в РФ активно подпевает хозяевам.

Разрушение СССР как формы исторической России должно было решить для Запада ряд проблем и настезь распахнуть «ворота» глобализации. То есть достичь одного из тех главных результатов, ради которых затевалась Первая мировая война, ради которых ее заговорщики и поджигатели работали в течение нескольких десятилетий. Именно в этой войне родился XX век. По сути же, она стала началом Большой войны XX в., «горячая» мировая фаза которой длилась 31 год (1914—1945 гг.), а «холодная» глобальная — 45 лет (1944—1989 гг.). Понять «короткий XX век» (1914—1991 гг.) и два «водораздела» (1871—1929 гг. и 1986—? гг.), мировое и глобальное управление этой эпохи — это прежде всего понять механизм организации войны 1914—1918 гг., цели и мотивы ее организаторов-поджигателей. Именно целостная картина эпохи, стартовавшей франко-прусской войной (1870—1871 гг.) и экономической депрессией (1873—1896 гг.) и окончившаяся разрушением СССР (1991 г.), а не отдель-

ные контрвыпады на упреки в адрес СССР в вине за Вторую мировую войну, представляется адекватным ответом психологическому противнику; не контратака, а контрнаступление по всей линии фронта.

Как заметил Альберт Швейцер, в споре побеждает тот, кто подрывает основы взглядов и позиций оппонента. И, добавлю, предлагает более широкую, чем он, картину мира и причинно-следственных связей. Я уже не говорю о том, что от начала Первой мировой и предшествовавших ей десятилетий прямая линия прочерчивается через 1939—1945 гг. в наши дни, в «водораздельную», чем-то напоминающую и 1900-е и 1930-е годы, одновременно предвоенно-военную эпоху, зреющую новым взрывом — ведь даже разрушением СССР в 1991 г. русский вопрос, проблема России не была решена Западом до конца; битва за русские ресурсы, а с учетом угрозы геоклиматической катастрофы и за русское пространство как резервную территорию еще впереди. Надо учить уроки Истории и использовать их науку против главного противника — «Ступай, отравленная сталь, по назначенью» («Гамлет» Шекспира в пастернаковском переводе). И если мы хотим (должны!) переиграть результаты Холодной войны, как когда-то СССР переиграл итоги для России Первой мировой, то уроки истории нужно не только знать и учить, их нужно использовать как оружие в информационной, психологической войне.

6

С окончанием наполеоновских войн Россия стала противником № 1 Великобритании на континенте, и британцы начали готовиться к устранению этого конкурента. В 1820-е годы была запущена психологическая (информационная) программа «русophobia», которая должна была морально и идейно подготовить всех западноевропейцев к участию в британской борьбе против России, кульминацией которой в XIX в. стала Крымская война — первая общезападная война против России. Ее результатом стало уменьшение влияния России в Европе и некоторое укрепление позиций Франции Наполеона III, но при этом Россия сохранила статус одной из пяти великих европейских держав и продолжала противостоять Великобритании в Центральной Азии. Чтобы изменить эту ситуацию, британцы озаботились созданием континентального противовеса России, который в то же время мог бы подсесть и Наполеона III, проявлявшего все большую самостоятельность. Таким противовесом должна была стать объединившаяся вокруг Пруссии Германия.

В 1870—1871 гг. Пруссия нанесла поражение Франции. Быстрая победа немцев уже тогда вызвала определенное удивление у современников — не настолько они были сильнее французов в военном отношении. Со временем ситуация прояснилась: поражение во многом стало результатом предательства. Последнее было обусловлено тем, что «братья» из масонских лож Великобритании, Франции и Германии договорились — и судьба Третьей империи была решена. Британцы могли торжествовать. И вот тут-то немцы преподнесли им крайне неприятный сюрприз, последствия которого в значительной степени определили ход европейской и мировой истории почти на восемь десятков лет.

Разделавшись с французами, немцы объединили свои (континентальные) масонские ложи, которые ранее в разрозненном виде находились в той или иной степени под контролем британских (островных) лож, в одну крупную сверхложу — «Geheime Deutschland» («Тайная Германия») и тем самым не только вышли из-под их контроля, но сделали заявку на самостоятельную игру в мировых процессах. Впервые (и, кстати, единственный раз в истории) англосаксонским наднациональным структурам мирового управления и согласования был брошен вызов на национальной основе. Мощь этого вызова подкреплялась национально-политической позицией немецкого правящего класса и растущей экономической мощностью Второго рейха, тогда как Великобритания в 1870-е годы пик своей политико-экономической гегемонии в мире уже прошла.

Британское общественное мнение, не ведавшее о масонской подоплеке франко-прусской войны, победа немцев напугала до такой степени, что в 1871 г. увидел свет рассказ полковника Дж. Чесни «Битва под Доркингем». Сюжет прост: немцы высаживаются в Англии и начинают войну. Еще за 10—15 лет до этого такое британцу и в голову не могло прийти, но жизнь менялась.

Итак, второй рейх создал двухконтурную систему власти в одной отдельно взятой стране — до этого двухконтурной структурой власти обладали только британцы. Хотя в «коварном Альбионе» угрозу осознали сразу, в 1870-е годы британцам было не до Германии: ситуация на Ближнем Востоке, Русско-турецкая война и Большая игра не позволяли им заняться решением германского вопроса. Германия тем временем наращивала мощь, формировался русско-германский союз, а экономическое положение Великобритании не улучшалось.

В 1880-е годы перед британской верхушкой остро встали два тесно связанных вопроса — германский и русский. Рост

Германии, «германского духа» надо было во что бы то ни стало остановить, ну а русские ресурсы надо было поставить под контроль. И, конечно же, нельзя было допустить реализации ночного кошмара британцев — континентального русско-германского союза. Более того, британцы могли остановить немцев только с помощью России, использовав ее (а затем, по использованию, поставить на колени, как они это попытались сделать в 1917—1918 гг.). Как заметил замечательный русский геополитик Е.А. Едрихин-Вандам, решение британцами германского вопроса «возможно не единоборством Англии и Германии на Северном море, а общеевропейской войной при обязательном участии России и при том условии, если последняя возложит на себя, по меньшей мере, три четверти всей тяжести войны на суше». Отметим важнейшую деталь: в конце XIX в. само существование Британской империи и ее верхушки во многом стало зависеть от разрушения Германии и России, но средством разрушения мог быть только конфликт между ними. Завязанный тугим узлом русско-германский вопрос стал центральным вопросом существования британской, а с определенного момента американской верхушки в их глобалистских устремлениях. Глобалистский и имперский принципы организации пространства несовместимы, особенно когда имперский принцип воплощается белой же, христианской, но не протестантско-католической, а православной и к тому же некапиталистической по сути цивилизацией — Россией.

Решение германского вопроса британцами упиралось в европейскую войну, которую надо было каким-то образом вызвать, и в необходимость создания союза с Россией. С учетом полувекowego англо-русского противостояния договора 1887 г. по Афганистану, заключенного после Пандждехского инцидента (1885 г.), который едва не привел к войне, было маловато для фундамента нового союза. К тому же британцы стремились зажать немцев в клещи, а для этого нужна была Франция как союзник Великобритании и России. Но в то-то и дело, что у Франции на тот момент были натянутые отношения с Россией и еще более натянутые — с Великобританией. И британцы нашли сильный ход: прийти к союзу с Россией через союз с Францией, которая предварительно войдет в союз с Россией. Эту схему разбили на несколько ходов.

По-видимому, окончательное решение по разгрому Германии британцы приняли не позднее 1888 г. (экономические проблемы подпирали), и работа закипела; забегая вперед, отмечу, что именно в это время человек Ротшильдов Сесил Родс начал создавать закрытую организацию управления

нового типа. Сначала нужно было поработать над франко-русским союзом. Убеждать французов двинуться в сторону России пришлось папе римскому. Он едва ли с охотой взялся за это дело, но на тот момент Ватикан изрядно задолжал Ротшильдам, пришлось отрабатывать. Франко-русскому сближению способствовало и послебисмарковское ухудшение германо-русских отношений — отчасти объективное, отчасти являющееся результатом действий в России британской агентуры влияния, тесно связанной с британскими банками.

В 1892—1893 гг. результат — франко-русский союз — был налицо. Ну а положение Великобритании на мировой арене осложнилось настолько, что Родс заговорил о необходимости создания единого англо-американского истеблишмента и занялся созданием принципиально новых закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления, более адекватных новой эпохе, чем масонство, с одной стороны, и немецкая сверхложа и иные закрытые структуры — с другой. Одной из таких новых структур стало общество под неброским названием «Мы» («We»), или «Группа» («The group» — существует до сих пор); за ним последовали другие, например, общество Милнера («Круглый стол»), выросшее из «Группы» и ставшее в определенный момент ее ядром. Новые структуры активно включились в дело спасения Великобритании путем уничтожения Германии с ее двумя контурами власти (кстати, немцы тоже не дремали, создавая неоорденские структуры и корпорации нового типа) и разрушения России.

Следующим шагом долгосрочной стратегии Великобритании было подтолкнуть Францию к союзу с Альбионом. Для этого необходимо было наглядно продемонстрировать французам, что русские не так сильны и не стоят так уж слишком рассчитывать на них в противостоянии с Германией. А для этого, в свою очередь, нужно было реально ослабить Россию, но только не в европейской зоне — там она еще пригодится, а, так сказать, «на дальних берегах». Например, на Дальнем Востоке. Эта задача была решена с помощью Русско-японской войны (1904—1905 гг.), которой предшествовало заключение англо-японского договора (1902 г.), сыгравшего значительную роль в определении исхода этой войны, в которой британцы активнейшим образом помогали японцам. Аналогичным образом «играли» и американцы, действуя против России. Показательно, что любимой мишенью для стрельбы в тире президента Т. Рузвельта, с которого в политике США начинается поворот к новым отношениям с Великобританией, был портрет русского императора Николая II.

Британцы добились своей цели: после Русско-японской войны напуганные французы пошли на союз с Великобританией. Россию британская агентура влияния, сорвавшая русско-германское сближение после Бьерка, подталкивала тоже к союзу с британцами, который после войны с Японией и при наличии русско-французского и франко-английского союзов внешне казался логичным. В 1907 г. русско-английским союзом было оформлено то, что вошло в историю под названием «Entente» — «Антанта» или «Сердечное согласие». До сердечности там было очень далеко, тем более, что Великобритания, по сути, не брала на себя никаких обязательств, оставляя Францию и Россию один на один с Германией, и это был бесспорный успех британской дипломатии, а точнее, тех сил, которые из-за кулисы направляли ее развитие, готовя крупномасштабную войну, новую пересдачу Карт Истории. И вот об этих силах имеет смысл сказать чуть подробнее и взглянуть на то, о чем сказано выше, с другой стороны и под другим углом зрения, а после — вернемся в 1907—1908 гг.

7

Подъем второго рейха, экономические проблемы поздневикторианской Великобритании, связанные с экономической рецессией 1873—1896 гг., экономический рывок США — все это создало в последней четверти XIX в. ситуацию, резко контрастировавшую с предшествовавшей эпохой, причем не только с той, что началась победой масонской революции во Франции и окончилась ликвидацией «братьями» Великобритании, Пруссии и Франции второй империи во Франции (1789—1871 гг.), но эпохой господства масонства в качестве главной оргформы конспироструктур и важнейшего субъекта наднационального управления (1717—1871 гг.). В 1870—1880-е годы стало ясно, что масонство в качестве доминирующей оргформы закрытых наднациональных форм согласования и управления не срабатывает, неадекватно современному миру. Тем более, что оно раскололось на два противоборствующих лагеря, один из которых — немецкий — был, во-первых, национально ориентированным и нелиберальным, что явно нарушало либерально-космополитические принципы масонства; во-вторых, явно противостоял Великобритании и ее ложам, как островным, так и континентальным. Перед британским правящим классом, который в течение почти двух столетий так или иначе контролировал все или почти все масонские ложи Европы, остро встала задача создания принципиально новой формы организации закрытых наднациональных струк-

тур согласования и управления, подкрепленных британской мощью. А вот с этим — то как раз были проблемы: для тех задач, решением которых должна была заниматься новая закрытая («тайная») структура (или структуры) одной британской мощи было недостаточно, и альбионские «конструкторы» с необходимостью развернулись в ту единственную сторону, в которую они могли развернуться, — в сторону США. Выход они увидели в укреплении англо-американского (англосаксонского) единства — финансово-экономического и политического вплоть до формирования англо-американского истеблишмента, разумеется, главным образом тайного. Только такой субъект мог решить «пятиугольную» («пентаграммную») задачу:

- поставить под контроль финансы США, создав таким образом единую англосаксонскую финансовую систему;

- сокрушить Германию (и другие европейские и евразийские империи);

- присвоить русские ресурсы, ослабив, а еще лучше полностью разрушив Россию;

- развязать евразийскую, а еще лучше мировую войну и таким образом устранить конкурентов;

- установить мировое господство англосаксов как особой (высшей) расы под эгидой созданного ими же мирового (наднационального) правительства.

Инициатором создания нового субъекта мировой игры, субъекта уже не просто наднационального европейского, а уже мирового управления выступил Сесил Родс, за которым стояли Ротшильды.

«В зимний день в феврале 1891 г. три человека вели откровенную беседу в Лондоне. Последствия этого разговора имели значение огромнейшей важности для Британской империи и мира в целом». Так начинается интереснейшее исследование «Англо-американский истеблишмент» блестящего историка Кэрла Куигли. Три человека, о которых идет речь, — три убежденных британских империалиста: Сесил Родс, журналист и разведчик Уильям Стэд (Стид) и Реджиналд Бэлиол Бретт (впоследствии — лорд Эшер, доверенное лицо сначала королевы Виктории, а затем Эдуарда VII и Георга V). Тройка собралась для обсуждения вопроса о создании тайной организации, которая должна взять на себя реальное руководство внешней (а во многом и внутренней) политикой Великобритании, укрепить Британскую империю в новых условиях (немецкий вызов), подключив к процессу укрепления США и создав нечто вроде единого англо-американского истеблишмента, господствующего над миром. Имелось в

виду одновременно господство «англосаксонской расы» (доктрина расизма была детально разработана во второй половине XIX — начале XX в. именно в Великобритании, а не в Германии, позднее реализовавшей британские наработки на практике) и господство британского правящего класса с его социально-политическими и идейно-интеллектуальными традициями.

Идея тайной англо-американской организации была сформулирована Родсом еще в 1877 г. в его первом завещании (завещаний было семь, поскольку ультраколонизатор был довольно хлипкого здоровья) и конспироструктура упоминается в пяти из них. Родс формулировал цель организации так: «Распространение британского правления в мире, совершенствование системы эмиграции из Соединённого Королевства и колонизации британскими подданными всех земель, где средства к существованию можно приобрести энергией, трудом и предприимчивостью... в конечном счёте возврат Соединённых Штатов Америки как составной части Британской империи, консолидация всей империи, введение системы колониального представительства в имперском парламенте, что может способствовать сплочению разьединённых членов империи, и, наконец, основание такой великой державы, которая сделает войны невозможными и будет содействовать лучшим интересам человечества».

В качестве модели организации и функционирования тайного общества Родс избрал иезуитов. В двух его последних завещаниях общество не упомянуто: будучи уже весьма известным, Родс не хотел привлекать к нему внимание. Члены группы (она и называлась «Группа»), в которой выделялись два круга — внутренний («Общество избранных») и внешний («Ассоциация помощников»), — были активны в сферах политики, журналистики, науки и образования.

Особое внимание «Группа» уделяла СМИ. Так, ею был установлен контроль над немалой частью британской прессы. «Группа» одобрила тот факт, что Альфред Хармсуорт («их человек») стал в 1908 г. владельцем самой важной из британских газет — «Таймс», которая сразу же получила беспрецедентный доступ к делам министерств обороны, иностранных дел, колоний. Кроме «Таймс» под контролем Хармсуорта было немало «массовой» прессы. Неудивительно, что «Группа» помогла Хармсуорту стать лордом Нортклифом. «Таймс» стала рупором «Группы», а с 1910 г. началось издание ежеквартальника «The Round Table». Журнал должен был влиять на

тех, кто формирует общественное мнение, определять повестку дня. Ближе к началу мировой войны «Группа», опираясь на генералов и офицеров, многие из которых проходили службу в Южной Африке, существенно укрепила свои позиции в военной сфере.

Стратегия общества «Группа» была проста: во-первых, привлечение на свою сторону людей со способностями и положением и привязывание их к блоку посредством либо брачных уз, либо чувства благодарности за продвижение по службе и титулы; во-вторых, влияние с помощью привлечённых на государственную политику, главным образом путём занятия членами группы высоких постов, которые максимально защищены от влияния общественности, а иногда по своей сути просто скрыты от неё. Ее члены умело скрывали ее существование, поскольку, будучи видными представителями старого привилегированного класса, прекрасно понимали: реальная, т.е. тайная власть намного более важна и эффективна, чем внешняя форма. Идеино-интеллектуальным центром организации и — в перспективе — центром подготовки политической и интеллектуальной верхушки англосаксонской расы господ стал Оксфорд.

Родс успел заложить мощный фундамент под структуру, которая должна была стать оргоружием мирового управления узкой группы британско-американской верхушки, и назначил пять доверенных лиц, которые должны были дальше развивать дело жизни — его и Ротшильдов. Это были лорд Натаниэль Ротшильд, лорд Розбери, эрл Грей, Альфред Байт, Леандер Стар Джеймсон (любовник Родса) и Альфред Милнер, которому суждено было сыграть огромную, во многом решающую роль в развитии наднациональных структур согласования и управления.

Как отмечают Дж. Доэрти и Дж. Макгрегор, вместе пятерка лидеров тайного общества, целью которого было создать тайную элиту мирового масштаба, — Родс, Стэд, Эшер, Ротшильд и Милнер — представляли собой принципиально новую силу в британской политике, родившуюся в 1880—1890-е годы, но с ними активно сотрудничали представители традиционных аристократических семейств, господствовавшие в Вестминстере и часто тесно связанные с монархией. Например, Роберт Гаскойн-Сесил, третий маркиз Солсбери, контролировавший Консервативную партию, или Арчибальд Примроуз, пятый эрл Розбери — почти полный хозяин Либеральной партии. Доэрти и Макгрегор подчеркивают, что британскую политическую жизнь контроли-

ровали полдюжины семей, часто связанные брачными узами, однако эпоха заставила их «рекрутировать» новую кровь — главным образом из оксфордских Бэллиола и Нью Колледжа. Таким образом тайная организация во главе с «пятеркой» (но не кембриджской, а покруче) стала ударной частью старого британского класса и одновременно ядром новой мировой англо-американской элиты, различные сегменты которой к тому же крепко связал еврейский капитал. Еще раз напомню: возобновление связи с США и ее всемирное укрепление было центральным пунктом программы Родса — без этого господство англосаксонской расы и британской модели в мире XX в. было бы невозможно.

Окончание следует

КОМАНДИРОВКА В МАЛЬТУ

РАССКАЗ

1

Весь август и сентябрь Прибайкалье изнывало под холодной моросью. Ивану Перевезенцеву, журналисту-газетчику, человеку сравнительно ещё молодому, но уже с утомлённым, пергаментно-выхуданным лицом, время от времени представлялось, что он в дальнем, изматывающем морском плаваньи, а корабль его — вот эта промокшая, кто знает, не до самой ли сердцевины, земля; и сверху, и через борт хлещет вода, а твердь, увы, не просматривается ни в одну из сторон света. Под ногами хлюпало, чавкало — природа как будто насмеялась и издевалась над людьми. Грязновато-серое небо провисало к земле, и уже казалось, что не бывать просвету до самых снегов и морозов.

Однако в канун октября внезапно выкатилось на утренней заре солнце — маленькое, напуганное, будто держали его где-то под замком да в строгости. И установились ясные, золотистые дни, даже припекало после полудня, как в июле. Небо стояло высоко. Говорили, что бабье лето хотя и с некоторым опозданием, как нынче, но всё равно пропoeт свою светлую грустную песню.

ПРОЗА

Одним ранним утром Иван с тонкой спортивной сумкой через плечо сел на иркутском вокзале в седоватую от росы электричку. Она хрипло свистнула, вздрогнула и со скрежетом покатилась. С гулким постуком проехали по мосту через пенисто вспученный Иркут. Промелькнули за окном заводы, склады, городские и поселковые застройки. Сходились и расходились остро сверкавшие рельсы. Вымахнули на свободную двухколейную магистраль.

И полчаса поезд не находился в пути, а ужато, сутуло сидевшему Ивану стало казаться, что он уже долго-долго мчится в этом тряском, неприбранном вагоне. Он потёр ладонями глаза, поматываяще встряхнул головой, стал смотреть в окно — на скошенные, коричневато-выжженного цвета поля и луга, на пасущийся скот, на скирды намоченного сена, на серые влажные леса. Отвернулся от окна. Всё в мире было не по нему. «Куда я еду? Какая-то ещё, к дьяволу, Мальта встряла в мою и без того неловкую и дурацкую жизнь. Что такое Мальта? Зачем она мне? Да и кому она нужна в нашем помешанном, нездоровом мире? Нам подавай что-нибудь великое, грандиозное да престижное, а тут, понимаете ли, какая-то железнодорожная станция Мальта, Богом и людьми забытая, — обрывочно тряслось в голове Ивана, не рождая, как было свойственно его мыслительным усилиям, чего-то законченного, ясного и непременно приносящего практические плоды. — Одно хорошо: в Мальте родилась моя мать. И тётя Шура, её двоюродная сестра, там вроде бы ещё живёт».

Иван слыл мастером, как говорили, «забойных», заказных материалов. «Наш Ванюшка не брезгует никакой работёнкой, — судачили коллеги. — Как закажут, так и намалует. Ушлый, однако, парень!» Но нельзя было не признать, что выходило у него интересно и ярко. «Моё дело маленькое: я — ремесленник», — думал, наморщивая лоб, Иван.

Он был уверен, что друзей у него нет, а всё — коллеги да партнёры. Не было у Ивана жены и детей. И любимой женщины не было. «В моём сердце пусто, как в трубе».

Но порой выстрелом раздавалось в нём или как будто поблизости: так ли живёшь? Хотелось чего-то настоящего, основательного, честного. Но сил встряхнуться, переворошить или даже перевернуть свою жизнь не доставало. «Старею, что ли?»

Вечерами Иван приходил в свою холостяцкую квартиру, не зажигая света, в верхней одежде валился на диван и пялился в потолок. Даже телевизор не хотелось включать — сдавалось ему, что отовсюду льётся и сыпется грязь, ложь. И на телефонные звонки не отвечал, позволял выговориться в автоответчик. В квартире неделями, а то и месяцами никого не

впускал и не приглашал. Хотелось в тишине, в затворе что-то чётче расслышать в себе — такое робкое и неуверенное. «Должно же быть что-то высшее в моей жизни!»

Он чувствовал себя страшно одиноким.

Вчера кто-то подкараулил Ивана в сумрачном подъезде, выскочив из потёмок под лестницей, и ударил чем-то тяжёлым и тупым по голове. Покамест не затянуло сознание, Иван успел расслышать:

— Не клепай, козёл, на хорошего человека!

Очухался Иван, по стенке добрался до своей квартиры, долго держал голову под струёй холодной воды. Не до крови разбили, но лицо отекло и почернело.

Иван не испугался, потому что понимал, — если бы намеревались убить, то убили бы сразу, а так — отомстили, по всему видно, за материал «забойный», написанный на заказ, припугнули. Всю ночь не спал: «Всё, что я умею в жизни понастоящему, — это клепать? Да, да, похоже, так — клепать, лгать! Не умею я ни любить, ни быть любимым. Нет во мне ни благородства, ни доброты. Существую, как автомат, и жизнь моя фальшивая и придуманная. Живу ради денег и дешёвой славы, а потому одинок и несчастен. Я попросту обыватель, и талантов во мне никаких нет, кроме себялюбия. Я столько лет не заводил семью, строил и строил свою карьеру, а во имя чего? Жаль, не имею пистолета!.. Но где-то лежит верёвка».

Отыскал на балконе бельевую верёвку и замерше стоял с нею посреди комнаты.

Отшвырнул верёвку и заскулил:

— Дешёвый актёришка! Слабый, ничтожный человек!

Утром, опухший, придавленный, переговорил с главным редактором, попросился на две недели в отгулы и в отпуск без содержания. В профкоме спросил, нет ли куда «горящих» путёвок. Оказалась только одна — в Мальту. Ему прямо сказали:

— Не курорт в Мальте, а одно недоразумение. Даже уборщицы и рассыльные не пожелали туда ехать.

— Мне один чёрт.

«Нужно забраться куда-нибудь подальше и в тишине подумать обо всём. Хорошо подумать! В своей квартире — страшно: а вдруг отважусь, — вспомнил он о верёвке. — Что ж, в Мальту — так в Мальту! По крайней мере, буду на людях».

В отделе подтрунили над Иваном:

— Не в Мальту — не верь своим ушам! — а на Мальту поедешь, счастливчик, за копейки-то.

Отмолчался.

В рассеянном, угрюмом настроении выехал, не сопротивляясь судьбе, может быть, впервые в своей жизни.

Мальта — деревянные выцветшие домики, покосившиеся, дырявые заборы, одичало-буйно разросшиеся тополя и черёмухи. Курортные корпуса притулились в сосновом бору вблизи железной дороги. Иван поморщился: «Какой может быть отдых чуть не под вагонами? А впрочем, какая мне разница!» В главном корпусе оформился; поселился в комнате с двумя пожилыми мужчинами. Один, рослый, седобровый, добродушный дядька лет пятидесяти пяти, представился вузовским преподавателем Садовниковым. Второй, пенсионер со стажем, бывший складской работник, шупловатый, с хитренькими подголубленными глазками, но весь какой-то мятый и будто бы пропылившийся.

— Конопаткин Илья Ильич, — бодренько протянул он Ивану руку. — Не божж, сразу предупреждаю, но проживаю в «Москвиче». Уже десятый годок я самый что ни на есть «москвич»! Супруга прогнала из дома. С любовницей застукала, — важно объявил он. — А сюда прибыл, чтобы по-человечьи поспать. — И притворно зевал и потягивался, успевая отхлёбывать из бутылки пива. — Налить вам? Угощайтесь, не стесняйтесь! — предложил он Ивану из своей початой бутылки. — А может, мужики, по сто грамм сообразим?

«Какой-то ненормальный да ещё, как нарочно, Конопаткин, — с равнодушным раздражением подумал Иван, но тут же одёрнул себя: — А я нормальный? А у меня есть в жизни место и судьба?» Представился журналистом, но своей фамилии не назвал. От пива и ста граммов отказался. Повалялся в одежде на скрипучей железной кровати, с необъяснимой отрадой чувствуя затылком свежую сыроватую наволочку, обоняя запахи беленых стен и проклеенных газетами оконных рам. Всмотривался сквозь сверкающее окошко на лоскут чистого — «всё ещё чистого!» — неба.

Поговорили о том о сём. Садовников и Конопаткин наперебой расхваливали местные лечебные грязи и солевые ванны: обезноживших-де ставят на ноги, просто-напросто чудотворно омолаживают, приехал согнутым и злым, уедешь гоголем, а женщин от бесплодия излечивают. Делать в комнате, маленькой и тесной, было совершенно нечего, вышли на улицу. По тропкам, заваленным листвой и хвоей, утиными вереницами бродили курортники. Иван заметил молодую женщину, одетую в стильное, но не броское сиреневое пальто. «Она как запоздалый цветок — лютик, фиалка? — на

этих серых полянах осени», — отчего-то и ласково и грустно подумалось Ивану. Она скромно сидела на краю обшелушившейся лавочки в тени томно, бордово угасающей черёмухи и вежливо, но, похоже, с притворным интересом слушала двух укутанных козыми шальями дам, которые щебетуше, как птицы, что-то ей рассказывали — перебивая друг дружку. Ей не было, по всей видимости, тридцати, однако морщинки уже прикоснулись к её истомлённому, смутно красивому лицу. Выделялись большие глаза — чёрные, блестящие, чуткие, вроде как, показалось Ивану, «текучие». «Чуть что, и, глядишь, потекут». Непривычное — её коса, перекинутая через плечо. Толстая длинная настоящая коса. «Надо же, коса! — хмыкнул Иван с чувством противоречия в душе. — В наше-то время и — коса? Зачем, что это?»

— Видать, от бесплодия приехала полечиться, — шепнул Ивану юркий Конопаткин, выныривая у него возле левого плеча. — Эх, будь я таким же молодым, как вы, Иван Данилыч, я б её *полечил*, голубоньку! — по-жеребьячи загигикал он, потирая свои маленькие, как у ребёнка, но шершавые от застарелых мозолей ладошки.

Иван сверху вниз взглянул на Конопаткина, заметил торчащие волоски на кончике его остренького, «крысиного» носа. Промолчал, отвернулся. Все трое поклонились этим женщинам, завязался скучный разговор — о погоде, о процедурах, о железной дороге, о пьяном дворнике, который блаженно почивал на куче сгребённой им листвы. Познакомились; молодую женщину звали Марией. Процедуры начнутся лишь завтра и до обеда ещё далековато. — «Не прогуляться ли на берег Белой?» — предложил кто-то. Что ж, можно и прогуляться.

«Надо бы заодно поискать тётю Шуру, — подумал Иван. Но тут же, словно бы спохватившись: — А, собственно, зачем? И к реке зачем мне переться? Да, да, ответ, конечно же, есть: надо убивать время своей дурацкой жизни. А зачем я сюда ещё-то мог приехать! Какой замечательный всечеловеческий штамп: убивать время! Кто первый произнёс его — был несомненным гением! Убил-де — и нет проблемы. А если и сам сдохнешь, так лучшего развития событий и придумать невозможно».

Дорогой как-то незаметно поделились на пары; Иван оказался рядом с Марией. Ему хотелось побольше узнать о ней, и она, не скрытничая и не лукавя, отвечала на его осторожные, обходительные вопросы. Жила, поведала, с мужем в Иркутске, работала продавцом парфюмерии. Не утаила, что приехала лечиться от бесплодия, хочет «ребёночка», и чтобы

семья была большой и дружной. Иван невольно любовался Марией, слушая её надтреснутый слабый говорок, присматриваясь к её строго очерченному профилю, к завиточкам над её по-детски маленьким, «аккуратным» ухом. «Наверное, она правильный человек, а как женщина добра и нежна. Может, мне *такая* нужна?»

«А ты сам-то нужен ли хотя бы кому-нибудь?»

За посёлком, сонноватым и малолюдным, прошли возле вытянутой огурцом запруды, запущенной, диковато поросшей камышом и осокой, перебежками пересекли оживлённое шоссе и вскоре вышли на высокий, травянистый берег Белой невдалеке от длинного железобетонного моста. По нему, подчиняясь предупреждающему знаку, нудно-тихо катились в обоих направлениях автомобили. А река под ним — широка, натужена, кипуча. Замутнённые воды поднялись высоко, скоблили обширно подтопленные берега, скрыли островки, оставив над стремниной дрожашие, всё ещё густо-зелёные ветви берёз и тополей. «От одной скуки пришёл к другой скуке, — нудилось в Иване. — Ну-с, что дальше? Может быть, нырнуть с моста, чтобы удивить и потрясти себя и этих скучных людишек, которые рядом со мной и в своих автомобилях?»

— А вы знаете, товарищи, — с уже забываемым советским словом обратился ко всем Садовников, — где мы с вами находимся? О, не отгадаете ни за что! Мы находимся с вами на том самом месте, где много тысячелетий назад изготавливались великие произведения искусства — так называемые Мальгинские мадонны, или Венеры. Теперь они являются украшением знаменитых музеев мира — Лувра и Эрмитажа.

— Лувра?

— Эрмитажа?

— Что же в них такого необычного?..

«Сейчас что-нибудь ещё соврёт, кокетничая перед этими двумя набальзамированными тётеньками», — зачем-то взбодрил в себе раздражение Иван. Он уже в себе проговаривал и вслух готов был бросить: «Ну, какого, наконец-то, чёрта вы припёрли меня сюда? Полюбоваться этой мутной рекой, этим дурацким мостом, послушать красивую брехню этого застарелого разумника?»

— О-о-о! — поднял и развёл руки вузовский преподаватель. — Представьте палеолитических людей. Редко когда бывали сытыми они, часто болели, не дотягивали до тридцати лет, укрывались в убогих шалашах. Огонь костра если погаснет, то последуют страшные беды и лишения. Казалось бы, ну, какие мысли могли быть в голове этих несчастных

существ, кроме одной — как выжить, спастись, прокормиться да обогреться? Ан нет! Уже тогда человек задумался о высоком. О нравственном! Удивлены? А вот послушайте-ка! Обычное явление для примитивных цивилизаций — обнажённые фигурки женщин, что, несомненно, воплощало мысль о материнстве и плодородии. И голеньких, пардон за вульгарность, всюду находили, на всех материках. Однако нигде в мире ещё пока не нашлись палеолитические скульптурки женщин в одежде. А здесь, в Мальте, нашлись! Нашлись, голубушки! Нашлись Венеры в мехах. Спрашивается, почему, например, в той же ледниковой Европе — а там климат был, скажу я вам, не сахар, чрезвычайно суровый — нет ни одной женской статуэтки из палеолита в одежде, а здесь нате вам — приодетые? Таких фигурок всего три в мире, и все — отсюда! Учёное сообщество планеты не может понять этого феномена. И единственное объяснение дают такое: у сибиряка уже в те дикие времена нравы были строже. Душой, дескать, он был чище, натурой гармоничнее. Вот на какой земле вы сейчас изволите стоять, господа хорошие!

Дамы в козых шалях хихикнули, Конопаткин с усмешкой почесал за ухом. О чём-то другом заговорили, но Иван перебил, непонятно волнуясь:

— А может, фигурки — изображения матери? То есть, я хочу сказать, сын, изобразив мать, тем самым выразил к ней свою любовь.

Угрюмо помолчав, добавил отчего-то сердито и назидательно, словно ему перечили:

— Понимаете, о чём я?

Зачем-то отвернулся от дам и от Конопаткина с Садовниковым, не дождавшись их отклика, а они хотели что-то ответить, и сказал только Марии:

— Знаете что? А в Мальте родилась моя мать... мама.

Слово «мама», кажется, Иван выговорил через силу, крайне стеснённо, как, быть может, иноязычное слово.

— Здесь родилась ваша мама? — почему-то тихо спросила Мария.

— Да, да, именно в этом селе, на этих берегах, — тоже отчего-то негромко, но с радостью, которой он и сам, похоже, не мог хорошенько понять, отозвался Иван. — Странно, но она никогда и ничего не говорила мне про раскопки и фигурки Венер.

Он почувствовал невероятное для себя, нынешнего, забытое где-то в годах своей судьбы — сердце его разгорелось, он испытывал ошутимо — уже печёт, жжёт в груди. «Что со мной? Мама... мама... какое удивительное слово. Я не произносил

его целую вечность. Я превратился в грубую, неуклюжую древнюю черепаху, которая напрочь забыла, что она была когда-то маленькой, что у неё была мама, что в её детском сердце сладко жила любовь к ней, а значит — ко всему белому свету. Ведь так?»

Он стал озираться: ему внезапно показалось, что и эта замути́нная река, и эти подтопленные островки с согнутыми деревьями, и этот невыразительный, «стандартный» железобетонный мост, и эта, тоже «стандартная», асфальтированная магистраль, и эта жутко заболоченная запруда, и это серенькое, прокопчённое сельцо у шумной большой дороги, — всё, всё, на что бы Иван ни взглянул, неожиданно стало казаться ему каким-то интересным, особенным, значимым. Он понял — в его душе осветилось.

Дамы в козых шалях, повертевшись на берегу, зачем-то побросав в воду камешки, вспомнили, что пора обедать. Прекрасно погуляли, надо бы и подкрепиться! — охотно поддержали их Конопаткин и Садовников. Так же парами тронулись назад.

А Иван — не сдвинулся: ему хотелось здесь, на этой земле, на этом берегу ещё постоять и что-то ещё увидеть, разглядеть, возможно, что-то для себя решить, в чём-то, быть может, определиться. Но — что увидеть и разглядеть? Что для себя решить? В чём определиться?

«Как необычно я себя чувствую. Вот так прогулялся, вот так поскучал!»

Мария, помалу, бочком отходя за всеми, неуверенно позвала его. Он пошёл за ней, но вроде как незряче, неверным шагом, беспрестанно оглядываясь на реку.

«Надо поискать тётю Шуру. Она была близка к матери, как никто другой».

В посёлке Иван спросил у прохожего о тёте Шуре и ему указали на маленький, ухоженный домик, возле которого на лавочке незаметно сидела присгорбленная старушка в выцветшей ватной душегреечке. Иван последний раз виделся с тёткой, ощущалось им, сто лет назад. А в самой Мальте раньше ни разу не был, лишь мимо на поезде или в автомобиле проезжал по своим журналистским делам. Тётка изредка гостевала у них в Иркутске, а когда в последний раз — уже и не вспомнить. Когда же мать Ивана умерла, — оборвались все ниточки-связочки между родственниками.

— Извините, вы тётя Шура? — спросил Иван у старушки.

— А я тебя, Ваньча, тотчас признала, когда ты ещё к реке шёл: на Галинку ты шибко смахиваешь. Ну, здрасьте, здрасьте, племяш. Какой ты, однако ж, видный мужчина. Ну, захо-

ди, гостем будешь. Почаёвничаем, покалякаем. Ой, а кто с тобой ещё? Так обрадовалась племяшу, что вас-то, девушка, и не заметила я, старая, слепокурая! Жена твоя, Ваньча? Нет? А какая ладная, красивая, а с какой косищей-то! Прямо-таки под тебя девушка-то. Ну, заходите оба, заходите! Накроем стол, наливочкой побалуемся... Такая встреча, такая встреча! Вот не думала, вот не гадала... Ах, Галинка не видит тебя, такого красавца... Ну, проходите, проходите!

Мария вежливо отказалась и пошла было, но Иван нежно-крепко взял её ладонь. Она вымолвила, пунцовея пятнышками и заглядывая в его бархатистые ласкающие глаза чуткой и бездонной чернотой своих глаз:

— Не надо. Пожалуйста.

— Чего не надо?

— Ну, этого... как говорили в старых романах? Пошлостей, кажется.

Он смутился. Сжав губы, молча покачнул в ответ головой, выпустил её прохладную руку.

«Какая она хорошая. Достоин ли я её?»

Домик тёти Шуры — горница да кухонка, в них — духовито, тепло и сияние простосердечной опрятности. Печь русская с зевласто широким полукруглым жерлом; где-то на запечье млеют сухарики и травы. В углу лампадка золотисто озаряла блёклую иконку, украшенную искусственными цветами. Пол — широченные плахи в пёстрых тряпичных половиках; Иван разулся и, украдкой, как ребёнок, потоптался по ним, точно по ковру, сам не зная, зачем.

На беленых стенах — выцветшие, поджухлые фото. Иван с трудом признавал на них родственников. Они все из какой-то стародавней-стародавней жизни; кто теперь помнит о них, кроме этой старушки! Большой портрет красивой юной женщины в рамке под стеклом помещён на обоянку — в простенке между двух окон, и в него, наверное, тоже можно смотреть, как в окно. Кто изображён на фотопортрете, кому столько чести от тёти Шуры? Боже, да это же его, Ивана, мать! Совсем юная, совсем девочка. Такой он не мог знать её и этого портрета ни разу не видел. Да, красавица. В глазах — озорные огоньки ироничного ума, губы чуть, но очевидно для Ивана, «по-волево» поджаты, и весь лик её строг и величав, как у царицы, а ведь она деревенская девушка из обычной семьи. «Это моя мать, — не имея силы отвести глаз от портрета, шепчет Иван, словно перед кем-то гордится, хвалится. — Вот какая она была...»

Тётя Шура хлопочет на кухне за выцветшей занавеской и своим журчащим голоском повествует Ивану о своём житье-бытье:

— ...Живу, Ваньча, одна-одинёшенька: старик годов десять как преставился. Шибко мучился печенью. Попей-ка с его! Дети, трое, стали уж самостоятельными, кто где проживает. Дай Бог им счастья, — вздохнула тётя Шура. — Вся Мальгата теперь, Ваньча, — почитай, одни старики, да и чего тут делать молодым? Вон для них — Усолье с фабриками да бравенький посёлок Белореченский. Там такуший отгрохали птицекомплекс. Если бы не железка — так была бы, спрашивается, сейчас наша замухрышка Мальга на белом свете? Кому она, горемычная, нужна? Курорт тут — с боку припёка. Ведь соль с грязями в Усолье, туда и возят на процедуры! Потеха!..

Какие знакомые переливы голоса! Родная кровь, она и в голосе проклёвывается! И ему вспомнилось, как мать перед сном ему, малышу, читала книжки, заботливо подтыкая одеяло, поглаживая его по голове, а он упрямо боролся с подступающим сном, цепляясь сознанием за пушисто обласкивающий голос матери.

Сели за стол, застеленный белой слежавшейся скатертью; обедая, выпили по рюмке-другой настойки. Иван начал было рассказывать о Мальтинских мадоннах, да старушка не поняла его, она ничего раньше не слыхала о раскопках, и он замолчал. Попросил неожиданно:

— Лучше расскажите-ка, тётя Шура, о маме.

И они, не сговариваясь, враз посмотрели на портрет. Тётя Шура всхлипнула:

— Царствие Галинке небесное.

Душа Ивана напряглась и вздрогнула, будто желая освободиться от заточения. «Кого благодарить, что я здесь, рядом с тётей Шурой, с её памятью о маме? Вот что мне нужно было, чтобы дальше жить, а не скрипеть по жизни!..»

Тётя Шура стала рассказывать. А когда стихала, пригибываясь, Иван, чуточку выждав, спрашивал с нетерпением, тревожил её: хотя многое о жизни матери знал досконально, однако, казалось, боялся — вдруг чего-нибудь самого главного для себя да не услышит, не узнает, не захватит отсюда в свою жизнь.

Сердце его, томясь и тяжелея, чего-то поджидало — чего-то, возможно, большого, быть может, особенного, сокровенного.

2

В сумерках полуночи юная Галина торопко шла — а различала бы дорогу, так и наверняка бежала бы — улицами и заулками Мальты к своему Гришеньке, к своему возлюбленному. Только что она тайком и дерзостно покинула родительский дом.

Родители её, добропорядочные, уважаемые люди, отец — фронтовик, слесарь из тех, кто нарасхват, мать — учительница начальной школы, чаяли, что закончит их Галинка, младшенькая, егозливая, неугомонная, но смышлёная — троё детей уже, славу Богу, пристроились в жизни, — десятилетку в Усолье, следом поступит на фельдшера или даже докторшу, выйдет за приличного парня, отстроится они в Мальте или поселятся в Усолье, а то и в самом Иркутске, и заживут в любви и достатке.

— Война-то кончилась, братцы, — живи, не хочу! — за поллитровкой другой раз восклицал отец. (Восклицать восклицал, бодриться бодрился, однако слёз горючих, как вспоминается о войне, удержать не умел.)

А что же дочь вытворила! Вчера объявила матери и отцу, что беременна от Григория, что любит его и жить без него не может. И ещё надбавила, да так, будто выпалила из пулемёта, — уйдёт из школы и будет рожать.

— Батюшки, срамота-то какая! — взмолились ошарашенные и потрясённые родители. — Убиваешь нас без ножа! Рожать? Не бывать этому! Поутру сбегает за бабкой-повитухой. Вытравит! Тишком спасём и тебя, неразумную девчонку, и семью нашу от позора!..

Галина — в двери, убежать хотела. Скрутили, заперли в чулане. Слышала она, как плакали и незлобиво поругивались друг с другом отец и мать: кто виноват, как теперь жить, как людям в глаза смотреть? Не раскаивалась Галина, хотя родителей, конечно, было очень жалко. Мало-помалу затихли они, но вздыхали и ворочались во сне.

Что же Галина? Упрямо отдирала подгнившую доску. Наконец, выкарабкалась в горницу, оттуда на цыпочках прокралась во двор и в одном платышке да в прохудившихся чунях устремилась к своему Гришеньке. А на улице ужасная слякоть, мозглый ветер разгуливал, — даже не подумала, сумасшедшая, когда находилась в горнице, что можно накинуть на себя какую-нибудь одежонку и обувь боты.

Знала, где ночует Григорий, — в зимовьюшке на огороде; там тайком от всей Мальты и всего света и любились они с самой весны, там и клялись друг другу в вечной любви. Между колючих кустов маличника и косматых, словно дерюга, трав прокралась вдоль забора к дырке, чтобы не всполошить собак и не разбудить домашних Григория. Растолкала любимого, целовала его в сонные глаза. Поведала, что задумали её родители. Григорий свесил с топчана длинные босые ноги, не сразу отозвался. Потянулся, зевнул:

— Что ж, вытравляй, коли так оно повернулось. А то житья нам не дадут. Чего доброго, мои прознают — у-у, разорутся!

Ещё разок хотел потянуться и зевнуть, да такую заполучил оплеуху, что чуть не слетел с топчана. Вытаращился на Галину. Грозно нависла она над ним, мужиковатым крепышом, сама же — птаха, тощеватая. Почесал парень в затылке:

— А чего, рожай! Пушай лютуют. А нам-то чего? Мы любим друг друга, мы вместе.

И оба не выдержали — засмеялись, обнялись, утонули в ласках.

— Я никого не боюсь, и ты не дрейфь, — шептал Григорий. — Как-нибудь выкарабкаемся. Вон, на железку пойду вкалывать, а учёба... что ж, отслужу, после уж о школе подумаем.

— Служи, служи, а мы тебя дождёмся... с ним.

— С ним? — не понял Григорий.

Галина улыбочиво, но значительно указала взглядом на свой живот. Снова засмеялись и обнялись крепче, будто того и стоит жизнь, чтобы миловаться без усталости да смеяться до колик.

Рассвело — вошли в дом, поклонились сидевшим за столом родителям Григория, с ходу объявили, заикаясь, однако, и, робея, что хотят пожениться, что Галина беременная. У матери кружка с чаем выпала из руки, отец поперхнулся.

Родители Григория, уже немолодые, надорванные жизнью люди, тянулись ради сына — в железнодорожные инженеры прочили его. Первый их сын погиб в день победы в Праге, у дочери ещё до войны жизнь не задалась — развелась с мужем, спилась, бросила ребёнка и где-то пропала на ленских лесосплавах, и выходил у стариков один расклад в отношении блестяще довершавшего десятилетку Григория — надёжа и опора он для них незаменимая. «Умница, красавец, силач, — каждому бы по таковскому сыну!» — говорили им всюду.

А что теперь начнётся? Страх Божий!

Накинулась мать на Галину:

— Ни рожи, ни кожи, а такого парня хочешь отхватить? Жизнь ему загубишь! Не дам, не позволю! Сгинь, гадюка!..

Отец, рослый, угрюмый деповский кузнец, надвинулся на сына с ремнём. Но Григорий и замахнуться ему не дал — перехватил ремень, накрутил его на свой кулак и мощным рывком утянул отца, не выпуская ремня, книзу. Тот побагровел:

— На отца?!

Галина дёргом увлекла Григория за дверь. Выскочили со двора на улицу, сцепившись руками, но один направо рванулся, а другой — налево. Засмеялись и тут. Не сговариваясь, побежали к вокзалу, который словно бы призывал к себе

трубными свистками локомотивов, дружным постуком колёсных пар, с вихрями проносившимися на запад или на восток составами. Повстречали Шуру — двоюродную сестрицу и закадычную подружку Галины. Она, тоже семнадцатилетняя, тоже худенькая, но жилистая, уже года полтора трудилась на дороге в бригаде путейцев, с утра до ночи размахивала кувалдой, ворочала шпалы, только что рельс не могла на себя взвалить, а так многое что выполняла запросто, как взрослая дюжая баба, — ведь кто-то должен был содержать её младших братьев и сестёр; мать Шуры была инвалидом, а на отца ещё в сорок втором пришла похоронка.

Тут только Галина расплакалась, уткнувшись в промасленную, отсыревшую стежонку подруги: куда приткнуться, что делать, как жить?

— В Мальте, робя, вам никак оставаться: поездом съедят и разлучат, — рассудила Шура, смахивая ладонью под сырым простуженным носом и оставляя сажный бравый усик. — Вот что, братцы-кролики: катите-ка вы в Тайтурку, перекантуетесь пока у Груни, она баба из нашеньских, путейских. Бобылка, бездетная, а изба у неё, от родичей досталась, — просто избища. Я ей записку черкну. А пока пойдёмте-ка в бригадную теплушку, — приодену вас мало-мало: ведь голые почитай. Посинели ажно. А потом заскóчите в товарняк и через десять минут — Тайтурка вам. Заживёте своей семьёй. Распишетесь, глядишь. Ну, годится?

— Годится! — в голос вскрикнули Галина и Григорий.

— Будто одной головой думаете, — порадовалась Шура, с интересом, но смущенно взглядывая на видного Григория. — У меня-то с моим ухажёришкой, с Кешкой-то, не любовь, а одно горькое разномыслие.

Придела она их в старые, поблёскивающие масляными пятнами стежонки, прибула в кирзовые, но почти что новые сапоги, покормила картошкой в мундире, посадила на площадку товарняка, попросив машиниста, чтобы тот притормозил возле Тайтурки. На прощание шепнула Галине:

— Какая ты счастливая! Парень у тебя как парень! Парнище!

Паровоз бесцеремонно пыхнул по вокзалу и людям паром, строго прогудел на всю округу и с вальжной неспешностью тронулся с места. Вскоре состав деловито катился по лесистой необжитой равнине, сминая навалы туманов. Сырой студёный ветер свистал в ушах Галины и Григория. Нахлёстывало в лица колкой мокретью. Нежданно-негаданно распахнувшаяся перед молодыми людьми вольная жизнь испугала их. Они прижались друг к другу.

Галина озябла. Григорий сбросил с плеч свою стезонку, укутал ею поясницу и живот любимой.

Миновали гулкой мост через норовившую выплеснуться из берегов Белую. Открылась Тайтурка с серыми прокопчёнными цехами и дымящимися трубами лесозавода; посёлок теснился у железной дороги деревянными мокрыми домами и огородами с высокими почерневшими заборами. Так, усыпленные и обогретые собственным счастьем, не воспринимая унылой обыденщины мира сего, и проехали бы мимо Тайтурки, словно неважно было для них, куда и зачем ехать, лишь бы быть рядышком друг к другу. Очнулись, когда со скрежетом дёрнулся, снова разгоняясь, притихший на считанные секунды локомотив. Григорий спрыгнул на высокую насыпь, бережно принял на руки Галину.

Полная, с ласковыми заспанными глазами Груня, часа два как вернувшаяся с ночной смены, без лишних расспросов приютила нежданных гостей, выделила им самую большую комнату с отдельной печкой, чтобы подтапливать, если холодно покажется, с умывальником, — ну, просто-таки роскошество. Одинокая немолодая женщина была несказанно рада — ведь не одной теперь мыкаться по жизни, да и можно другой раз погреться возле камелька чужого счастья. До войны у Груни был муж, годков двенадцать прожили они вместе, но детьми так и не обзавелись. Погиб её незабвенный Юрий на Курской дуге, и какой теперь мог перепасть Груне семейный фарт, если мужиков и молодым да красивым бабам недоставало?

«Казалось бы, и должно было бы расцвести счастьем Григория и моей матери, должно было бы им стать мужем и женой, родить детей, взрастить их, построить, быть может, дом, благополучно дожить обоим до старости. И не родился бы я, а кто-нибудь другой, и тот другой — уж точно! — не ныл бы, не жаловался бы на жизнь и судьбу, как я, не занимался бы всеми этими писчими гнусностями, а жил бы без затей и себе и людям в угоду и радость. Но человек, как говорят, *предполагает*, а кто же *располагает* его жизнью и судьбой? Бог? И если так — то судьбой и жизнью каждого ли человека? Неужели мы все так уж и нужны Богу?» — подумал взволнованный Иван, слушая неторопливый рассказ тёти Шуры.

Галина и Григорий посидели в тот день с тороватой, разговорчивой Груней за утренним чаем, перетекшим в обед, обу-

роили свою комнату. Вот, казалось бы, и счастье! Но!.. Ночью грянуло лихо, и оно перевернуло жизнь Галины сызнова.

Григорий весь тот вечер недомогал, однако, как должно мужику, крепился, самолюбиво не выказывал, что тяжело сделалось во всём теле. Ночью вдруг поднялся жар. Утром — ужас: паренёк даже не смог встать с постели, без сознания метался по подушке. Перепуганные Груня и Галина бегали по соседям — где таблетку выпросят, где горчичник, где мёду и малины. Ничто не помогало. Ничто! Григорий уже задышался, страшно хрипел, а, очнувшись на минутку-другую, хватался за левый бок. Неотложка увезла его в Усолье. Галина — с ним, хотя её чуть не выталкивали из машины: и без неё было тесно с четырьмя больными, да и не положено было возить посторонних.

В больнице её не допускали к Григорию, но она всеми правдами и неправдами попадала в его палату. На вторые сутки врачи смирились — позволили Галине ухаживать за больным, а в нагрузку поручили и других тяжёлых по палате.

Очнётся Григорий — всматривается мерклыми глазами в склонившуюся к нему Галину, но не признаёт. Она легонечко целовала его в горячие корочки губ, ласкала, что-то нашёптывая. Проходила минута-другая — Григорий опять уходил от неё.

Галина случайно услышала в коридоре разговор медсестёр: сердечником был Григорий, да к тому же жесточайшее воспаление лёгких получил, и сердцу его работать осталось всего ничего. «Вот вам всем шиш на постном масле! — отчаянно подумала она. — Я спасу, спасу тебя, Гришенька!» — И с отчаянной страстью целовала его воспалённое и уже не откликавшееся лицо, словно чародействовала, вытягивая любимого к жизни.

На третьи сутки агонии Григорий затих. Галина обрадовалась, надеялась — к улучшению, переломило-таки болезнь! Всматривалась в лицо, ожидала — откроет он глаза и постарается, быть может, улыбнуться ей. Но он остывал и бледнел.

Санитары отгаскивали её от кровати, а она безысходно и безрассудно цеплялась за дужку.

К родителям не вернулась, потому что они настойчиво и озлобленно принуждали её к аборту. Весной родила девочку — Татьянку. Так и сплелось её маленькое горчащее счастье — хиленькая недоношенная дочка, похожая на Гришеньку, и тоже со слабым нутром, да солоноватые грёзы о нём же, о Гришеньке.

Какое-то время пожила у Груни. Трудилась на лесозаводе, багром ворукала в бассейне брёвна, училась в вечерней шко-

ле, потом — заочно в усольском техникуме пищевой промышленности, следом — в институте, но уже перебравшись в Иркутск.

В тот роковой год, год смерти Григория, стала, чувствовала она, старше сердцем лет на двадцать. Но не постарела — напротив: похорошела, налилась красотой поперёк всему, будто природа так и готовила её к какому-то другому и непременно большому счастью. Увивались возле неё и парни, и солидные мужчины, а она никого не хотела видеть. Почти восемь лет никого не хотела видеть. И Груня поругивала её, и наезжавшая из Мальты Шура налегала:

— Молодость уходит ведь, а ты — как дура!..

Сама Шура вышла замуж и родила. Вроде бы вполне была довольна своим маленьким счастьем, своим домом с поросятами и коровой, с сенокосными угодьями в пойме Белой, с большим унавоженным огородом. Не тяготилась Шура нелёгкими ежедневными заботами о муже-путейце и ребёнке, о подрастающих братьях своих и сёстрах, о немощной престарелой матери, — тянулась на всех безропотно, будто никакой другой доли и не ждала, а как идёт в жизни, так тому и быть.

На Галину же свалилась новая беда — умерла дочка, и семи лет девочке не исполнилось. Как ни лелеяла мать Татьянку, как ни бегала с ней по всевозможным поликлиникам, именитым врачам да бабкам-знахаркам, а врождённая болезнь одолела-таки слабенькое существо.

Так оборвалась последняя, живая ниточка к Григорию.

«Боже, Тебя ли благодарить мне, что я попал в Мальту? Да, да, именно сюда мне и надо было попасть!» — Иван, слушая тётю Шуру, радовался: душа его не просто оживала, а — воскресала после долгого, долгого, как века, онемения. Она беспрерывно теперь заявляла о себе какими-то энергичными, бодрящими толчками. Хотелось яснее, зримее, шире увидеть и понять то, чего раньше не видел и не понимал. Не видел и не понимал по разным причинам: когда-то по младости возраста, а когда-то по внутреннему противлению, продиктованному влечением жить по другим, чем у матери, правилам и законам, подсмотренным у кого-то или придуманным самим.

Потерять ребёнка — возможна ли чудовищнее кара? — может быть, спрашивала себя Галина. Прогоревала она годы и страшно. Выхудала, изжелтилась вся. Страшно и затяжно горевала ещё и потому, что никого не хотела видеть. Душой устала, сникла. Не искала стороннего участия — разувери-

лась и в людях, и в судьбе. Только Шуру и допускала к себе; а та старалась почаще наезжать в Иркутск, чтобы «вытянуть из болотины» подругу и сестру.

Но не откажешься добровольно от молодости, от сил её. Однажды на улице к Галине подошёл артиллерийский офицер — высокий, улыбчивый, в отутюженной форме молодец. Представился, щёлкнув каблуками сверкающих хромовых сапог:

— Позвольте познакомиться. Данила Перевезенцев. Прощу любить и жаловать!

«Любить» — чуть не гаркнул, а «жаловать» — почти шепнул. Природно смеющимся, но ласковыми глазами заглядывал в её строгое, подобранное лицо.

Галина испугалась, что может потянуться за этим весёлым, красивым молодым мужчиной и, кто знает, полюбить его. Неделю, другую, месяц не отвечала на ухаживания бравого офицера жизнелюбца. А неунывающий Данила выследил, где она жила, — и в тёмных узких коридорах малосемейки стал витать запах цветов, которые он ежедневно приносил.

— Ой, смотри, Галка: отобьём! Ломаешься, как девочка, — посмеивались соседки по общежитию.

Но как могла она объяснить им: чтобы полюбить другого, склониться к его плечу, нужно ведь как-то вытеснить, изжить из сердца прошлое! Как?!

Приезжала Шура, костила подругу:

— Воротишь нос от офицера? Вы только посмотрите на эту Кулёму Ивановну!..

— А как же Гриша?

И обе прижимались друг к дружке и порой навзрыд плакали.

— Какая ты счастливая, Галка: так любить, так любить!.. Я вот за своего Кольку выскочила, а любила ли — уж и не помню. Родила, вторым вскорости разрешусь. Теперь срослись сердцами так, что разрывай тракторами — разорвут ли? А у тебя вона как не-е-е-ежно. Любо-о-о-овь! Уж я, сибирский валенок, о ней и думать не смею... От офицера-то ты, сизокрылая душа, не отворачивайся. Видела я его в подъезде с букетиком — бра-а-авенький. Офицер — одно слово! У нас в Мальте, сама знаешь, ежели какая выскочит за военного лётчика со Среднего — так будто не живёт и не ходит она по земле, а прямо-таки летает. Предложит, Галка, — не отказывайся! Жизнь-то одна! Поняла?

Что ж, чему быть — того не миновать! Сыграли свадьбу. Родители Галины предлагали отпраздноваться в Мальте, но она наотрез отказалась: возможно ли там, где любила Григория, где столько напоминает о нём!

Зажили хорошо, в достатке, хотя сначала ютились в общезжитии. Разницей в три года родились Елена и Иван — здоровенькие, живые ребятишки.

Вскоре Перевезенцевы получили трёхкомнатную квартиру, чуть не в центре Иркутска, на нескончаемой, но удобной для жизни улице Байкальской. Квартира была в небольшом старинном трехэтажном доме, с высокими потолками, с просторным балконом, украшенным лепниной и чугунным лифтом. Летом Галина выращивала на нём цветы, и редкий прохожий не задирает голову, любуясь её роскошными, пышными цветниками. В квартире в любую минуту любого времени года и пылинки невозможно было сыскать. А бельё, скатёрки, занавески — всё так и дышало свежестью, чистотой, радовало глаз и сердце вышивками хозяйки.

Сказать, что жили Перевезенцевы богато — нельзя, но семья офицера в те тихие, в чём-то благодатные времена Союза бедствовать, разумеется, не могла. Лишнюю копейку старались потратить на отдых у моря или на Байкале. Забирались и в таёжье, в Саяны, сплавливались по горным рекам. Бывали даже за границами. Галина стремилась увидеть мир и заражалась азартом к путешествиям и походам не охочего до перемены мест мужа, которому в отпусках и по выходным милее бывал диван.

Муж её легко, без видимых усилий продвигался по службе. Не мотались Перевезенцевы по военным городкам и захолустьям огромной страны, как многие другие офицеры со своими семьями.

И сама Галина перешла из столовой в управление ведущим специалистом. Казалось, что она совсем не старела, а, напротив, молодеда, набиралась каких-то неведомых для остальных молодильных сил. Не раздобрела, не огрузнела бёдрами, лишь лицом округлилась слегка. Вся была стройная, изящная, подвижная, а глаза как будто бы горели. Редко кто видел Галину унылой, раздражённой — словно навёрстывала она упущенное в ранней молодости и словно бы намекала людям: «Ну что вы, ей-богу, так унылы и скучны? Ни одной минуте не повториться! Вы меня понимаете?»

Шура приезжала в гости:

— Не баба ты — куколка! Да оно и понятно: за офицером, не изработалась, поди. Цапечка, одно словцо!

Галина не обижалась на сестру:

— Кому-кому, но только не тебе, Шурка, жалобиться на судьбу: муж работающий да здоровяк, детки у тебя чудесные — вот оно, наше женское счастье.

И они обе начинали друг перед дружкой нахваливать своих мужей и как бы открывали обе, что мужья их столь хороши, что не надо и лучше.

Нострялось чудовищное — Галина застала Данилу с дружкой, прямо у себя дома, когда ребятишки были в саду, а она сама вернулась пораньше с работы. Застала среди своих занавесок и наволочек, среди так лелеемой ею домашней обстановки. Увидела — и это сразило её и как будто облило липкой, неприятно пахнувшей грязью, которая мгновенно въелась во все поры её существа. Галина стала задыхаться, — казалось, грязь набилась внутрь и перекрыла доступ воздуху.

Та, другая, помоложе, похватила свою одежонку и улизнула в дверь. Данила онемел, его перекосило так, будто кто-то мощно ударил его по лицу.

— Уходи, — скрипнул голос Галины. — Больше мы вместе жить не будем. Ни минуты.

— Галочка!.. — стал оправдываться Данила. Опустился на колени.

— Встань. И уйди. Умоляю.

Как ни заклинал Данила, как ни ползал на коленях за Галиной из комнаты в комнату, она оставалась непоколебима. Ушёл. Поселился у товарищей в офицерском общежитии. Приходил в семью, упрашивал Галину, но она не простила; требовала развода, но он не соглашался, тянул. Потом попросился в другой гарнизон — перевели. Года через полтора Галина узнала, что сошёлся он с другой женщиной.

Никому из мужчин Галина не отвечала взаимностью, безмолвно, трудолюбиво жила одна с детьми, вся в хлопотах по дому и на работе. Дети пошли в школу, выросли, радуя мать прилежной учёбой и послушанием. Иван плохо помнил отца, не интересовался им, а Елена, случалось, спросит у матери иной раз, где он и что с ним. Галина не обманывала детей: мол, в длительной командировке отец или героически погиб, но и правды не выдавала, вводила разговор на другое.

— А про Данилову измену точно, Ваньча, знаю: ни словечком, ни полусловечком не обмолвилась перед вами. Так ведь? — спросила разгоревшаяся тётя Шура у Ивана. Он рассеянно улыбнулся и слегка качнул головой. — Галинка не могла даже представить себе, что какой-то другой мужик войдёт в её дом, и будет жить, будто отец какой, рядом с её и Данилы ребятишками. Вот она какая была! Но с Марком Сергеичем всё-таки сошлась. Помнишь Марка Сергеича-

то? Не любил ты его — знаю, знаю! А что же, родимый, оставалось делать уже немолоденькой бабоньке? Поскрёбывала в её дверь старость. Ох, как боязно, Ваньча, остаться одной-одинёшенькой!

— Я вас понимаю, тётя Шура, понимаю. — И чуть было не сказал: «Эх, знали бы вы, как я-то одинок и злосчастен!»

Сойтись предложил солидный вдовец Марк Сергеевич. Лет на пятнадцать он был старше Галины, но дородный и хватко-практичный был человек. Не пил, не курил, грубого слова от него не услышать было. Жена его умерла лет восемь назад, дети выросли и безбедно жили отдельно, благодаря отцу. Сам он работал начальником крупного стройуправления, имел трёхкомнатную, прилично обставленную квартиру, дачный участок с двухэтажным кирпичным особняком, автомобиль с просторным гаражом. Но понравилось Галине только то в Марке Сергеевиче, что он был так же росл и виден собой, как её Данила. Любить сожителя она не могла, потому что не могла, как поделилась с Шурой, подменить своей души на другую. И никаких его вещей, дач, машин и денег ей не надо было, и она ничего себе не взяла, ни на что ни разу не заявила прав. Однако она была благодарна Марку Сергеевичу, что он не просил и не требовал от неё любви. Она поняла, что ему, прежде всего, нужна была рядом красивая молодая женщина, которая скрашивала бы его уже свернувшую к уклону жизнь, тешила бы его мужское тщеславие.

— Любовь, Галочка, — грустно усмехался он, — дело наживное.

Ни Иван, ни Елена не приняли Марка Сергеевича, угрюмились, когда он обращался к ним, тем более, когда подносил подарки и угощения. И мать не просила их смягчиться, притвориться хотя бы.

— Любой поступок должен быть честным, — говорила она своим детям, — потому что за всё воздастся, потому что всё воротится к тебе же.

Быстро взрослевший Иван открыто называл мать идеалисткой, спорил с ней и доказывал, что в борьбе за собственное благополучие (он почему-то не любил слова «счастье», стеснялся произносить его) можно хотя бы на минутку-другую пожертвовать принципами. Мать взыскательно смотрела на сына и зачастую отступала, похоже, не находя веских резонов против.

— Жизнь, сынок, всему научит, — случалось, обрывала она полемику.

Мало-мало устроилась совместная жизнь Галины и Марка Сергеевича. Но в его квартиру она так и не перебралась, как ни уговаривал, ни увещевал он. Жила на два дома, Марка Сергеевича приводила в свой изредка, по праздникам, а дети так и вообще ни разу не были в его квартире, хотя Иван порывался посмотреть, «как жирует советская номенклатура».

«Мать, уверен, поджидала чего-то иного в жизни — более важного, настоящего, возможно, — подумал сейчас Иван. — А может быть, отца ждала? Неизвестно. Она не любила откровенничать».

Марк Сергеевич на неё втихомолку обижался, но по-стариковски терпел. Задабривал свою странноватую сожительницу подношениями по случаю и без случая, поездками по югам и за рубеж, но Галина была неумолима. А так жили, можно сказать, просто прекрасно.

Наведывалась в гости Шура и бесхитростно очаровывалась:

— Ой, счастливая, ой, везучая ты, Галка! — И больше слов не находилось у неё.

И трогала своими огрубелыми руками дорогую мебель в квартире Марка Сергеевича, щупала ковры, поглаживала и встряхивала меховые шубы и шапки.

Однажды Галина получила письмо. Оно пришло издалека, от начальника госпиталя. В письме сообщалось, что во время учений Данилу придавило перевернувшимся лафетом с орудием и что лежит он теперь в госпитале безногий и в состоянии помрачения рассудка. Гражданская жена отказывается забирать его, ссылаясь на то, что они не расписаны. «Какое будет Ваше решение, гражданка Перевезенцева?» — стоял вопрос в конце письма.

Странно, но словно бы все годы разлуки с Данилой ждала Галина вести, что ему требуется помощь именно от неё. И показалось тогда Ивану — что понеслась она за Данилой не раздумывая, не убиваясь, не кляня судьбу.

Детям сказала:

— Ждите с отцом.

Когда её подвели к больничной койке, она оторопела, хотя готова была увидеть обезножившего и безумного. Лежал перед ней заросший клочковатыми волосами мальчиковатый старик со слезящимися глазами.

— Дани-и-и-ила, — беспомощно протянула Галина ни вопросом, ни утверждением. Настороженно, но и с надеждой

посмотрела на врача — молодого, но утомлённо ссутуленного мужчину.

Врач участливо подвигал бровями.

— Он самый, он самый. По документам — Данила Иванович Перевезенцев. Увы, более мы ничем помочь ему не можем. Надо забирать или определять в дом для инвалидов. Можем посодействовать...

Галина так взглянула на врача, что тот, будто ожёгся, невольно отпрянул, но тут же оправился и заторопился к другим больным.

Галина присела на корточки:

— Данилушка, узнал ли ты меня?

Но он не узнал её. Норовил высунуть из-под одеяла култышку: казалось, хотел, как ребёнок, похвастаться перед незнакомым человеком.

— Доберёмся до дому... тебе полегчает, вот увидишь... Там дети... Они уже большие... в университете учатся, сейчас у них сессия...

Он стихнул и сощурился на Галину, будто издали смотрел на неё.

— По этим глазам из миллионов признала бы тебя, Данила, хоть жизнь и изувечила тебя, — поглаживала она его худую слабую руку. Но он никак не отзывался.

Как добирались до Иркутска — никому никогда не рассказывала Галина. Только Шуре как-то обмолвилась:

— Думала, с ума сойду, не выдержу. Уж так люди хотят отгородиться от чужих бед, не заметить стороннего горя и беспомощности!

Родителей встретили окостенело-неподвижный Иван и заплакавшая Елена. Мать смогла им улыбнуться: мол, бывает и хуже, выше нос, молодежь!

Марк Сергеевич пришёл вечером, испуганно — но тщился выглядеть строгим — посмотрел на спавшего в супружеской постели Данилу, побритого, отмытого, порозовевшего и теперь точь-в-точь похожего на старичка-ребёнка. Марк Сергеевич пригласил Галину на кухню. Потирал свои крепкие волосатые руки, покачивался на носочках и длинно говорил, путано, околично, а потом набрал полную грудь воздуха и на одном дыхании предложил пристроить Данилу в дом для инвалидов или в психиатрическую лечебницу.

— Дорогая, не губи ты своей жизни! Ты так молода, красива, умна. Кто он тебе, зачем он тебе?..

— Как же я потом в глаза детям и внукам буду смотреть? Как же я жить дальше буду? Бросить человека в беде, отца моих детей? Вы что, чокнулись все?..

Марк Сергеевич ещё года два приходил к Галине, помогал по хозяйству, но всё же оставил свои старания и вскоре благополучно обзавёлся новой семьёй.

Данила лет пять лежал безнадёжно-немогущим, отстранённым, безмолвствовал и смотрел в потолок, но по временам мычал и дико водил глазами. Ни Галины, ни детей он так и не признал. В доме было по-прежнему чисто, сияюще светло. Летом так же был прекрасен цветущий балкон. Галина осунулась, но, как когда-то, не состарилась сильно, не согнулась, не отчаялась и не озлобилась на судьбу, хотя билась на двух работах, потому что денег нужно было много, очень много.

Дети успешно закончили учёбу. Иван с охотничьим азартом окунулся в журналистику, в газетное коловращение и рано преуспел своим, поговаривали, внешне бойким, но предельно благоразумным пером. Получил служебное жильё и совсем отдалился от семьи. И в месяц разок, случалось, не забежит домой.

Мать однажды упрекнула его:

— Какой-то ты, сын, равнодушный растёшь.

Он промолчал и долго не появлялся в родительском доме.

«Без совести я жил, молодой и самоуверенный, — подумал сейчас Иван. — Я был ничтожен и самонадеян до безумия. Я совершенно не понимал матери и, выходит, что не любил её. Ничего мне не надо было, кроме личного успеха и комфорта. Я так часто с самой юности ломал свою судьбину, глушил всякий здоровый и чистый звук из своей души, боялся, что уведёт он меня от моих грандиозных проектов...»

Иван поднял глаза на портрет своей матери, юной, но с царственно возвышенным ликом, и что-то застарело-ссохшееся подкатило к его горлу.

— Что с тобой, Ваньча? — спросила приметливая тётя Шура.

— Не знаю, — как пьяный, помотал он головой.

Елена после университета несколько лет прожила с родителями, а потом удачно и по большой любви вышла замуж за офицера и уехала в Ленинград.

Данила умер во сне, не мучаясь. Галина сутки ли, больше ли просидела возле покойного мужа в полном одиночестве, никого не приглашая в дом. Не плакала, не убивалась, а даже стала напевать легкомысленную, игривую песенку, полюбившуюся им обоим когда-то в молодости.

А потом в её жизни появился Геннадий — её скромное и, может быть, несколько запоздалое счастье. Ни тётя Шура, ни Иван сейчас сказать не смогли бы, если кто спросил бы у них, — когда же и как рядом с Галиной оказался Геннадий? Просто с каких-то пор стал навещать к Перевезенцевым молчаливый и несколько виновато улыбающийся мужчина. То гвоздь вобьёт, то мусор вынесет, то кран починит. Тихо, почти что тайком приходил. И тихо же уходил. С сыном Галина не знакомила его, дочери о нём не писала и даже от Шуры утаивала.

Однако одним прекрасным воскресным днём они под руку прошлись по Байкальской, следом — по двору, вместе вошли в подъезд, а утром вместе отправились на работу: Геннадий — на завод, а Галина — в своё управление. Потом прилюдно стала звать его Геником, а Геннадий её — Галчонком.

— Гляньте, гляньте, прямо-таки божьи одуванчики, — беззлобно перешёптывались соседки, завсегдагай лавочек, провозаго взирамо Галину и Геннадия.

— А что, живут друг для друга — и молодцы!

Геннадий был низкорослым, коренасто-сутулым мужичком с большими грубыми руками. А Галина — всё-то такая же худенькая, как девочка, и выше Геннадия почти что на полголовы. Она — несомненная красавица, хотя на неминуемом, нещадном возрастном увядании. Он — весь угрюмовато-мрачный, скроенный квадратно. Она — хотя и маленький, но начальник, притом офицерская вдова. Он — простой, самый что ни на есть простой слесарь. Но самым удивительным в этой паре было то, что, когда они сошлись, Галине уже соскользнуло за пятьдесят пять, а ему не вскарабкалось, кажется, и к сорока или, поговаривал всезнающий соседский люд, даже и тридцати пяти не исполнилось. Никто не верил, что они год-два или — от силы — три проживут вместе.

Шура, шаловливо посвёркивая глазами, как-то высказала Галине:

— Ну, побалуяся, поиграйся с ребёночком... девонька-старушка!

— Что же, Шура, по-твоему, — оттолкнуть и обидеть мне человека? Я не вылавливала Гену, не расставляла сетей. Увидел он меня в столовой, а после работы — пошёл, побрёл за мной, как когда-то и Данилушка. Молчит, угрюмится, а как взгляну на него — краснеет да бледнеет. Думала, походит и отвяжется, найдёт какую-нибудь помоложе. Ан нет! Хвостиком моим стал. Пришлось заговорить с ним. Понравился человек — степенный, открытый и бесхитростный такой. Он

детдомовский, сиротинушка, но такой, знаешь, ласковый и отзывчивый вырос, хотя с виду, как многим воображается, законченный мужлан. Он, Шурочка, так мне нащёптывает: «Я тебя, Галчонок, жалею». Вот ведь как: молодой, а понимает, что бабу надо жалеть. Слышь, не просто любит, а — жалеет. И я стала жалеть его... на том и слюбились, — невесело улыбнулась Галина.

Иван неохотно и нехотя общался с Геннадием, первое время даже не здоровался с ним, когда забегал к матери, чтобы, главным образом, позаимствовать денег. Но Геннадий сам стал к нему подходить и протягивать для приветствия свою крупную смуглую руку. Ивана сердило его крепкое «слесарное» пожатие, которое, представлялось ему, было словно тайным намёком: слесарь, мол, никак не ниже какого-то там писаки, хотя и прозванного красивым и непонятым словечком «журналист».

— Ма, не метит ли сей добрый молодец прописаться в нашей квартире? — однажды спросил Иван, независимо-бодренько покачиваясь на носочках модных туфель.

Мать промолчала и даже не взглянула на сына, но он увидел, как затряслись её плечи. Не успокоил, не объяснился, буркнул «пока» и ушёл. И месяца два не являлся и не звонил.

Год люди ждали, два ждали, когда же разлетятся Галина и Геннадий, но они прожили вместе лет десять, до самой кончины Галины, и кто бы хоть раз услышал, что они сказали друг другу неучтивое, резкое слово. Никто достоверно и не знал, как они живут, а сами они ничего не выставляли на обозрение, хотя и не скрытничались. У них редко бывали гости: быть может, всё лучшее они черпали друг в друге.

Геннадий зачастую приходил с работы раньше Галины и неизменно ожидал её на балконе. Пристально и беспokoйно всматривался в дорогу сквозь ветви тополей и сосен, хмурился и много курил. Но только приметит Галину — встрепенётся, оживёт, загасит сигарету (она запрещала ему курить дома, потому что у Перевезенцевых никто никогда не курил), помашет ей рукой. Она иногда останавливалась возле лавочки поговорить с соседями, а он с балкона напоминающе и нетерпеливо покашливал и побряхтывал, в забывчивости даже снова прикуривал.

Женщины иной раз подсказывали ей, посмеиваясь:

— Твой-то, Галка, глянь — весь извёлся. Не мучай его — ступай уж к нему, что ли...

В шестьдесят шесть Галина жестоко простыла, и тотчас дружной гурьбой раскрылись её застарелые болячки. Она

никогда серьёзно не лечилась и на этот раз долго не обращалась к врачам, тянула, пользуясь домашними средствами.

— Не сдамся никаким болезням! — заявила она Шуре. — И старости пинком под зад дам, если будет приставать!

— Ой, расхорохорилась, девка! — посмеивалась Шура, не веря, однако, ни в болезни Галины, ни в её старость.

Геннадий чуть не за руку увёл её в поликлинику.

И тут — разразилось. Оказалось, пришли поздно, ничего уже не поправишь. За несколько недель Галина вся выхудала и уже не могла встать с постели.

Шуре, прознавшей о бедственном состоянии сестры и сразу же примчавшейся на электричке, уже в жару и лихорадке она шепнула, с великим трудом зачем-то улыбнувшись чернеющим ртом:

— Смотри-ка, Шурочка, даже умираю, как Гриша, — от простуды. Получается, думает он обо мне, дожидается там, а?

— Неужто и посейчас любишь его?

Галина сморгнула и снова — на пределе сил — улыбнулась.

— Счастливая, какая ты счастливая: вся осыпана любовью с ног до головы и сама любишь...

Галина попросила, чтобы поскорее позвали сына. Но Иван находился в очередной, случавшейся почти что каждую неделю командировке.

— Напугайте, что ли, телеграммой. Он мне нужен. Нужен!..

Иван приехал, строго-деловитый, сдержанный, недовольный, что отвлекли от дел.

— Умру, и долга не исполню перед тобой: прости меня, сынок.

И потянулась всем телом вперёд, к Ивану, — не поклониться ли? Бессильно откинулась на подушку.

— Хм, за что?

— Видела, недоволен ты был, что с молодым я жила. Вроде как и жила последние годы единственно в своё удовольствие. Наверное, так и было. Появился в моей жизни Гена, и захотелось мне, старой, глупой кляче, счастья. Ты страдал из-за меня, сынок? Знаю, знаю, страдал! Прости. А теперь я могу с чистой совестью... уйти... навсегда... Чуть не забыла — и за «равнодушного» прости. Помнишь? Должен помнить...

— Прекрати. Ну что это за театр!..

Через два дня матери не стало.

«А ведь я не верил тогда, что она умрёт, — подумал Иван, ссутуленно сидя за столом у тёти Шуры и едва сдерживая рыдания, уже раздравшие горло. — «Прекрати...» — вели-

чаво ответил я. Не добавил — «мама». Да и звал её где-то с отрочества каким-то пошленьким обрубочком — «ма». И отошёл от её постели, и весь день зачем-то дулся на Геннадия, а тот часами не отлучался от неё или бегал с красными глазами туда- сюда. Да, в себе я порицал её за Геннадия, а она просто хотела счастья, простого женского счастья, и привиделось оно ей таким. Именно таким! И вправе ли кто осудить другого, что он счастлив? Счастлив именно так, а не как тебе воображается?.. Боже, ну, зачем я самому себе-то говорю этой пошлой литературщиной, произношу целые спичи! Ах, я же журналист, почти писатель!..»

Квартира полностью отошла Ивану, хотя юридически он и при жизни матери являлся полноправным её владельцем. Геннадия она так и не прописала в ней, хотя что-то такое, кажется, намечалось, потому что брак они, после шести лет совместной жизни, всё же оформили. Иван с суховатой деловитостью объявил Геннадии, что нужно выселяться. А тот вдруг опустился перед ним на колени, взмолился, чтобы ему позволили пожить здесь одному ещё месяца два-три. Правда, отказался объяснить, зачем ему это надо. Свой угол, одноконнатная квартира, знал Иван, у него имелся.

Иван был поражён и растерян и с каким-то противоречивым чувством стыда и отвращения вернул Геннадии ключи.

Он пожил в квартире два месяца — июнь и июль, высадил на балконе цветы, так, как подметил у Галины и как она любила — радужными пышными поясами; и чтоб было много пионов понатыкано, — «они большие растрёпушки и посматривают на всех нас с весёлым вызовом и детским недоумением» — так приговаривала о своём любимом цветке Галина. Каждый день Геннадий ухаживал за цветами — поливал, опрыскивал, подкармливал, и весь июль и август и даже в сентябре балкон сиял, удивляя и радуя, как прежде, прохожих.

Соседки на лавочках потом говорили Шуре:

— Как любил Геннадий, как любил!.. Сказал мне на Галкиных похоронах: «Так мы с ней, соседка, срослись сердцами, что не знаю — живое ли теперь моё? Приложу ладонь — вроде бы не трепыхается, а ведь живу же как-то. Она теперь для меня в цветах продолжилась. Она — живая». Чудно, люди!..

Геннадий сам принёс Ивану ключи, на прощание твёрдо и молча пожал ему руку. Больше они не виделись. Но пока цветы не опали, Иван из окна в отдалении сквозь тополиные ветви примечал коренастого мужчину, который подолгу смотрел на балкон, будто чего-то ожидал.

Тётя Шура расспросила племянника, как ему живётся, сколько детей у него, а может, и внуки уже имеются. Иван мало что утаил, хотелось освободиться от многолетней накипи на сердце, довериться доброму человеку.

— Пустокормом, значит, живёшь, племяш.

И было непонятно Ивану, спросила или утвердительно сказала тётя Шура, с насмешливой строжинкой прищурившись.

— Как, тётя Шура? — зачем-то притворился Иван, однако тут же потупился, бесцельно начав помешивать в кружке ложечкой.

— Уж лета-то у тебя какие, а без жены да без детей живёшь. — Помолчала, поглядывая через плечо Ивана на тоненький, как ниточка, огонёк лампадки.

— Да, да, тётя Шура: правильно вы подметили — пустокормом живу. Впустую проходят мои дни... хотя... хотя...

Но — не закончил.

Спать легли затемно. Иван на потёртом скрипучем диване уснул так скоро, как давно-давно уже не засыпал, быть может, с самого детства или юности, когда сердце пребывало чистым и свободным.

Но когда утром Иван очнулся, ему почудилось, что он вовсе и не спал, а как-то по-особенному провёл нынешнюю ночь: душа словно бы ни на секунду не засыпала, бодрствовала, трудилась.

Тёти Шуры не оказалось в доме, но было слышно со двора, как она стучала вёдрами, шаркала обувью по настилу, подзывала поросёнка и кур. Иван стоял возле отпотевшего мутного окна, смотрел на пустынную, заваленную клочковатым туманом улицу. Кто-то нёс от колонки ведро с водой, кто-то заводил чихающий мотоцикл, кто-то протирает глаза и зевал, стоя в тапочках у ворот своего дома. Мальта жила так, как, видимо, только и могла теперь жить — сонно, одиноко, с печальной отстранённостью от большого беспокойного мира, который напоминал о себе лишь постуком колёсных пар и свистом проносившихся мимо за сосняком железнодорожных составов. Буднично тикали на стене часики с кукушкой — да, мир жил привычно, но душа Ивана, словно бы взбунтовавшись, уже не могла или не хотела подчиниться этому общему размеренному движению.

«Ищу себя? — зачем-то посмотрел он на портрет матери. — Не позднёхонько ли, молодой человек, когда зашкалило уже за сорок? Ох уж мне это вечное русское нытьё и недовольство собою!.. А как любовно рассказывала тётя Шура о тебе...

мама! Забыл я о тебе, забыл! И об отце не вспоминал, и об отчине. Умерли вы, и для меня — точно и не было вас на свете... Конечно, конечно, вспоминал, ведь мы же родственники, но — как-то походя, на бегу, будто о чём-то постороннем и случайном. Теперь я знаю, что мне нужно. Мне нужно искать и по крупицам восстанавливать мою душу. Мне нужно найти любовь и жить до скончания моих дней в любви, только в любви, как бы тяжела ни была для меня жизнь, как бы ни хлестал меня рок. Слова красная, скажешь? Литературщина равнодушного человека? Да! — пристальнее посмотрел он в глаза матери. — Но жить-то я буду по-другому! Вот увидишь! Ты меня понимаешь, мама?»

Вошла тётя Шура. Бодрая, в потёртой душегрейке и помытых резиновых сапожках, с куриными яйцами в лукошке.

— Проснулся? — улыбочиво шурилась она на Ивана.

— Ага, — улыбнулся и качнул головой Иван и подумал отчего-то язвительно и как-то на первый взгляд безотнositельно к обстоятельствам: «Долгонько же изволил почивать».

Приступая завтракать, оба зачем-то и снова враз посмотрели на портрет Галины. В запотевшие, «плачущие», окна, обволакивая по краям портрет, лучами сеялось солнце.

Иван и тётя Шура нередко замолкали, словно бы понимали, что самые важные слова уже сказаны, и не спугнуть бы в себе чувства, которые не дозрели ещё и не установились, как надо бы.

Когда прощались за воротами, тётя Шура сказала:

— Хотела по любви прожить твоя мать — так вот и прожила, сердешная. Не искала, где теплее да слаще, а что посылала судьба — то и тянула на своём горбу. А приспевала какая радостёшка — радовалась во всю ивановскую. — Помолчала, хитренько сморщилось её маленькое, взволнованно розовевшее лицо: — А ведь я, Ваньча, чуток завидовала Галинке. Белой завистью, самой что ни на есть, вот те крест, белой, как яички от моих курочек! Уж не подумай чего! Галка для меня, что огонёк в потёмках: чуть собьюсь, а она точно бы светит мне, дорогу указывает.

Иван заметил слёзку в запутанных морщинках тёти Шуры и, чтобы как-то выразить своё признание, склонил перед ней голову. Но этот жест показался ему поддельным, театральным, «кислой литературщиной». В досаде стал пялиться в небо, которое поднялось уже высоко и раздвинулось, очевидно приглашая: «Можешь — в высь рвись, можешь — иди в любые пределы: все пути для тебя расчищены и освещены».

— На могилке бываешь?

Иван прикусил губу, неопределённо-скованно — казалось, что вмиг отвердела шея, молчком покачнул головой.

— Будешь — так поклонись от меня, — посмотрела в дру-
гую сторону чуткая тётя Шура. — Мне, старой да хворой, уж
куда переться в Иркутск. Раньше-то я всё к Галке гоняла на
электричке... а самого-то города, хоть самого размосковско-
го какого, я не люблю. Вся, как есть, деревенская я.

Ивану не хотелось идти на курорт. Он вышел на берег Бе-
лой. Смотрел в туманные, но быстро просветлявшиеся холод-
ные дали, на акварельно расплывчатые полосы осенних лесов
и полей. Река бурлила, свивала воронки, подрезала глинист-
ый берег, но уже, похоже, пошла на убыль, отступала без под-
питки с неба. Долго стоял на одном месте, просто смотрел вдаль
и грелся на скудном октябрьском припёке. Потом опустился
на корточки и зачем-то стал перебирать, ворошить, рассмат-
ривать камни, сплошь лежавшие под его ногами. Другой раз,
выгибаясь, тянулся за приглянувшимся камнем. Увлёкся до
того, что минутами перемещался на четвереньках.

«А что, собственно, господа хорошие, я ищу среди этих
мёртвых камней? — усмехнулся он, поднимаясь на ноги. —
Всё, что мне надо, чтобы приблизиться к счастью, я уже знаю.
Кажется, знаю».

И ему захотелось увидеть Марию — ведь к ней, как ему
представилось, потянулось его сердце, давно никого не лю-
бившее.

«Я сегодня же стану счастливым! Я буду любить и буду
любимым!»

Из-за ветвей сосен и горящих листвою черёмуховых куст-
ов взбиралось всё выше влажно-тяжёлое солнце. Таял иней,
пар дрожал над землёй. Иван издали увидел сиреневое, как
облачко, пальто Марии. Она неспешно возвращалась из ле-
чебного корпуса с двумя разговорчивыми дамами в козых
шляхах. Иван, забыв со всеми поздороваться, подошёл к ней
близко и посмотрел в самые её глаза — строгие, недоверчи-
вые. «Та ли, которую я смогу полюбить?» — спросил он себя.

— А мы уж вас, Иван Данилыч, потеряли, думали, какая
краля мальгинская увела. Здрасьте, что ли, — простодушно
улыбались дамы, друг другу исподтишка подмигивая: «Мол,
глянь, как он поедает её глазами!»

— Здравствуйте, — хрипловато отозвался Иван и почув-
ствовал, что ему стало возвышенно легко и возвышенно печ-
ально.

С неделю прожил Иван на курорте. Раз-другой съездил в
Усолье на грязи и солевые ванны, и когда лежал на кушетке,

обмазанный жирной тёплой грязью, запеленатый в простыню и укрытый по подбородок байковым одеялом, его потряхивало от смеха. А как только взглядывал на своих соседей по комнате, лежавших поблизости, на широколицего, важного Садовникова и на мелкого, с шельмоватыми глазками Конопаткина, со всей серьёзностью и тщанием относившихся к лечению, так не мог, как ни пыжился, унять хохота. Ему, здоровому, ещё молодому, представлялись совершенно бессмысленными и глупыми все эти процедуры. И хотелось поскорее вернуться в город и заняться делом, настоящим делом; хотелось написать умную, толковую статью, в которую бы не прокралось ни единой чёрточки лжи, даже чтобы запятые или точки были продиктованы его совестью.

Помог по хозяйству тётке Шуре — подправил заплот, нарубил дров. Прочитал-пролистал десятка два книг. А лечение совсем забросил. Ухаживал за Марией, молчаливой, рассеянной. Он понимал её печаль: у неё не было ребёнка, а следовательно, не было возможности чувствовать себя полностью счастливой.

Но однажды Иван увидел Марию издали с другим женщиной — мощным, седым, но, похоже, ещё не старым. Они стояли возле забрызганного грязью автомобиля, обнявшись, и Мария что-то возбуждённо ему говорила и сквозь слёзы улыбалась. Самолюбие взыграло в Иване, и несколько дней он не подходил к ней. Потом всё же заговорил, но она неожиданно прервала его:

— Вы, пожалуйста, за мной больше не ухаживайте. Не надо.

— Почему? — бесцветно и глухо спросил Иван. — Пошлость? — усмехнулся он.

Мария теребила бледными, с тонкой увядающей кожей пальцами свою старомодную толстую косу и не сразу, неохотно отозвалась.

— Я жду ребёнка. Приехала лечиться от бесплодия, но неожиданно-негаданно выяснилось на днях, что я в положении. Меня любит и ждёт муж. Я ему позвонила, и он буквально прилетел из Иркутска. Видите ли, мы столько мучительных лет ждали, уже чуть не впали в отчаяние. Вы бы только знали, *что* мы пережили! Впрочем, Иван Данилыч, зачем я вам рассказываю об этом? Простите. До свидания.

И пошёл он в одиночестве бродить по мягким и влажным тропкам запущенного лесопарка. Его, такого видного мужчину, никогда не бросали женщины, не отворачивались от его ухаживаний, чаще — он первым уходил или же отношения как-то сами собой тихли и обрывались. Но он не раздосадовался на Марию. Напротив, его сердце наполнилось

чувством смирения и покорности, быть может, впервые по-настоящему в его жизни.

— Вот и хорошо.

Но мысль не стал развивать, не пытался для себя уяснить — хорошо то, что ему отказали, или хорошо то, что столь благоприятно обернулась жизнь этой славной Марии, которая, несомненно, достойна большого и долгого счастья?

Он не спал ночь, слушая трели простуженного носа Конопаткина и солидный, но тихий храпок Садовникова. А утром сел в самую первую электричку, ни с кем не простившись, не заглянув к тётё Шуре, и поехал домой.

За Усольем небо перед его глазами внезапно почернело и густо, с захватнической властью повалил сырой, крупный, как блокнотные листики, снег. Ветер бился в стекло, залеплял его, но снег таял, отрывался и улетал в поля и прилески. Сначала было темно и мрачно, а снег чудился серым и чёрным. Но вскоре из-под сливово-чёрной тучи вырвалось солнце, и снег виделся только белым, белым-белым, как обещание или предзнаменование ещё больших преобразений в судьбе. «Не для бездарной и пошлой жизни родила меня мать, в конце-то концов! Я найду свою любовь».

РАССКАЗЫ

СМЕРТЬ ДЕРЕВА

Она смотрела на картину в легкой ореховой раме и не могла понять, что притягивало ее к этому заурядному пейзажу морского побережья? Её, известного искусствоведа, научного сотрудника Третьяковки, случайно зашедшую на выставку живописи в районный Дворец культуры?

Она не находила на полотне никаких признаков оригинального видения природы ни в цвете, ни в палитре, ни в изображении деталей. Это была заурядная работа способного, но не более, художника.

И все же она не могла оторваться от этого полотна. Картина называлась «Отлив». Море отхлынуло от каменисто-песчаного берега, обнажив ещё недавно скрытые толщей воды скользкие камни, бутылки, консервные банки, расплывшиеся в бесформенную студенистую массу медузы, мёртвые ракушки, обрывки воздушного шарика. Между всем этим хламом была одна живая душа — чуть изогнутая рыбёшка, стремящаяся спастись бегством из пространства, покинутого морем.

ПРОЗА

Берег был пустынным, скорее всего осенним и холодным. Море вдали казалось спокойным, тревожно поблескивающим свинцовыми глубинами, и только у самой прибрежной спайки слегка вздымалась грязноватую пену. У самого горизонта угадывался силуэт паруса — неременная деталь тривиальных морских пейзажей, как и церковь на полотнах, изображающих русскую местность.

...Перед войной она закончила Суриковский институт с углублённым знанием немецкого языка и чуть более года успела поработать экскурсоводом групп иностранцев в Третьяковке. К этому времени она уже ясно понимала, что Бог наделил её весьма слабым талантом художника, которому не под силу было создать свою манеру рисунка и особенное, отличное от других видение природы. Её работы несли на себе вторичность, отголоски других, крупных мастеров, и она не могла вырваться из их плена. Живопись пришлось оставить, но для себя она всё-таки нашла милое утешение — керамику. Дуга, однако, принадлежала живописи и только живописи. Она боготворила старых русских мастеров и молодых талантливых живописцев, многих из которых знала лично, особенно выделяя влюбленных в русский пейзаж, в народную жизнь и героические страницы родной истории. Она писала обзоры с выставок, монографии, увлечённо рассказывала посетителям о шедеврах Третьяковки. И, может быть, талант художницы ещё заговорил бы в ней в полный голос, но началась война, и Анна Ильинична поступила на курсы военных переводчиков.

Её настольной книгой стала «Техника допроса пленных» Н. Биязи, а целью жизни — ремесло солдата. По окончании месячных курсов её направили в штаб Западного фронта, затем Воронежского, а в 44-м 3-го Белорусского.

Смелая, властная, она участвовала в самых рискованных операциях, её забрасывали в тыл к партизанам под Барановичи. Убедила полторы тысячи пленных немцев, закрытых в ветхом сарае, которых охраняли трое наших автоматчиков, не пытаться соединиться с прорывающейся из окружения рядом с ними немецкой частью. Была в составе парламентёрской группы из четырёх человек, предложившей капитуляцию под дулами «пантер» дивизии вермахта в предместьях Берлина.

Пожалуй, это было лучшее время в её жизни. И потому, что она ощущала себя частичкой могучей силы, плоть от плоти великой Державы, и потому, что была молода и полна самых смелых замыслов и планов, и потому, что любила впервые по-настоящему, растворяясь в этой любви, полной нежиз-

данных встреч и ожидаемых расставаний, тревожных разлук и сладостной близости.

Он был разведчиком — капитан Назаров, сперва дивизионным, потом армейским. Бывший таёжный промысловик, высокий, темноволосый, он был скупой на слова и целомудренно-нежный, как деревенская девушка. Они собирались пожениться сразу после Победы, но его, отчаянного и позвериному хитрого послали в конце апреля 45-го в Западную Украину, где он был предательски убит.

В тот день, когда она узнала об этом, покачнулась и отхлынула светлая глубина её судьбы, обнажив первые неподъёмные, скользкие глыбы пустынного побережья.

Она вернулась в Третьяковку, стала экскурсоводом, потом старшим научным сотрудником, специалистом по русскому изобразительному искусству от Боровиковского до мастеров советской живописи, но главную свою привязанность отдавала передвижникам. Они подпитывали её душу трепетным чувством восторга перед русской природой и верой в простодушный и негибаемый в тяготах и бедах народ, к которому она принадлежала.

В это же время она сближается с признанными мастерами реалистической школы и её молодой порослью, такими, как Виктор Попков. Она никогда не жаловала становящихся все более модными Малевича, Кандинского, Лентулова, Шагалла, называя их талантливыми шарлатанами.

Жила она одиноко в коммунальной квартире в Замоскворечье, не прилагая никаких усилий на получение положенной ей, как участнику войны и очереднице, отдельной квартиры.

В 1954 году её вызвали в Министерство культуры и попросили провести экскурсию в Третьяковке для освобождённых из плена высших немецких офицеров.

— Они изъявили желание перед отъездом на родину познакомиться с русским искусством. Вы, Анна Ильинична, свободно владеете немецким языком и прекрасно знаете Третьяковку. Лучшей кандидатуры и пожелать нельзя.

Она долго смотрела на чиновника от культуры и резко ответила:

— Я не буду читать лекцию на языке побеждённых.

Уговоры и даже угрозы чиновника не помогли, и он вынужденно согласился:

— Хорошо. Мы подыщем переводчика.

И действительно ей представили перед лекцией одного из группы немецких офицеров — генерала, хорошо знающего русский язык.

— Генерал когда-то сам был художником, он и будет переводить.

Она подумала: странно, что им оставили их военную форму и только трое из двадцати были в штатском.

Медленно, уверенно ступая по паркету залов Третьяковки, они равнодушно смотрели на картины Репина, Левитана, Верещагина, Васильева, Саврасова, Сурикова, Врубеля...

Анна Ильинична быстро поняла, что её рассказ о самобитных русских художниках переводится совершенно иначе, с грубыми искажениями её слов.

Переводчик говорил, что всё русское искусство подражательно, не имеет своей школы и не представляет никакой художественной ценности. Русские художники — просто хорошие копии западных мастеров, находясь под их полным влиянием.

Она грубо на чистом немецком языке оборвала генерала и сказала, чеканя каждое немецкое слово:

— Ещё один неправильный перевод, и вы будете возвращены в лагерь на много лет, пока не изучите историю русского искусства и не поймёте его роли в мировой культуре. И поверьте: я добьюсь этого!

В дальнейшем перевод был абсолютно точен, с некоторым даже подобоострастием к классикам русской живописи.

После того случая её отстранили от проведения экскурсий, оставив научную работу и редкие заказы на статьи о творчестве художников из республик.

Страна медленно, но неуклонно менялась, теряя строгие черты одухотворённого аскетичного лица и те национальные особенности, которые начали пробиваться в её облик в конце тридцатых и сороковые годы.

Слёзы оттепели текли по храмовым куполам, граниту памятников и древним каменным твердыням, смывая названия улиц, городов и целые страницы истории.

Анне Ильиничне предложили прочитать цикл лекций о русском искусстве студентам Литературного института им. Горького. Она с радостью согласилась, но уже через полгода лекции отменили по какой-то не ведомой ей причине.

...Она снова подошла к картине.

Ей показалось, что отлив продолжается, и море еще больше обнажило осенний берег.

Глубины отодвинулись, увеличив полосу отмели, по которой бродила нахохленная ворона (и как она не заметила её сразу?), выискивая поживу.

Что-то болезненно-тоскливое было в этом отливе, не оставляющем надежду на возвращение живородящей морской стихии.

Она снова села на стул. Ей никуда не хотелось идти, да и куда?

Постепенно ушли, распрощались навечно её близкие и друзья, не стало Пластова, Жилинского, Чуйкова, Сарьяна, даже Вити Попкова, случайно убитого. Похороны, похороны... Она устала от них.

Уже середина восьмидесятых, ей за семьдесят. Стареет её сердце, и она, как может, поддерживает его воспоминаниями. Но сердце не обманешь.

Ей вдруг захотелось увидеть картину «Смерть дерева».

Она закрыла глаза.

...Летний, солнечный день. Почти в центре полотна возвышается, нет, царствует над всем видимым пространством могучее дерево. В его густой, сочно-зеленой листве играют отблески света, властвуя над полупрозрачными тенями.

Почти физически слышатся голоса птиц, и ощущается знойный аромат древесной смолы. Дерево устремлено каждой ветвью и каждым листом в беспредельную глубину неба.

Рядом стоят люди с топорами, ещё не решаясь, но уже готовые впиться смертоносными жалами в могучий ствол лесного великана, переполненного радостью жизни и утверждением красоты.

Нет, это не о ней и не о сегодняшнем дне. Это о её молодости, о друзьях и о той стране, которая одержала Великую Победу. И не только на ратном поле.

Анна Ильинична поднялась и медленно пошла к выходу, не взглянув на морской пейзаж. Она боялась увидеть, что моря уже нет, что остался только до самого горизонта изгаженный испражнениями прогресса голый, безжизненный берег, покрытый воронами.

ВЕЧЕРНИЕ БДЕНИЯ

Боря Демик был патологическим либералом. В детстве и юности Боря решительно отвергал всякое насилие над личностью, начиная от принуждения пользоваться ночным горшком и кончая воинской повинностью. Неудобства и даже телесные повреждения, связанные с твердостью убеждений, он сносил стоически, с чувством собственного превосходства над слепой силой обстоятельств.

1991 год принёс ему неограниченные возможности бороться с тоталитаризмом на всех уровнях, не шадя ни родных, ни друзей, ни Отечества. Наступило упоительное время торжества демократии, которое принесло Боре как моральное, так и материальное вознаграждение за долгое унижительное су-

ществование в ранге младшего научного сотрудника в политизированном, насквозь гуманитарном институте с компенсацией за лояльность к власти в размере 140 рублей в месяц.

Боря быстро обрёл подобающий истинному либералу вид — тучного, напоминающего только-только подходящее дрожжевое тесто, слегка лысеющего мужчины средних лет, но сохранившего детскую розоватость щёк!

По своей физиологической природе он был задуман добряком с медлительными движениями членов и ленивого ума, однако вопреки этой самой природе был весьма подвижен и агрессивен, что особенно выразалось в непрерывно снующих руках и маленьких тёмных глазках, как будто взятых с чужого лица. Его современные взгляды или, как принято теперь говорить, продвинутость, очень скоро были замечены новой властью, и Демик был избран депутатом гордумы родного областного центра, потом ещё раз, однако дальше, как Боря ни старался, дело не пошло. Его честолюбие требовало выхода на всероссийскую трибуну или хотя бы на хорошую должность в администрации области, но, видимо, карьера Демика взяла паузу и держала её, как гениальный актёр.

Нужно сказать, что Боря был не просто либералом, а либерал-патриотом, и хотя он признавал английские корни либеральной демократии и чтит Поппера и Финера, всё же сердце его принадлежало последним русским аристократам начала XX века из «Союза освобождения». У Бори почти не было слабостей, если не считать склонности к диспутам, спорам и прочим формам столкновения различных мнений. Он искренне считал, что жизнь в России потому такая пакостная, что люди не понимают спасительность либеральных реформ. Нужно объяснить убедительно и толково, что каждому предоставлена свобода для того, чтобы он реализовал свои права личности, и всё станет на свои места.

Единственно, кого он терпел за инакомыслие, была его жена Екатерина, которую он когда-то любил и поэтому прощал ей непонятную веру в царя.

Иногда Боря всё же не сдерживался и говорил тихо и назидательно:

— Подумай сама, Катерина. Ну, посадят царя на российский престол. Он ведь один там сидеть не будет. Потащит за собой бояр и дворян в современном обличье, раздаст земли помещикам и прочим землелюбцам, приголубит банкиров, генералов и всяких там лекарей и шутов, учредит тайный сыск и цензуру, похлеще той, что была при Советах, задвинет народ в стойла... И куда потащится Россия? К тем же Пугачёвым, Разиным и Лениным? Вряд ли народ будет терпеть еще

300 лет. Конституцией ограничишь самовластие? Бред. Это всё равно, что лошадь стреножить гнилой верёвкой. Да и неизвестно, кто воцарит своё седалище на престол: Александр III или Иван слабоумный при фаворите Чубайсе?

Екатерина молчала и думала: «Как быстро проходит любовь!»

И как она сразу не рассмотрела в нём шизика, который по ночам стал иногда выкрикивать:

— Долой тоталитаризм! Всех узурпаторов прав личности — к расстрелу!

«И как ему удаётся, — думала она, — произносить во сне такие сложные слова, которые и наяву-то не сразу выговоришь».

Иногда она вяло возражала:

— Не твой вонючий либерализм с его эфемерными правами человека нужен людям. Красота спасёт мир, как сказал русский классик.

Но Боря был неязвим для русских классиков. Первые же слова несогласия с его убеждениями были для него как звуки походной трубы для полковой лошади.

— Не знаю, кого спасёт некая вселенная красота, а вот женская так уж точно никого не спасала и не спасёт. — Боря принимал форму любимого кресла, облегая его чреслами. — Красивая женщина всегда хочет быть в центре внимания, если не всего мира, то хотя бы того окружения, в котором она оказалась. Она всегда стояла между мужчиной и его делом, заслоня собой мир его обязанностей и увлечений. Сколько всяких войн, сколько драк, сколько было пролито крови из-за женщины в истории человечества! Как было бы спокойно, если бы вместо вас, женщин, были какие-нибудь автоматы деторождения.

Катерина язвительно ухмылялась:

— Вы бы тогда из-за автоматов передрались.

Надо сказать, что подобные перепалки возникали между супругами крайне редко.

Боря ещё со времен Горбачёва почитал как святыни слова «консенсус» и «плюрализм», особенно по отношению к ближним.

Катерина не ввязывалась в бой, считая мужа если не убогим, то уж несчастным наверняка и поэтому по-бабьему жалела его.

По субботам, раз или два в месяц, он устраивал дома вечерние бдения, нечто вроде маленькой пирушки под споры-разговоры. Обычно приглашались знакомые, иногда не очень, но зато известные в городе: от депутатов гордумы до учёных,

литераторов и артистов. Случалось, что вечерние бдения об­разовывались как-то сами собой, экспромтом, с непредвиденными гостями, и тогда Боря был особенно в ударе, защищая незыблемые ценности либеральной демократии.

Катерина в таких случаях пыталась куда-нибудь улизнуть, ибо переносить мужа, когда он впадал в полемический раж, она физически не могла.

Боря особенно-то и не возражал. Кулинарные способнос­ти у него были наследственными, а женщина, считал он, даже умная, способна только испортить мужскую пирушку. В тот роковой вечер именно так всё и получилось.

Была как раз суббота, настроение у Бори было превосход­ным. Из приглашённых на бдения пришёл только Травкин — писатель из местных, к которому давно уже прилепилось сло­во «известный», хотя едва ли кто-нибудь знал его за предела­ми родного города. Книг, правда, он выпустил немало, когда-то подавал большие надежды. Женился он только один раз, не пострадал от советской власти, не судился, не уча­ствовал в шумных экономических, политических и прочих акциях, не имел любовниц и врагов... Словом, не представ­лял никакого интереса для СМИ.

Те несколько человек из близких и друзей, которые читали его повести и рассказы, как только они появлялись на свет, были убеждены, что Травкин безусловно талантливый писа­тель, намного интересней и значительней раскрученных ли­беральной критикой и СМИ. Сам он был уверен в себе, как в писателе не последнего ряда, а может быть, и больше, но не верил, что кому-то нужна сейчас традиционная русская ли­тература, её духовность и нравственность, как основные ори­ентиры человеческого бытия.

Остальные приглашённые по разным причинам прийти не смогли, но зато неожиданно приехал двоюродный брат Геор­гий из областной глубинки да заглянул старый приятель Марголин, сокурсник по университету, а ныне владелец двух магазинов по продаже сантехники.

Боря решил, что бдения вполне можно открывать, и по­просил жену помочь накрыть стол. Увидев горящие глаза мужа и то особенное его состояние, которое не сулило спо­койного вечера, Катерина наспех придумала причину, быстро собралась и покинула гостей.

Боря лихо расправился с сервировкой стола, выяснив по­путно, что Георгий приехал на консультацию к кардиологу, а старый приятель нуждается в содействии по получению за­каза на поставку сантехники в мэрию, где намечалась ре­конструкция здания.

Вовлечь всех в разговор о спасительной миссии демократии оказалось делом непростым, особенно двоюродного брата. Демик искусно управлял диспутом, не давая ему обрести базарный характер и переводя в нужный момент с одной темы на другую. Боря чувствовал себя одновременно и режиссёром, и актером, произносящим зажигательные монологи, и трибуном, обличающим пороки советского общества. Он говорил, картинно жестикулируя пухлыми руками:

— Россия — это арена борьбы между добром и злом, между тоталитаризмом и свободным рынком. Разрушить внешний тоталитаризм — это половина дела, разрушить идеологию тоталитаризма, память о нём в умах россиян — вот главная сейчас задача.

Писатель Травкин сидел, низко склонив голову, и передвигал по тарелке кусочек ветчины, Георгий едва заметно морщился, Марголин понимающе кивал головой.

Демик продолжал.

— СССР не мог не рухнуть, не развалиться. Личность была принесена в жертву партийной идеологии, усредненной сестры. Личность взбунтовала и победила.

Травкин оторвал взгляд от стола и негромко возразил:

— Не думаю, что причина распада страны в этом. История человечества полна примеров вмешательства неких высоких сил на эпохальные события. Представьте себе, что СССР продолжал бы жить и здравствовать. Противостояние его идеологии и Запада обросло таким мощным, смертоубийственным оружием, и оно продолжало нарастать, что разразись война, которая была бы неизбежна в том противостоянии рано или поздно, мир был бы уничтожен. А это противоречило Божественному Замыслу.

— Ну а почему СССР, а не Америка? — Марголин обратился к писателю, поглядывая на Демика. — С равным успехом небесные силы могли бы устранить другой полюс угрозы существования мира — США?

— Божественный разум потому и Божественный, что не так примитивен, как наш. Одновременно решалась другая задача, еще более масштабная, — дать человеку возможность сделать истинно свободный выбор между добром и злом, дабы чёрные души не маскировались под белые. Советская власть заставляла человека жить по нравственным законам, принуждая его не воровать, не прелюбодействовать, чтить родителей, самому погибать, а товарища выручать, не поклоняться золотому тельцу и т.д. А в преддверии конца истории, перед Высшим Судом человек должен предстать таким, какой он есть. В Евангелии сказано: «Не можете служить Богу и

мамоне». И другое: «Дом, разделившийся сам в себе, не устоит». А в СССР, начиная едва ли не с Хрущёва, стали считать главенствующим не нравственные принципы, а прибыль. Стали поклоняться золотому тельцу. А с приходом Горбачёва началось стремительное разделение народа по многочисленным признакам — национальным, политическим, идеологическим, по достатку и привилегиям. Но и это ещё не всё.

Боря не выдержал и бросился на защиту демократии. Его начали раздражать и этот писатель со сдвинутой крышей, и молчаливый Георгий, и даже Марголин. Он то переходил на крик, то вскакивал и ходил по гостиной, то снова садился и миролюбиво предлагал выпить. Накал в споре нарастал. В нём участвовал даже Георгий, считавший себя неспособным не только говорить на таком сложном и непонятном языке, на каком говорили Боря, писатель и Марголин, но даже понимать то, что они говорят. Но под влиянием выпитого робость сама собой куда-то делась, и он решил высказать всё, о чём думают деревенские мужики — и пьяные, и трезвые, у которых не осталось ни скота, ни техники, а зачастую, ни земли, ни веры, ни надежды. Говорил он сбивчиво, путаясь в словах без привычных матерных связок, и в конце концов не столько расстроил других, сколько расстроился сам и решительно засобирался уйти. Боря вяло его уговаривал, но всё же согласился.

Когда они остались втроём, спор на какое-то время утих, но потом возобновился с новой силой. Боря, чувствуя, что победа за явным преимуществом не получается, выложил последние козыри.

— А репрессии? Десятки миллионов безвинно погубленных, причём цвет нации!

Он взялся перечислять имена из числа военных, артистов, писателей, учёных. Этому ему показалось мало, и он стал приводить убийственные факты.

— Вот недавно мне рассказывал один из репрессированных, так сказать, очевидец, — Боря встал за спинкой стула, положил одну руку на неё, а второй стал делать резкие движения сверху вниз, как бы разрезая что-то невидимое, — как в Магадан зимой в сорокаградусные морозы привозили эшелонами арестованных и выгоняли из вагонов под пулемёты в чём мать родила. Каково, а?

Травкин усмехнулся:

— Брехня.

— Вы что, рассказу очевидца не верите? Это очень уважаемый господин, автор нескольких документальных книг и мемуаров.

— Представляю, что наменуарил этот господин.

— Ну, знаете! — Боря раскраснелся, глаза его увеличились и горели странным пепельным светом. Он снова наполнил рюмку и выпил, не дожидаясь других. — Ну, знаете! — повторил он. — Это вам не газета «Правда», он врать не будет.

— Да ещё как врёт, — Травкин оставался спокойным и говорил тихо, — ведь в Магадане нет железной дороги. Ближайшая станция Находка чуть ли не за две тысячи км.

Сначала Боря опешил и, казалось, лишился дара слова, но быстро пришёл в себя.

— Ну и что! Значит машинами, тракторами, баржами... Какая разница. Главное — голых на мороз!

Он снова наполнил рюмку и выпил.

— Слушай, Марголин, ты же историк. Что ты скажешь? Разве это не могло быть?

Марголин стоял уже около двери. Он торопливо поддакивал:

— Да, да, конечно могло быть, могло быть... Боря, ты извини. Мне нужно спешить. Я зайду к тебе в Думу.

Оставшись вдвоём с писателем, Демик понял, что может рассчитывать только на себя, и снова начал убеждать Травкина, всё более и более распаляясь.

Травкин уже почти не отвечал.

Он устал от Демика, этого дурацкого диспута, от водки и хотел только одного: уйти домой и лечь отдохнуть.

Но хозяин не умолкал ни на минуту, не давая Травкину шансов встать и откланяться.

Вдруг Боря пошатнулся, схватился рукой за стул, но это не помогло ему удержаться на ногах. Увлекая за собой стул, он упал навзничь, с глухим, тяжёлым стуком ударившись головой о край столика, на котором стоял телевизор. Тот вдруг включился и женский голос произнёс: «Ну и где мы будем страховать машину?»

Травкин подбежал к упавшему, но поднять Борю у него не хватило сил. «Странно, — проснулась в нём первая мысль, — почему нет крови?» Он снова попытался поднять его, но удалось только дотащить до кресла. Найдя телефон, Травкин позвонил по «03» и присел на стул около Демика.

Лицо депутата приобрело серовато-бледный оттенок, губы явственно посинели, глаза были закрыты, но оставалась небольшая шелка, и казалось, что Демик подглядывает за ним.

«Что в этом случае делают? Наверно надо пощупать пульс», — подумал Травкин, но найти его не смог.

Когда приехала «Скорая», врач вызвал милицию.

С этой минуты всё завертелось в какой-то фантазмагорической смене событий, в которых Травкин не мог уловить ни связи, ни смысла.

Врач сказала, что Демик мёртв, и посмотрела искоса на писателя.

Сравнительно молодой следователь сел составлять протокол и одновременно стал допрашивать Травкина. Вопросы сыпались один за другим, быстрые, отрывистые, злые:

— Вы были только вдвоём? О чём вы спорили? Или ругались? Чем вы его ударили? Почему Демик не сопротивлялся? Зачем вы пришли к депутату?..

Травкин почти не осознавал, что отвечает. В голове пульсировала одна и та же мысль: не может быть, чтобы он умер, не может быть...

Однако вскоре с пугающей ясностью он понял: Демик мёртв и его, Травкина, подозревают в убийстве. Врач уже накрывала тело простыней и что-то молчаливо записывала.

Пульсирующая мысль не давала покоя: его хотят обвинить в убийстве. Чушь какая-то, бред. Разве мог он убить? Это всем должно быть ясно, и скоро его отпустят домой. И он отдохнёт.

Однако следователь произнёс:

— Я вас вынужден задержать по подозрению в убийстве депутата гордумы Демика Бориса Николаевича.

Эти слова оказали на Травкина неожиданное воздействие. Как будто оборвалась какая-то внутренняя нить, тягучая, как резина, которая держала его, не давая уйти из круга привычного серого существования. В нём на какое-то мгновение мелькнула мысль: «Ну и пусть. Значит, так угодно Провидению. В конце концов, нужно что-то менять, нужно совершать поступки. Надоели слова, красивые, даже грозные, но пустые, за которыми ничего не следует. Мякина какая-то, жвачка... Ну и пусть».

Он почувствовал, каким облегчённым стало его тело, как будто сняли с него чугунные рубища, как решительно заявила о себе воля, требующая соединить наконец всё, что он написал и наговорил, с действительностью. От сознания наступившего перелома в его жизни он возвысился в собственных глазах и решил идти в этом порыве до конца.

И он решительно сказал следователю:

— Да, я убил его.

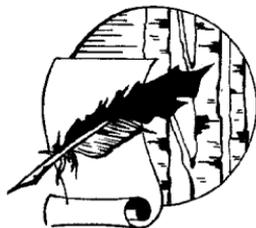
Дальнейшие события развивались по классическому сценарию нового времени.

Местные газеты захлёбывались в подробностях убийства депутата-либерала писателем-патриотом. Их подхватили

некоторые столичные газеты и даже центральные телеканалы. На все лады склоняли слова «национализм» и «русский фашизм». Травкин приобрёл в одночасье такую популярность, о какой не смел и мечтать. Его книги раскупили в два дня — и те, что лежали в книжном магазине, и те, что пылились в стопках у него дома. Одни смешивали его с грязью домыслов, другие возносили, третьи распространяли самые нелепые слухи о подпольной организации мстителей, любовных связях Демика с женой писателя, осведомлённости Травкина о тёмных делишках депутата и даже о нетрадиционной половой ориентации обоих и ревности на этой почве.

Травкин сидел в камере предварительного заключения, лишённый свиданий с близкими, но осведомлённый добротой из охраны о своей необычайной популярности и думал: «Ну вот я и стал действительно известным писателем. Значит, так угодно Провидению, чтобы через страдания, через крестные муки прийти к обновлению, к победе над серым существованием».

И жалел только об одном: что не убил Демика.

Евгений ЮШИН

СТРУНЫ ДОЖДЯ

НА РОДИНЕ

Как хорошо мне. Я еще не понял
Как хорошо мне здесь, в родном краю.
Здесь ветер волен, да и я тут волен,
И с облаков — небесных колоколен —
Слетает день на родину мою.

И жизнь — тепла. Друзья приедут в гости,
Обнимемся — баян на разворот.
Живых дождей серебряные гвозди
Оплавятся — и лужа у ворот.

Тут всё понятно: лисья ласка леса,
На курьих ножках бабкина изба.
Вдали от мёртвых выбросов прогресса
По-человечьи сложится судьба.

Здесь жить светло, хоть нелегко, конечно,
Сдружиться с сорняками у плетня.
Но звонко распевается скворечня
Под струны уходящего дождя.

НОЧЛЕГ

Владимиру Крупину

Дом средь леса, бревно, поляна,
И луна, словно пень, торчит.
Лай собаки истошный, рваный.
Вышел дед на крыльцо, молчит.

— Приюти.
— Заходи покуда.
А в руке у него ружьё.
— Опасаешься?
— Много люда:
Реже добрые, чем гнильё.

Покурили, попили чая.
Образа в заревом углу.
Ходит кот по избе, скучая.
Точит звонкий сверчок пилу.

Огляделся. Берёт зевота.
— Где положишь-то?
— У икон.
На повыцветших жёлтых фото
Над кроватью — она и он.

Улеглись. Из-под пола — сырость.
— Мне-то скоро, наверно, в гроб.
Но, скажи, что с землёй случилось?
То — пожарища, то — потоп.

Что ответить? Молчу нескладно.
Точат ходики: тик да так.
— Не хочишь говорить, и ладно.
И твои дела не табак.

Светит полно луна в окошко,
Даже видно: на сундуке
Дремлет шупленькая гармошка,
Позабывшая о руке.

— А сумеешь сыграть?
— Пожалуй.
Поднимается и берёт.
Эти звуки сквозь сердце жалят,
Словно он свою душу трёт.

Отыграл. В темноте пошарил
И опять — на сундук её.
— То — потопа, а то — пожары.
Что же деется, ё-моё! —

Наступи — тишину раздавишь.
За диваном скребется мышь.

— Вот и ты ничего не знаешь.
Утоптался. Поди-ко, спишь? —

В белой майке сидит на лавке,
В мироздание погружён.
Тени скользкие, как пиявки,
В листьях плавают у окон.

— А ведь что-то неладно в мире:
У земли покачнуло крен... —
Расплывается жёлтым жиром
Лунный свет от сосновых стен.

Тонконогий, как белый аист,
Он поднялся: — Пойду я спать.
Ничего-то и ты не знаешь,
Потому, что не хочешь знать. —

...Вот и думаю о погоде.
За печуркой прилёт старик:
— Что в народе, то и в природе. —
Только ходики: тик да тик.

ДВЕ СОБАКИ

Разбросало солнце маки
На озёрном серебре.
Жили-были две собаки
У соседа во дворе.

Резвцы и забияки —
У крыльца гоняли кур.
Словом, жили, как собаки,
Не дурнее прочих дур.

А сосед — больной и старый:
Гамаша да костыли.
Сели дети: тары-бары,
Да и в город увезли.

Ходят грустные собаки,
Ищут деда — нет его.
Хоть бока у них обмякли,
Вид пока что — ничего.

Но страшит их
двор уныньем,
Дверь, забитая доской.
Зарастает сад полынью,
Как собачий взгляд тоской.

* * *

А дома нет. Снесли и разнесли.
Как пусто мне — фундамент и крапива.
Мы, как ромашки в солнечной пыли,
Росли наивно, вольно и счастливо.

Густела кровью вишня под окном,
И бабушка оладьи затевала.
Постель корова шила молоком
И петухи стегали одеяло.

Как валенок — котяра на печи.
Баюкал нас, о счастье напевая.
Плясали звонко «русскую» ручьи!
Взвивались зори, щёки натирая!

Так много было щебета в саду!
Так много было солнца надо мною!
...Теперь я постою и отойду,
И от людей слезу рукой прикрою.

Всё зажевали годы-жернова.
Морщинки пробиваются над бровью.
А вишня — тут, она ещё жива.
Всё светит мне и памятью, и кровью.

НОВАЯ СКАЗКА

...Вот и стала лягушка царевной,
Помогла золотая стрела.
В город яркий, завистливый, древний
Укатила она из села.

Разноцветье огней — на потребу
Охмелённым сердцам молодым,
И взвиваются змеи по небу —
Заводской удушающий дым.

Побледнела царевнина кожа,
Наркотически впали глаза.
Заманил в закоулок нехожий
Гастарбайтер, улыбкой скользя.

Плохнет сердце в шумихе «Ашана».
Площадей истерический визг.
Разрыдалась царишна пьяно
В синяках от бензиновых брызг.

И вернулась туда, где опушка
От берёз даже ночью светла.
Обернулась царишна лягушкой.
Как же стала прекрасна она!

КОШКА

Столько в ней блаженства, столько лени!
Лёгкого прищуря огоньки.
Сладостно урча, в твои колени
Жадные пускает коготки.

Терпишь, потому что тоже — ласка.
Но нежданно — прыгнула, ушла.
Обманула призрачною сказкой.
Где-то у неё свои дела.

Позовёшь, но глянет равнодушно,
Диким глазом душу помутив,
И поймёшь: ты больше ей не нужен,
Как уже отыгранный мотив.

Ртутью мышц перетекая томно,
Сядет у раскрытого окна,
Где янтарным глазом в небе тёмном
Сквозь туманы щурится луна.

КРАСНЫЙ КОСТЁР

Сотканы травы, вышиты листья,
Кованы острые стебли осок.
Алою бабочкой, синею высью
Перелетает заря на восток.

Красный костёр никого не отпустит.
Горло полощет водой котелок.
Плещется язык от истока до устья,
Звёзды — икринками выются у ног.

Хвороста брошу, и древним поверьём,
Ветром жар-птицы пахнёт на меня.
К небу взметнутся жгучие перья,
Рваные перья густого огня.

Лодка осветится возле осоки,
Только и снова затянется мглой.
Щуки от устья и до истока
Чуткую воду пронзают иглой.

Ты улыбаешься. Хочешь ли тоже
В травы перинные эти уйти?
Пряные травы — прекрасное ложе,
Там и уснёшь у меня на груди.

И поутру — а уже недалёко —
От поцелуев и воздуха пьян,
Тихо разбудит нас, глядя по щёкам
Нежным пером земляничный туман.

ПРОВИНЦИЯ ОТЕЧЕСТВА

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

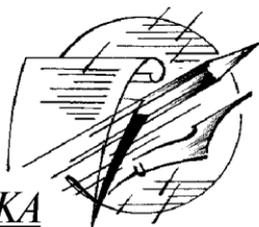
СПИРИДОНОВНА

Школьники подарили Спиридоновне маленький вертепчик: это композиция такая из хвойных веток с лежащим в люльке младенцем Христом. И смотрит она на него с умилением, вспоминая свое давнее-давнее детство...

Была зима. И в санках трогательно дремали, покачиваясь, как в люльке, её маленькие братик с сестричкой — трех и неполных двух годочков. И невдомёк им было, что тащит санки изнуренная... корова, которую ведут за собой люди невесть куда.

Не по своей воле бредут эти люди в мороз и ветер со скарбом, малыми ребятами и квелыми стариками. Это фашисты поганые гонят их, отступая под натиском наших войск с орловской земли. Деревнями тогда собирали они народ и тысячами мирных жителей прикрывались как живым щитом от советских бомбежек и обстрелов.

Екатерина Спиридоновна рассказывает не торопясь, ответственно, как на духу: не зря ведь, она считает, к ней приехали, ждут, что вспомнит она что-то важное, что-то совершенно неизвестное нынешним молодым, которые живут и,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

слава Богу, такого горя не знают. Но пусть хотя бы услышат и запомнят, как их бабушки-прабабушки бедовали...

Временами она перескакивает с одного сюжета на другой, а потом опять возвращается и выстраивает-таки свой рассказ по порядку. Только иногда замолкает, чтобы отдышаться...

— Да не волнуйтесь вы так, баба Катя, — уговаривают ее гости.

Ну а как же не волноваться, когда вся жизнь ее перед глазами так и встаёт...

Их, детей, шестеро было у мамы с папой. Село называлось Красное. Родители работали в колхозе. Трудно было, но тогда они не знали, какое горе у них впереди. А как узнали, то немало слез пролили и всё вспоминали, как хорошо было до войны...

Потом это назовут оккупацией. А тогда просто нагрянули фрицы и показали им свой хваленый немецкий порядок. Кате было уже девять лет, когда в их хате поселились фашисты и начали управляться. Хозяйке с детишками и старушкой-матерью оставили одну комнату. А сами рванули к сундукам и погребам.

Теплой одежды у них не было, вспоминает Спиридоновна, даже шапок к зиме не оказалось, одни пилотки. Вот они и потрошили сундуки в поисках теплой одежды. Варезки, носки, шапки — всё гребли подчистую. Даже бабьими вязаными шальями, платками не брезговали. Резали скот, птицу, подчищали съестные припасы из погребов и подвалов. А вот корову, странное дело, не тронули. Так с ней в один день и «попросили» семью из дома.

Перемогались в соседнем поселке, где их люди приютили. А к следующей зиме всех выгнали из домов и, деревня к деревне, под дулами автоматов поволокли за собой.

Как мама решила с корову впрячь в санки, Екатерина Спиридоновна и сейчас не поймет. Видимо, терять было нечего: без буренки детей не спасла бы. А немцам какая разница, лишь бы толпа была побольше. Наши самолеты, рассказывает баба Катя, полетают, покружат над скопищем народу — да и улетят: не своих же баб с ребятишками бомбить.

Хотя попытки отобрать корову у немцев были, да Господь отвёл. Так и двигались обозом рядом с немцами.

Одно время в огромном овраге обретались. Мама, как всегда, выложила из снега стеночки, а дети, как всегда, насобирали из-под снега сенца. На таких хлипких подстилках и спали. Но недолго: через час-два мама ребят будила и заставляла ходить, бегать, чтобы не замерзли. Потом опять дремали. Когда пускались в путь, сено скамливали корове. Так и пережили это адское путешествие.

Не поверите, говорит Спиридоновна, но в том овраге, где чей-то неосторожный шаг влево и шаг вправо сопровождался выстрелами сверху, одна женщина даже... родила! И ничего, дальше пошла с дитем на руках.

Вот какие силы недюжинные в наших русских бабах заложены. Сейчас даже подумать страшно, как могла мама Екатерины Спиридоновны не отчаяться, а хлопотать о шестерых ребятишках, не есть и не спать, лишь бы только детей сберечь. Причем они даже не знали, куда и зачем идут по морозу, сколько дней и недель им еще брести и какие планы у немцев на эти толпы народа, которые нужны им лишь до поры до времени. Но в один день людей просто бросили. И то слава Богу.

Разместились по избам ближайших деревень. И куда входили, там и оставались. Не было такого, чтобы хозяева не пустили, мол, некуда, всё, хватит. Набивались в избу и по двадцать, и по тридцать человек. Лежать было негде, вспоминает Спиридоновна, к стеночке прижимались и сидели ногами. А кто калачиком на полу — этим совсем повезло. И кипятка хватало на всех, и картошки. Такие люди были, замечает коротко бабушка...

К весне поближе угнанные с родных мест стали возвращаться домой. Вернулись в свою деревню и Катя с мамой, братьями и сестрами: в таких невероятных условиях мама всех сохранила. Вот только дома не было: фашисты уходя спалили деревню.

Остались печные закутки да погреба. Летом считай жили на улице, а зимой уходили под землю. Оборудовали там печку. Питались чем Бог послал. Ждали батю с войны. И он вернулся: беспомощный, как ребенок. Раненный в позвоночник, даже есть сам не мог. Его приходилось кормить с ложечки. В таком состоянии он был семье не помощник, более того, матери прибавилось хлопот. Но подрастали старшие девчонки — Катя и Аня, которые весной вдвоем 50 соток картошкой засаживали. Тем и спасались.

Помогли Советская власть, колхоз и собес, дали рабочих, лесу. И в течение трех лет они построились. Такое вот детство досталось бабушке Кате. Какие уж тут ёлки, подарки...

— Были! — глаза ее загораются. — Были у нас и елка, и подарки...

— ?

— Лес поблизости не рос, так мы выбирали репей (!) повыше — они же до трех метров вымахивают — и срезали его. Лопух и зимой мощный такой, крепкий. Ставили его в ведерушку, а украшали вырезанными из бумаги колечками, кружочками. Да чем только не украшали.

А подарки мама делала такие: откладывала мучки — и пекла настоящий духмяный хлеб. В будни-то она в тесто и травы, и тертой нечищенной картошки добавляла. А к Новому году, Рождеству хлеб был только из муки. Она разрезала его на кусочки — и каждому вручала подарок...

Сегодня у бабушки другие подарки: хвойная композиция с рождественским сюжетом, украшенная настоящими блестящими игрушками сосенка, пакеты с конфетами. Балуют ее дочь, внук, социальная служба, местная власть, а ей уже и конфет не хочется, и салют не в настроение.

Прожила она долгую трудовую жизнь, вырастила с мужем троих детей, отработала три десятка лет шлифовщицей на мебельной фабрике. На пенсии помогала дочери растить своего внука. А потом уехала в деревню и доживает в тишине и покое, в отремонтированном дочерью домике да со всеми удобствами. Болят ноги, руки, не до праздников, признается Спиридоновна.

И разве нынешние конфеты сравнишь с тем сладким маминым хлебом? Да и тот репей красотой ничуть не уступал никакой елке, считает бабушка Катя. И старается, рассказывает, как интересно жили.

Уж сколько летом работы в деревне было — а гармошка залется на лугу, и усталость как рукой снимет. Быстрой, быстрой, платьишко стиранное на себя — и из дома.

А как босиком танцевать? Так девчонки придумали в сырую глину по шиколотку ноги опускать — и вроде как в обуви. Глина присохнет, а потом и осыплется. Но уже ночью, когда не видно. А сейчас у всех и обуться есть во что, и одеться, а клуб закрыт, гармошка на лугу не зазывает, молодежь разъехалась.

Ну, ничего, говорит она, зато в ночь под Новый год с деревенского пригорка салют в Ельце видно: до города-то недалеко. Соберутся они, у кого за калитку выйти силы найдутся, да и поглядят на праздник со стороны.

А может, кто и в деревне снопы искр в небо запустит: есть тут одна старушка, которая двенадцать ребят вырастила. Они по праздникам приезжают, и такие фейерверки иногда закатывают, что бабушки со страху крестятся. Уж лучше без грохота, издалека, с пригорка...

— Что же вы так быстро уезжаете? — удрученно спрашивает Спиридоновна. — Я же еще не всё вам рассказала.

— В следующий раз, бабушка, — отвечают гости. И она согласно кивает, а глаза грустные-грустные: и этого-то раза столько лет ждала...

В последнее время у нас стало модно устраивать праздники живота. Вернее, съестных продуктов: огурца, клубники, кваса, блинов. Вот и в липецком селе Доброе чувствовали недавно исконно славянский продукт — сало.

Уже третий год там в январе проводится районная ярмарка, на которую народ съезжается со всех сельских территорий, и на главной площади районного центра открываются импровизированные мясные лавки.

И сало стало отличительной особенностью этой постновогодней ярмарки в районе, который издавна специализируется именно на выращивании сельскохозяйственной продукции. В том числе и животноводческой.

«Ты уж мимо каликинского и преображенского сала не пройди, — наущали меня опытные коллеги, — там толк в сала знают». Но мимо и нельзя было пройти: у столов села Каликина, где в советское время в колхозном свинарнике была выведена даже своя особая порослячья порода, народ толпился — не протолкнёшься, не то чтобы пройти.

То же — у столов Преображеновки: сало там выглядело так аппетитно, что депутат Государственной Думы, уроженец Добровского района, входящий в официальную дегустационную комиссию, не выдержал, вынул «стоевровку» и говорит своему охраннику или телохранителю:

— Купи вон тот кусочек...

Потом опомнился, заменил иностранную бумажку на пяти тысячную нашу купюру (меньших денег, видимо, у депутатов не водится) и ждёт. А преображеновские «торговки» стеснительно так объясняют:

— Да у нас уже всё продано, люди вот деньги оставили, мы только до «правительственного» обхода им сало не отдали. А комиссия пройдёт — и отдадим...

Такого «облома» ни депутат, ни его люди не ожидали. А народ как-то даже порадовался: не всё коту масленица. Вот и депутат, и важный человек вроде, а сала нет...

А ведь около 25 прилавков было оформлено. Поймала себя на мысли, что если для украинцев сало — это признак личной состоятельности и гордости, то в Добром, к примеру, это знак какого-то общего достатка, совместного благополучия, что ли...

Не случайно одно из поселений на своем импровизированном прилавке выставило глобус с флажком, указывающим, где в мире самое доброе сало...

Кстати, на сегодняшний день оно реабилитировано даже медиками: одно время они упорно твердили, что сало вредно

для здоровья. Нынче же признают, что если употреблять его в меру и регулярно, да еще и свойское, свежее, то никакой опасности для здоровья оно не представляет. Наоборот: приносит пользу.

Уж на что я не ем сало (холестерин!), а тут глаза разбегались, настолько яркие живописные витрины украшали главную площадь райцентра. Каких только блюд не делают из сала! И по старинным дедовским, и по новомодным рецептам — с применением трав и специй национальных кухонь мира.

Сало соленое и сало копченое — это, так сказать, классика жанра. И то на разных столах оно выглядело по-разному: то нежно-розовое, то белое с прослойкой, то изумрудно-жёлтоватое, а то едва проглядывающее между красноватыми полосочками аппетитного мяса.

Столы буквально ломились от блюд, начиная с обычной нарезки и кончая особо фантазийными натюрмортами из фаршированных салом свиных желудков, форменных пирогов из провернутого в мясорубке сала и закопченных свиных рулек, пяточков и голов.

Мария Николаевна Фролова из Махоново поделилась несколькими рецептами изготовления сала, принятыми в их селе: это сало в луковой шелухе, с красным перцем, черным перцем и сало с чесноком по-махоновски, которое солят в деревянных коробках, придающих особый вкус и аромат.

Всю жизнь Мария Николаевна ест собственноручно изготовленное сало — и на здоровье не жалуется. Конечно, речь идет не о шмате с ладонь шириной, а о кусочке в пятьдесят граммов, говорит она. И задорно улыбается, ведь выглядит и чувствует себя — явно моложе своих лет.

Удалось выяснить и секреты крутовских изготовителей брендового, как сейчас говорят, для района доморощенного продукта. Их «выдала» глава местной администрации Валентина Отрубянникова. В Крутом существуют десятки способов производства сала, сказала она: по-домашнему, по-корейски, по-крутовски. Самое же вкусное — сало на бис.

Вылѣживается оно в специальном рассоле несколько суток, и есть его в меру очень сложно: хочется еще и еще. Однако при большом желании отказать себе можно — чтобы откусывать ну хотя бы еще одно «сальное» блюдо под названием «Пальчики оближешь» в виде живописных бутербродов.

Самым важным гостям, под руководством главы района и председателя совета депутатов, довелось многое из перечисленного не только увидеть, но и попробовать. Они всё хвалили.

Рядовые же посетители оценивали представленную в рядах продукцию кошельком: и практически никто не уходил с ярмарки с пустой сумкой. Покупали сало всех видов и другие продукты местного производства: хлевенские овощи — морковь, картошку, подгоренскую муку, добровское мясо, усманскую прудовую рыбу.

Народ был доволен: довелось и сала откусывать — пробовать не возбранялось, и целебного, на травах, чаю испить, и покупки сделать, и песен под гармонь послушаться, а при желании — и самим попеть и наплясаться. Было весело и дёшево: цены не то что не кусались, а были весьма добродушными, как и положено в Добром.

И после участия в «параде витрин» столы вмиг опустели. Но и тогда люди не расходились: угощались выставочными блюдами, пили липовый — в натуральном смысле слова — ну просто мёденный, как говорят в селах, чай.

И опомнилась я, когда сала на продажу уже почти не осталось, только для угощения. С чем домой вернусь с праздника сала? Нашла одну тетушку, с полкило купила. И честно признаюсь: несколько кусочков впервые за много лет съела. Во рту — таяли...

Завершился праздник вручением грамот и подарков, всеобщим братанием и конкурсом гармонистов. Однако звучала не только гармонь: можно было сплясать матаню под стук ложек или звон бубенцов. А у одного из прилавокв звучал... патефон.

— Я очень довольна, — сказала уходящая с ярмарки старушка. — Сначала купила сала, овощей, муки и отнесла всё это домой. А теперь вернулась за мясом. Всё недорого и по качеству прилично. А еще нравится праздничное настроение: культработники молодцы. В красочных костюмах, женщины в шальях на плечах... Поют, танцуют... Замечательно...

А депутату Госдумы люди дали наказ: ввести в российский праздничный календарь День сала. А что, вкусно, полезно — и какой вклад в продовольственную безопасность страны.

По поводу же праздников живота, сторонницей которых я никогда не была, скажу одно: я и сейчас против них. Просто этот праздник был какой-то очень теплый, русский и даже культурный, что ли. Потому что не в сала дело, а в том, что вырастили хрюшек на собственных подворьях, на натуральных кормах, сами солили и коптили, что не отравя это заморская, модифицированная, а естественная деревенская еда, какой мало уже в России осталось.

Но ведь можем же, можем сами себя обеспечивать. Однако завалили нас химией в обертках, а русскому мужику руки отбили: мол, хватит народ кормить, долго жить будет...

Причем сало наши предки каждый день не ели, это действительно был праздник. И оправданы были песни, частушки, припевки, игры и пляски.

Лишь бы не закормили, думала я по дороге домой, бережно неся запелёнутый в пакет кусочек домашнего сала. А то у нас опять стали свиноводческие комплексы открывать, и поросята там на искусственной пище достигают кабаньих размеров чуть ли не за три недели. Но это уже совсем другая история...

О КУЛЬТУРНОМ КОДЕ И ЛЮБВИ К ЧТЕНИЮ

К стыду своему, прежде я этого писателя не читала. Теперь, к стыду своему, прочитала...

Почему же я сделала это? А чтобы не уподобляться тем, кто якобы когда-то заявлял: «Я Пастернака не читал, но осуждаю...». Хотя скажу честно: сначала я осудила Кабакова, а потом прочитала. Да и как было не осудить, когда этот писатель, приглашенный в Липецк в числе ряда столичных литераторов на библиотечные чтения для приобщения нашей молодежи к книге, постоянно эпатировал публику заявлениями от обратного.

Когда на встречах с читателями зашла речь об обсценной лексике, а попросту мата в художественных произведениях, русский писатель Александр Абрамович Кабаков, упомянув в этой связи свой роман «Всё поправимо», отметил, что он не обязан считаться с мнением темных, малограмотных людей.

— Я вообще пишу не для читателей, а для себя, просто потому, что мне хочется. И никому ничего я не должен! — сказал он на брифинге в городской центральной библиотеке, что и отметил в своей публикации журналист «Липецкой газеты», освещавший мероприятие.

Когда же зашла речь о важности чтения, ради чего, собственно, и были приглашены гости, то Кабаков опять-таки ошеломил смущенных книгочеек преклонного возраста и еще не слишком укрепившихся в чтении молодых людей своим особым мнением.

Не надо никого заставлять читать, сказал он. Раньше заняться было нечем, вот и читали всё подряд. Меж тем, по мнению писателя, чтение — это занятие не для всех. Читать может себе позволить «праздный класс», а где его сегодня взять? Дескать, если все будут умничать, кто работать станет, улицы подметать? Металлургам читать некогда, им сталь варить надо! — заявил он.

— Но позвольте, — далее цитирую по газете: — у меня был читатель-тракторист, любимой книгой которого был роман

Стендаля «Красное и черное», он ею буквально зачитывался, — попыталась возразить столичному мэтру интеллигентная дама из числа библиотечных работников.

— Вот поэтому у нас такое сельское хозяйство и экономика, — как отрезал Кабаков. — Стендаля читали вместо того, чтобы хлеб сеять, ИТР-овцы вместо расчетов «Новый мир» от корки до корки зачитывали на работе. Это же ненормально, так страна дошла до ручки и развалилась...

И тому подобными сентенциями этот «ироничный скептик», как назвал его один липецкий журналист, Кабаков сеял и сыпал налево и направо.

Ладно, в конце концов, каждый имеет право на свое мнение. И приехавшие в гости к липчанам его «сестры» по перу Галина Артемьева, Екатерина Вильмонт и Тамара Крюкова тоже с нашими читателями не слишком церемонились. Одна, «работающая в условном жанре позитивной женской прозы», не чинясь, раскрыла секрет писательского успеха: главное — чтобы читатель не знал, что будет на следующей странице. Особенно хорошо удается это писателю, считает именитая литературная гостья, который и сам не знает, куда повернет сюжет уже через несколько строчек....

Что же касается читателей, не одобряющих ее «условно» позитивную прозу, то это просто «неадекватные люди», которых она не может принимать всерьёз. А детская писательница Тамара Крюкова, не мудрствуя лукаво, заявила следующее: если человек мало читает, это вовсе не значит, что он недалёкий, просто он разборчивый. Одни читают, другие нет, и какая, дескать, в том беда. Ну, не читают, и ладно, главное — чтобы издатели находились...

Оставим бесцеремонность заезжих знаменитостей на их совести. Тем более они таковы, каковы есть, своих взглядов не скрывали и не скрывают. Но почему их приглашают на мероприятия, призванные не отвращать людей от чтения, а побуждать к нему, приучать детей и молодежь «тыкать в книжку пальчик»?

Скажут, мол, это частная проблема наших властей и чиновников от культуры. Что, мол, в других регионах более разборчивы в подобных вопросах. Но я сомневаюсь, что это выбор наших руководителей. Не первый год уже приглашаются к нам в Липецк писатели, кандидатуры которых предлагаются и продвигаются Российской библиотечной ассоциацией. Так хорошее, в общем-то, дело превращается в сомнительное мероприятие. Судите сами. В рамках чтений организованы были брифинги, встречи с читателями, круглые столы, тема была объявлена важная — библиотеки в культур-

ном пространстве города: выбор стратегии и ориентиры. Ориентиры тоже правильные — формировать интерес к чтению, книге, привлекать власть и общественность к решению проблем библиотек. Однако мода на парадоксы, боюсь, отвадит последних приверженцев чтения от излюбленного ими занятия.

Самый главный парадокс заключается вот в чем. Провозгласив хорошую идею: читать и еще раз читать, организаторы мероприятия — а в нем принимали участие «отцы» города, уполномоченный по правам человека, руководитель городской сферы культуры, председатель Общественной палаты и так далее — пригласили писателей, которые вряд ли кого-то этой идеей увлекли и явно ей не соответствовали.

И прежде всего потому, что их произведения читать — себе дороже. Я, к примеру, не представляю, с какой целью некоторые книжки Кабакова можно дать в руки молодым. Не говоря уж о юных и старших, как называют на якобы цивилизованном Западе пожилых людей. Человек нерафинированный, читающий не слишком много, вполне резонно может решить, что чем такое читать — лучше уж и не читать вовсе.

А ведь на этот раз библиотечные чтения проходили в преддверии года культуры. Уже и президент громко заговорил о духовных скрепах, о культурном коде, о значении русской культуры и литературы во всем мире. И само мероприятие началось с приветственного слова в адрес организаторов и участников форума митрополита Липецкого и Задонского Никона.

В этом приветствии Владыки говорилось о том, что «роль слова, книги в истории нашего Отечества столь велика, что невозможно ее представить без мощной духовной книжной культуры, имеющей глубокие православные корни». О том, как благороден и важен труд библиотекарей, направленный на возрождение национальной культуры России, на формирование в современном поколении лучших человеческих качеств, стремление к постоянному самосовершенствованию. О том, что благодаря библиотекам, неустанной подвижнической и просветительской деятельности их сотрудников «сохраняется и бережно передается из поколения в поколение культурное и духовное наследие нашей Родины — России».

И после этого провести в рамках чтений круглый стол на тему: «Читать нельзя не читать!» Я понимаю ход мыслей наших библиотекарей, но не принимаю в данном случае этой двусмысленности, этой игры слов и запятых, когда ситуация требует не только осмысленного грамотного подхода к проблеме чтения, но и грамотной, определенной, точной ее

постановки. Играть надо в других обстоятельствах и в другое время. Уже и доигрались, и доразвлекались.

Мало того. Липчанам представляются писатели, которые ни во что не ценят современных читателей. Да, может быть, их в большинстве своем пока не за что ценить — читают мало и редкие. Однако зачем-то писателей сюда привезли, на что-то их настраивали, какие-то задачи ставили. Шутки шутками, но мысль о том, что чтением такую страничку развалили, не каждому в голову придет. А в писательскую пришла. И была озвучена. Теперь и думайте, люди добрые, стоит ли читать, если не хотите последнее развалить...

Кабаков в своих интервью утверждает, что он человек верующий и православный. И чего я только в его книгах не набралась!.. Скачала сборник рассказов с невинным вроде бы названием «День рождения женщины средних лет» — и теперь имею ясное представление об этой «высокохудожественной» прозе знаменитого мастера. Где только и с кем его героиня средних лет, а именно сорока, не отметила всего лишь один день своей жизни — и в мастерской, и дома, и в лесочке, и в театральном, простите, туалете, и с мужем, и с чиновником от культуры, и со старым другом, и с главрежем, и в машине, и на столе, и на простынях и без.

Я не ханжа, но к концу рассказа чувствовала себя мерзко. Тем более писано вполне реалистично, даже натуралистично. Сколько там было выпито всего, сколько вылило на читателя похоти и пошлости, не пересказать. Но и читать не советую. Тем более, чем дело кончилось и ради чего писалось, непонятно. Женщина эта постоянно себя ругает, обзывает грубыми, нехорошими словами, однако и ей, и читателю от этого не легче, а только всё стыднее, и стыднее.

И то ли жалеть ее надо, то ли извлечь какие-то уроки для себя — не пойму. Но темп изложения бешеный, сюжет жуткий. Остальные рассказы — такие же. Интересно, наши библиотекари или руководители города перед тем, как пригласить этих носителей русской культуры, их произведения читали? Хотя бы по диагонали? Так профанируются хорошие идеи. Обидно, неудобно за Владыку, за распинаящихся перед гостями важных людей города и области, поставленных в такую пикантную ситуацию.

Недавно чиновник областного масштаба рассказал в интервью газете о своем понимании культурного кода нации. Это — терпимость, уважение к окружающим, воспитанность, соблюдение правил этикета, высокая бытовая культура.

И с этими кабаковыми мы год культуры затеяли? Собираемся с ними духовные скрепы возрождать? Культурно-исто-

рическое наследие сохранять? Терпимость, конечно, большое дело для нашего культурного кода. И впрямь много терпим. И многих. Может, хватит?..

НЕЗАКАТНОЕ СОЛНЦЕ ПОЭЗИИ

А всё-таки Пушкинскую школу в селе Кореневшино Добровского района не закрыли! В прошлом году судьба школы висела на волоске. Якобы по причине малочисленности. И это при том, что в соседней Капитанщине строится целый коттеджный поселок, да и в самой Кореневщине, прародине великого поэта, откуда пошла-есть пушкинская родовая ветвь, разворачивается еще один малоэтажный микрорайон — «Онегин». Где же предполагалось учить детей новых поселенцев? Ведь это в основном молодые семьи со чадами.

А их надумали возить на школьном автобусе в еще более отдаленное село Большой Хомутец. И поскольку школа там не рассчитана на такое большое число учеников, то пришлось бы строить новую. Подобную оптимизацию трудно объяснить экономической целесообразностью.

Тем более непонятно было, как можно разрушить созданный в школе музей Пушкина, демонтировать установленный в холле памятник Пушкина-гимназиста и бюст поэта в школьном дворе, возле которого уже много лет во время пушкинских праздников читают стихи, поют, играют на музыкальных инструментах взрослые и дети?

Как можно было разрушить живую память о Пушкине, которую хранят и поддерживают преподаватели во главе с истой почитательницей пушкинского гения, многолетним директором школы Ниной Бородиной, и ученики, взрослые на пушкинском образе и пушкинском слове.

Именно Нина Ивановна в свое время превратила обычную сельскую школу в храм поэзии, нашла спонсора для ее ремонта, создала школьный театр, который каждый год инсценирует новое произведение Пушкина. И когда над школой, куда шли и ехали гости села, района и области со всех концов России, сгустились тучи, Нина Ивановна буквально сделалась больной.

Особенно напряженной стала обстановка вокруг школы после отмены прошлогоднего областного Пушкинского праздника в день рождения поэта. Но вот здравый смысл вроде бы возобладал. Слухи о закрытии школы прекратились. 215-летие Пушкина область вновь планирует отмечать в Кореневщине. Более того: к школе решено возвести пристройку для старшей детсадовской группы. А это значит, что у школы появились реальные перспективы на будущее...

Сразу же за калиткой школьного двора в Кореневщине начинается страна Пушкиниана. Сказочные русские берега, припорошенная снегом полянка, бюст великого поэта — всё это уже навевает знакомые с детства строчки, настраивает на лирический пушкинский лад. Приехав сюда в день гибели Пушкина, мы словно оказались в другом — пушкинском — измерении.

Всё здесь несуетно, напевно, проникнуто творчеством, искусством, литературой... Вот рисунки ребят, развешанные по стенам коридоров... Вот словно бы временем опаленные листочки с благодарностями и добрыми пожеланиями коллективу школы... А вот стенгазета с осенними пейзажами и стихами на любимую пушкинскую тему..

Хороша экспозиция с пушкинскими героями в разном исполнении — куклы, маски, деревянные и керамические работы. На одном из стендов — яркие снимки из постановок школьного театра. На другом — выразительные рисунки Нади Рушевой. А вот и пушкинский музей с его особой атмосферой, где дышится легко и вольно. В школе вызывают умиление даже... обычные окна, за которыми далеко простираются милые сердцу деревенские русские пейзажи.

В день памяти Пушкина, который прежде отмечался в школе в своем узком — без приглашения гостей — кругу, на этот раз былолюдно. Но встреча всё равно была искренней, лиричной, очень непосредственной.

Ребята сидели на стульях в холле школы, у памятника, и слушали стихи своих товарищей. А с каким пониманием, чувством, эмоциями читают там школьники стихи своего любимого поэта — это надо видеть и слышать. И читали-то нешуточные вещи: отрывки из «Медного всадника», «Руслана и Людмилы», великолепного «Гусара», «Ворон к ворону летит...»

Нет, «солнце русской поэзии» не закатилось два века назад, сказал в своем выступлении перед импровизированным залом начальник отдела культуры района Николай Грибцов, который 13 лет был разлучен с этой сферой деятельности и перебивался на совсем не свойственных ему работах. И вот недавно что-то сдвинулось в чьих-то умах, и Николая Ивановича вновь назначили заведовать культурой в районе. Может, и с этим связаны последующие перемены в отношении к Пушкину на его прародине, к школе, к Пушкинскому празднику, который чуть было не похоронили?

Во всяком случае Грибцов намерен не только возродить старые культурные традиции в районе, но и породить новые. А это уже отраднo, ибо человек он, культуре не чуждый, и сможет много хорошего сделать для людей.

В день памяти Пушкина в школе побывали также липецкий писатель Владимир Петров и автор этих строк. Петров подарил районным библиотекам свои новые книги. А я прочитала стихи. Жаль, что привезла мало книг: привыкла, что нужны они в школах только для музеев и библиотек. А чтобы — учителям и, тем более ученикам, это редкость...

И каково же было моё удивление, когда по окончании встречи, когда все собирались и разъезжались по домам, Грибцов незаметно для многих уединился в одном из кабинетов и начал читать петровскую прозу. Да так увлеченно, что ничего не замечал вокруг. Давно я уже не видела читающего чиновника...

В день памяти Пушкина усилиями добровской журналистки Александры Сметаниной в корневщинской школе звучали не только стихи, но и музыкальные произведения. «Гвоздем» концертной программы стала добровская семиклассница Соня Постникова. Если русская глубинка еще способна рождать такие таланты, значит, не пропадем. Представьте себе, девочка, которая ни в семье, ни в детском саду, ни в младших классах добровской средней школы не была замечена в пении вообще, вдруг раскрылась в музыкальной школе, где совершенно неожиданно для всех у нее обнаружили дивный голос. И уже через четыре года работы педагогов с этим голосом девочка — без преувеличения — просто поражает своими вокальными данными. Она пела песню Золушки из одноименного фильма, романсы Глинки и Шопена, произведения Вивальди. И словно трели разливались по залу... Остается надеяться на ее счастливую судьбу, потому что ни талантом, ни упорством, ни внешними данными Бог ее не обделил...

Романс на стихи Пушкина «Буря мглою небо кроет» исполнили брат и сестра Дима и Марина Сдвижковы из Добро-го. А затем Марина спела старинную народную песню «Птаха», доставшуюся ей «в наследство» от прабабушек. Поет девушка тоже изумительно, старинные обрядовые песни с их особым деревенским колоритом, напевностью, произношением она исполняет легко, чисто, красиво и даже с какой-то душевной радостью.

В концерте также принял участие ансамбль «Талисман» из близлежащего добровского села Большой Хомулец и преподаватели добровской музыкальной школы — композитор Галина Борцова и руководитель детского хора Ольга Полукарова, исполнившие собственную музыкальную композицию на стихи Бунина «Выюга».

Вроде бы и невелико событие — День памяти Пушкина в небольшой сельской школе. Но это очень важно, что та-

кие — читающие, чуткие, неравнодушные к Слову и родной земле — взрослые и ребята «в стране российской есть...» Пусть даже в самой глубинке, в самой что ни на есть провинции, откуда пристокают родники поэтической, песенной русской славы...

ЖИТЬ ПО-БОЖЕСКИ

Главное в послушании — делание чего-то не по своей воле, а по Божией. Причем делание с радостью и тщанием, без ропота и сомнений. Можно ли в таком случае задание, которое генерал Виктор Порядин дал себе сам, считать послушанием?

Но разве храм Господний можно построить по своей лишь воле? Раз пришла такая мысль и не ради себя, а ради Бога, чтобы земляки, в том числе и родная мама генерала, могли собраться и вместе молиться во славу Господнюю, то это только свыше.

Еще греет душу, что Виктор Алексеевич и вся его семья — православные люди. Есть у нас в области храм, построенный для своей жены человеком иной веры. То есть не для Бога возведенный, а исключительно по просьбе супруги для ее земляков. Человек так и говорит, что для своих единомышленников он возводит синагоги. А православный храм — это просто доброе дело, и вообще дело не в вере, утверждает он, а в милосердии...

Возможно, такая церковь лучше, чем ничего. Батюшка совершает там службу, прихожане молятся. И за здоровье своей бывшей землячки, которая живет далеко и в храм этот, естественно, не ходок, тоже. Принято ведь молиться за благодетелей. А как молиться, если он не православный? Если для него храм не дом Божий, а подарок жене?

Вот почему я особенно радуюсь, что церковь в усманском селе Грачевка построил человек верующий, православный, ответственный.

Много вы знаете людей, отправившихся в большое плавание от своей малой пристани — родного села — и не забывающих о своей отчине всю жизнь? Я — мало. Вот есть у нас в области еще один благодетель — вернее двое: супруги Степашины. Бывший председатель Счетной палаты РФ Сергей Степашин и его жена практически заново отстроили школу в липецком селе Пружинки, откуда родом Тамара Степашина.

Школа носит имя ее отца — Героя Советского Союза Владимира Игнатьева, командира взвода сапёров и разведчиков, получившего во время Великой Отечественной войны 21 (!) ранение и закончившего войну старшиной. Предки

Игнатьевых жили в селе с XVII века. А школе исполнилось недавно сто лет. Однако её обрекли на закрытие, ибо в ней всего 60 учеников. И, по сути, Степашины спасли ее для села.

Сохранив первозданный вид школы — красивый кирпич, арочные окна, высокие потолки, при финансовой поддержке Степашиных строители возвели современный спортивный комплекс.

В школе новая мебель, прекрасное оснащение. Кроме того, там открыт музей памяти Владимира Игнатьева. А еще Тамара Степашина в составе коллектива авторов написала и издала уникальную книгу «Страницы школьной летописи. Школа села Пружинки: 1913—2013». Почему уникальную? Потому что книг о сельских школах в России наберется не много, если они вообще есть. Пополнили они школьную библиотеку и собранием сочинений российских, и зарубежных классиков в 500 томов, и сборниками русских народных сказок.

Вложились Степашины и в местный храм Иоанна Богослова, вручив настоятелю несколько икон. И там связывают с влиятельной четой дальнейшие планы по устройству храма.

Я не случайно так подробно остановилась на участии известных и достаточно состоятельных людей в жизни своих земляков. Яркой личностью в этом плане предстает и генерал-майор ФСБ в отставке Виктор Порядин. Уже давно, когда благотворительность была еще не в моде, он тоже всячески поддерживал местную школу.

В Грачевке он родился, вырос, учился, здесь долгие годы после его отъезда жила его мама, сюда он постоянно возвращался и радел о людях. А люди там необыкновенные.

Лет десять назад я побывала в Грачевке, услышав, что одна бабуля отмечает там свой 101-й день рождения, а еще несколько ее односельчанок справляют столетние юбилеи. Рванула в Грачевку на всех парах: подышать тамошним воздухом и вызнать секреты долгой жизни.

Но в избушке, буквально вросшей в землю, хозяйки не оказалось.

— Она на огороде, картошку окучивает, — объяснил ее престарелый, едва передвигающийся сын.

О, вот он, главный секрет жизни, стоит передо мной: малюхонькая бабулька, разменявшая вторую сотню лет. И не просто стоит, а огород обрабатывает! А потом, зачерпнув ведро воды из замшелого колодца, запивает кусок хлеба и говорит:

— Сына жалко, без меня пропадет...

Тогда мне удалось встретиться еще с несколькими старушками-вековухами, которые в один голос утверждали, что

ничего необычного в их долгожительстве нет: народ в селе работающий, а работающие люди живут долго.

В этом уверен был и председатель местного сельхозкооператива Владимир Шестаков. В те годы, когда в селах окончательно разбазаривали остатки колхозов и совхозов, в Грачевке под руководством Шестакова крестьяне проявляли чудеса трудолюбия и ответственности.

Не сразу и нелегко было вернуть людям веру в лучшее и трудовые навыки, которые они чуть было не растеряли в постперестроечные годы, сказал тогда Шестаков. Взвзвись за полуразоренное хозяйство, он хотел доказать себе и грачевцам, что русский мужик не лентяй, не увалень, не горький пьяница. Что он отнюдь не разучился работать, когда расплачиваются с ним не авансами и жалкими подачками, а достойным за его труд вознаграждением.

Забегая вперед, скажу, что хозяйство и сейчас на плаву. Вот что значит сильный руководитель. Там занято около трети трудоспособного населения села, успешно выращивается пшеница, свёкла и подсолнечник, средняя зарплата — более 18 тысяч рублей в месяц: поверьте, для российской глубинки это неплохие деньги. Плюс помощь в ведении домашнего хозяйства, что тоже немаловажно: где сельхозпредприятия развалились, там и в личных подворьях не стало ни крупного рогатого, ни иного скота, ни даже птицы...

И вообще, Грачевка — удивительное место, давшее России много деятелей, «достигших степеней известных» в разных сферах. Но самый известный — звездочет Николай Черных, прославивший Грачевку на всю Вселенную. Выдающийся астроном, он открыл уйму новых малых планет. И назвал одну из них — под номером 3620 — в честь малой родины своих родителей: Степана Петровича и Меланьи Петровны Черных.

Такая вот звёздная судьба у замечательного русского села. Кстати, в России насчитывается несколько десятков Грачевок, только в нашей области их две. Но лишь во славу усманского села высоко в небе сияет над Землей звезда по имени Грачевка.

Однако возвращаемся к генералу Порядину, который не хватал звезд с неба, а заслуживал их себе на погоны самоотверженной службой.

С детства, как и каждый тогда деревенский мальчишка, познал он крестьянский труд. Учился хорошо, после школы окончил Воронежский технологический институт. Свою служебную карьеру — после учебы на высших курсах КГБ СССР в Минске — начал с должности оперуполномоченного в Управлении КГБ СССР по Рязанской области.

За семнадцать лет прошел путь от оперативного сотрудника до начальника отдела, от лейтенанта до полковника. С 1989 года служил в центральном аппарате КГБ СССР, в 1995-м стал почетным сотрудником госбезопасности, был удостоен высшего офицерского звания: генерал-майора.

Кандидат юридических наук, орденоносец, владелец именного холодного оружия, он в свое время успешно занимался поиском военных преступников, предателей Родины в годы Великой Отечественной войны. Всю жизнь служил Отечеству, был верным сыном своих родителей, главой семьи, любящим отцом троих детей...

Не шумно, без грома оваций он поставил памятник не вернувшимся с войны односельчанам, помог отремонтировать мост. А еще профинансировал все три тома биографического справочника «Гордость земли усманской».

В 2005 году генерал пообещал землякам построить новую церковь на месте старой — Архистратига Михаила, построенной в Грачевке еще в 1780 году! В 1834-м церковь «тщанием прихожан» была перестроена в камне. А прихожан в Грачёвской церкви насчитывалось тогда 2073 человека. Сейчас там 910 жителей...

В архивах 1911 года отмечено: «Местно чтимые иконы — Божией Матери «Взыскание погибших» и преподобного Серафима Саровского, обе иконы присланы с Афона».

В 1936 году церковь закрыли, а после войны разрушили. Через 70 лет «тщанием» Порядина на месте старой церкви, в которой крестились и молились в течение полутора столетий несколько поколений жителей всей округи, был установлен и освящен Крест, после чего началось строительство храма.

Благословение Виктор Алексеевич получил у известного в России священника, протоиерея Валерияна Кречетова. Именно он, узнав, что церковь в усманской Грачевке решили строить деревянную, убедил возводить каменный храм. Спроектировала его архитектор Людмила Павлова, по проекту которой построен храм Державной иконы Божией Матери в Московской области.

Строительство шло трудно, вспоминает Виктор Порядин. Несмотря на создание фонда «Возрождение духовного наследия края», финансовая сторона вопроса долгое время была делом исключительно семьи Порядиных — самого генерала, его жены Любви Васильевны, двоих сыновей, дочери, зятя. Но чем явственнее восставал из небытия храм, тем больше становилось соучастников его строительства. Люди поверили, что средства их тратятся по назначению. И некоторые пожертвования вызывают настоящее умиление.

К примеру, здешний пенсионер Василий Иванович Крюков не пожалел на церковь деньги, которые скопил на старость — 80 тысяч рублей. Помогали и усманские, и областные, и московские друзья-благотворители. И не только деньгами. Кто-то — в помощь архитектору — рисовал на память храм, каким помнил его в детстве, кто-то принес колокол от старой церкви, хранившийся в старой пожарке, кто-то дарил иконы.

И хотя церковь теперь тут на три села — Мосоловку, Безрезняговку и собственно Грачевку, такого скопления народу на первой Божественной евхаристии трудно было себе представить.

Белая, еще вся из себя целомудренная, без росписи, церковь едва вмещала всех желающих. Видно было, что приехавшие из столицы супруги Порядины и сами не ожидали такого наплыва людей. Оказалось, что на открытие церкви прибыли верующие не только из окрестных сел, но и из Усмани, Липецка, Воронежа — и почти сплошь уроженцы Грачевки. Для которых побывать в церкви на своей малой родине — настоящий праздник души и памяти.

Какая радость, что спустя десятилетия в Грачевке возобновились богослужения, сказал благочинный Усманского церковного округа протоиерей Олег Парахин. И пусть многие уже не знают, как достойно подойти к Исповеди, Святой Чаше, Кресту, всё это поправимо. Главное, чтобы подойти с чистым сердцем и любовью ко Господу — остальному научит священник, который является свидетелем в таинстве Исповеди.

Волновался Виктор Порядин, ой как волновался, благодаря за участие всех, кто приложил руку и сердце к этой чистой, как только что зажженная свечка, церквушке.

Начал он с Владыки Никона, ныне возглавляющего Липецкую митрополию, воздав должное областной, районной и сельской власти, руководителю местного хозяйства. Одни жертвовали средства, другие отвечали за конструкции, третьи возводили стены. Кто-то подавал тепло, кто-то строил купол и возносил крест, кто-то духовно сопровождал рождение церкви, кто-то ежедневно, ежечасно присматривал, приглядывал за процессом работ, руководил и объединял земляков вокруг этого богоугодного дела. Всех перечислил генерал Порядин, для всех нашёл доброе слово.

— Давно мечтал сказать вам, — признался он землякам, — что обещание построить церковь в родном селе я выполнил. Храм готов, документы оформляются, ключ от церкви торжественно передаю общине. Теперь вам блюсти храм, молиться здесь и жить по-божески...

Кроме того, генерал обязался в течение всего нынешнего года оплачивать коммунальные услуги по обеспечению церкви электричеством, отоплением. Символично, что среди появившихся в храме икон есть и старинная икона Преподобного Серафима Саровского: не та, которая была здесь два с лишним столетия назад при постройке давешнего деревянного храма, но всё же...

Люди не остались в долгу, искренно благодарили генерала. Старушки под 90 лет не могли сдержать слёз: они уже и не чаяли помолиться в своем храме. Жаль, мама генерала Порядина не дождалась этого дня. Но она была первой, кого в 2010 году отпели в этом храме по уходу в жизнь вечную.

Казалось бы, всё хорошо. Грачевка благоустраивается, люди трудятся, жизнь продолжается. Но... Была в селе больница — несколько лет назад ее «оптимизировали». Правда, оснастили современным оборудованием амбулаторию с дневным стационаром на 10 коек. А в бывшей больнице открыли дом для стариков: живут припеваючи. Зато закрыли школу.

И теперь каждый день около 100 (!) ребятишек развозят по близлежащим школам, где в иных классах местных ребят в разы меньше, чем приезжих. Закрыли школу из-за аварийного ее состояния: остарела, голубушка. А на строительство новой школы нужны большие средства. А не так давно уйму денег потратили на возведение Дома культуры: отгрохали настоящий дворец с колоннами, который можно принять за оперный театр, не возвышайся он посреди сельского пейзажа.

Но кому он теперь нужен, этот очаг культуры, если без школы село наверняка опустеет. Люди волнуются, просят помощи. Грех было не поинтересоваться у генерала Порядина, нет ли у него каких-нибудь мыслей или планов по поводу школы.

— Есть, — ответил он...

— Ну, знаешь, всё это, конечно, хорошо, — сказали мне скептики, услышав про новую церковь в Грачевке, — но где столько генералов набраться, чтобы они родные сёла поддерживали?

Но ведь он такой в России не один, ответила я. Да и не обязательно быть генералом, чтобы не забывать про родные села и что-то делать для их сохранения и возрождения. Ну, или хотя бы не делать: не закрывать, не сокращать, не рушить...

ПУТЁМ АДМИРАЛА

РАССКАЗ

Вероятно, так бывает раз в жизни...

В поезд я сидел в Челябинске. До Ленинграда дорога не близкая. Здесь уже стояла зима, и было довольно холодно. В плацкартный вагон зашел минут за двадцать до отправления и, отыскав свое место в купе на нижней полке, слегка удивился, что рядом никого нет. Остальной вагон тоже выглядел полупустым. Читать не хотелось. За окном не было ничего интересного, тем более что уже смеркалось. Думалось о другом, и это другое не давало мне покоя со вчерашнего вечера.

По коридору раздались шаги, в наше купе зашли молоденькая девушка в сопровождении мужчины и женщины, как оказалось — родителей. Поскольку времени оставалось мало, они торопились, и по их разговору я понял, что поедет только эта девушка. Продолжая смотреть в окно, краем глаза заметил, что она уже скинула темно-синюю пуховую куртку и устроилась у окна напротив. Мама с папой о чем-то пошептались, пристроили рядом с ней небольшую сумочку, видимо, с продуктами, бросили на меня настороженно-оценивающий

ПРОЗА

взгляд и, попрощавшись с дочкой, бесшумно прошли к выходу. Шевельнулась невольная жалость к ним — вот так, поездом дальнего следования, отправлять еще почти девочку. В полумраке вагона ей можно было дать лет семнадцать — хрупкая, тоненькая, но, как я сразу отметил, очень красивая. Одета уже по-дорожному, она легко скинула тапочки и в теплых цветастых носках пристроилась спиной к окну, согнув ноги в коленках и набросив на них одеяло. В руках ее оказался небольшой томик, видимо стихов, и поскольку она углубилась в чтение, я невольно сбоку позволил себе любоваться правильным почти иконным профилем личика, спускавшимися чуть ниже плеч светлыми волосами, всей ее грациозной фигуркой...

Боковые места в вагоне оставались пусты, да и в соседних пределах не слышалось ни шума, ни разговора. За окнами сгушалась темнота, поезд тронулся.

Я возвращался домой. Ездил в Челябинск на юбилей к родственникам. По обыкновению вез с собой гармошку, звучную, голосистую гармошку тульской работы, купленную еще в конце восьмидесятых, но простоявшую без радости аж более пяти лет. Любовь к ней проснулась во мне только в конце девяностых и с тех пор она перестала грустить, заиграла, поначалу скованно и неуклюже, а затем уж всю показав свой звучный нрав. И теперь рядом с моими фотоаппаратом и видеокамерой частенько охотно пристраивалась эта яркая трехрядка. А куда денешься? Тем более что с некоторых пор она стала даже обязательной спутницей в моих путешествиях. Вскоре я окончательно убедился в том, что лучше брать гармонь с собой, даже если она останется не при деле, чем оказаться в ситуации крайней ее необходимости, а ее рядом не будет. Потому что народ наш по-прежнему влюблен в песню и подолгу молчать ей обычно не приходится. По-разному, конечно, складываются порой дорожные ситуации, однако в целом песни поются: песни разные — русские народные, военные, застольные.

Замечено мною давно, что чаще и больше всего поются именно военные песни и особенно — о Великой Отечественной войне. В этом народ наш уникален! Даже в горе большим не покидает его тяга к музыке, к душевной песне. Вспомните — самые лучшие из них были написаны в первые два тяжелейших года последней войны. Особенно хорошо принимают и часто просят — «Эх, дороги...», «Волховскую застольную», «Прощайте, скалистые горы», «Споемте, друзья», «Броня крепка и танки наши быстры»... Хотя, чего греха таить, — слова порой на пару куплетов только и по-

мнят. И кроется в наших песнях о войне, по-моему, какая-то давняя, не объясненная до конца тайна. Ведь сколько живет наша страна, столько и ведет борьбу за свое существование, не желая, однако, при этом ни чужой земли, ни чужой жизни, ни чужого унижения. Однажды курд по национальности и писатель по призванию души Карем Раш написал: «Русский народ можно обвинить в тысяче грехов, но от одного он свободен. Никогда в истории он сознательно не унижал ни один народ. Его пытаются оскорбить только те народы, которые обязаны ему физическим существованием на земле». Жажда справедливости, всемирная отзывчивость, тяга к любви — всё это и рождает удивительные по чистоте и глубине русские песни. И потому кажется мне порой, что звучит лейтмотивом в этих песнях одна щемящая тайная нота — все еще повторится...

Я исподволь продолжал наблюдать и любоваться своей юной попутчицей, которая, к счастью, увлеченная чтением, не замечала не слишком тактичного моего к себе внимания.

Вскоре воспоминания прошедшего дня вновь всплыли в моей памяти и в какой-то момент я физически ощутил, что все происходящее сейчас вокруг меня — и полумрак вагона, и относительная тишина вокруг, и мерный стук колес, зимний мрак за окном и эта девочка — вдруг приобрело смутные очертания реальности событий почти столетней давности, причем удивительным образом совпали и время года, и обстановка, и присутствие моей незнакомки, но самое главное — эта дорога, эта железная дорога, по которой в кромешной тьме неслись сейчас в ночь полусонные вагоны. То была великая Транссибирская магистраль, на десять тысяч километров протянувшаяся от Владивостока до западных границ России, или Великий Сибирский путь, как его в старину называли. И в образе сидевшей сейчас напротив меня девушки вдруг проступили черты той, которая в те дни так тревожила и волновала сердце влюбленного адмирала, была его молитвой и судьбой и которая до конца разделила с ним последние трагические дни его жизни. Именно здесь, той же дорогой, они ехали тогда одни в штабном вагоне — чужая жена Анна Сергеевна Тимирёва и Верховный правитель России Александр Васильевич Колчак.

Не смея еще пошевелиться от нахлынувшего вдруг наваждения, чтобы не быть сраженным ответом, и сам того не сознавая — зачем? — слегка сдерживая голос, я спросил: «Простите, как вас зовут?» Она не вздрогнула, чуть опустила руку с книжкой, и, не поднимая головы, слегка повернув ее ко мне, так, что даже малая прядь не шевельнулась у ее глаз,

мягко сказала: «Аня». Внутри что-то напряглось... — так не бывает! Этого не может быть... Слишком много совпадений, слишком много... И все же желая до конца испытать нелегкую эту чашу, и так, чтобы скорее, наконец, разувериться в реальности происходящего, снова спросил: «А отчество ваше, случайно, не... Сергеевна?» «Нет, Витальевна». Невольно обмяк, расслабился. Все правильно... На что я надеялся?... Мистика какая-то... Это меня немного успокоило, но не лишило желания продолжить внутренний монолог и предаться игре воображения.

Пробыв какое-то время в ощущении ирреальности происходящего, встал, прошел в служебный тамбур. В поездах я частенько провожу время в холодных по обыкновению тамбурах, накинув куртку на плечи; потуже запахнувшись, и прислонясь к ледяному стеклу, люблю смотреть в ночь. Так лучше думается. Желаящие покурить туда не заглядывают, желающих постоять на холоде обычно не находится. Однако стало зябко, и я вернулся, но сел не на свое место, а напротив, на боковое по ходу поезда. Попутчица моя оказалась справа в глубине купе, сидя в том же положении и продолжая изучать свою крохотную книжицу.

Я смотрел в окно, с благодарностью воздавая хвалу Тому, кто подарил мне сейчас эти часы, этот полупустой вагон, эту барышню с именем Анна, и единственно, о чем молил я Его, — продлить до конца пути или хотя бы на одну ночь то тревожное очарование, которое сам для себя придумал и в которое сам поверил, чтобы иметь хоть малую возможность в тишине и покое представить, а может, и чуть почувствовать — что же могло происходить около века назад лютой снежной зимой на этом отрезке Великого Сибирского пути, так трагически соединившем имена двух любящих друг друга людей...

И этот удивительный случай подарил мне вчерашний вечер.

А было так. Волею обстоятельств я оказался на какое-то время один в квартире своих родственников. В просторной чистенькой гостиной небогатый набор — телевизор, диван, пара кресел, сервант. Телевизор включать не хотелось, его дьявольский формат и особенно назойливость рекламы могут погубить любое настроение. Реклама в фильмах убивает в зрителе соучастника, сопереживателя. И это главное!

Перебирая стопку лежащих рядом видеофильмов, прочел на одном из них крупными буквами — «Адмирал». Какой чудный подарок! Есть время, есть возможность, есть, наконец, сам фильм, который давно собирался посмотреть и все не находил подходящего случая. И вот!.. Вспыхнул экран, я с

благодарностью опустил в кресло. Балы, кружение золотых эплет и женских причесок, разрывы палубных снарядов и отрывистые команды офицеров, звуки гимна «Боже, царя храни!» и застывшие в строю моряки — все разворачивалось широкой панорамой предреволюционной бури в стране.

Образ адмирала Колчака притягивал меня давно, притягивал не столько масштабом личности, разносторонней образованностью, многообразием и объемом свершенных им во имя флота России деяний, сколько желанием глубже понять — как, какими мотивами и принципами руководствовался этот блестящий морской офицер в выборе сил и средств в своей борьбе за Россию, которая в крови и муках пыталась в то время красную и белую правду, искала, наконец, тот единственный путь, на который желала встать, чтобы вновь возродиться в Величии и Славе.

Экранные образы адмирала и Анны Сергеевны я принял сразу и сразу полюбил их. Первоначальная любовь к героям обязательна для зрителя, она дает возможность сопереживать, полнее и глубже понимать мотивы их поведения. Долго потом, лежа на диване, перебирал я в памяти те факты биографии адмирала, которые знал, и те, которые узнал сегодня. Читал, что его погубила излишняя наивность в политическом плане, что как политик, окруженный со всех сторон и своими, и красными, и продажными интервентами, он не смог правильно выстроить свое поведение, понять расстановку сил и даже переоценил свои возможности, что привело к неминуемому обману его и использованию его в своих целях заинтересованных сторон. Наверное, все было именно так, но невозможно не восхищаться личностью Александра Васильевича Колчака, который, как истинно русский офицер, не колеблясь, принял вызов судьбы на самом крутом переломе русской истории, не ушел, не отвернулся от зла, а достойно, в интересах России распорядился своей судьбой, с честью и до конца исполнив свой военный и гражданский долг.

И вот сейчас, в вагоне скорого поезда, повторял я этот последний путь адмирала, который той же дорогой, той же снежной зимой спешил в Иркутск, где ожидал соединения с армией своего единомышленника и друга, легендарного генерала Владимира Каппеля, где должно было стоять подкрепление, где должна была наконец решиться судьба русского золота, того золотого запаса, которым так дорожил Колчак и которое берег как зеницу ока для нужд спасаемого Отечества. Ощущение таинственной, такой неожиданной сейчас сопричастности с судьбой адмирала волновало, не давало покоя.

Поезд наш от станции к станции набирал обороты, вагоны тряслись мелкой дрожью, за темным окном выюжило, кружилась в каких-то яростных порывах метель, то отбегая, то вновь со страстью бросаясь на окна, как будто рвалась в промерзший вагон, кого-то выискивая, разбивалась, потом отлетала и снова билась о стекла в бессильном борении.

Вот так же, думал я, сидел, наверное, в ту ночь у окна и адмирал, глядя на бесноватую метель и в отчаянной ее круговерти мучительно пытаюсь отыскать ответы на решение судеб матери-России и своей возлюбленной, своей единственной Анны...

При подъезде к Иркутску, на станции Нижнеудинска Колчака взяли под стражу изменники-союзники чехи и уже по приезде в город предательски выдали большевикам. 7 февраля 1920 года вместе с председателем Совета министров В.Н. Пепеляевым без суда и следствия адмирал был расстрелян на берегу реки Ушаковки близ Иркутска. Тела их оттащили, бросили в прорубь, и адмирал был отпущен в свое последнее плавание. Анна Сергеевна, выйдя из тюрьмы, где она по личному настоянию пребывала вместе с Колчаком, прожила до семидесятых годов. В 1920 году ей было 27, а Колчаку — 46 лет.

В 2008 году на берегу реки Ушаковки близ Иркутска стараниями горожан и властей города поставлен памятник Верховному правителю России, воину и патриоту Александру Васильевичу Колчаку. И сегодня, кто бы ни пытался порой принизить, умалить историческую роль Колчака, как впоследствии и Сталина, Жукова, других полководцев и государственных деятелей страны, народ наш не забудет и сохранит в памяти своей их несравненные заслуги в деле спасения и становления Отечества.

Так просидел я у окна со своими мыслями часов до двух. Вьюга за окном все так же бешено металась, ошалело неслась нам вослед, не уставая и не стихая, стонала и плакала, рвалась в окна и во все стороны, как будто все еще пыталась отыскать остывшие следы ушедшего в ночь адмирала. Анечка уже спала, но как-то по особенному: она не легла на постель, а так же сидя вытянула ноги под одеялом, другой конец натянула почти до подбородка и, как мне показалось, даже не спала, а подремывала, держа правой рукой прикрывшую наполовину книжку. Знала ли она, милое это создание, какую историческую миссию в моем воображении выполняла она сейчас своим присутствием.

Следующий день тоже выдался на редкость спокойным. Пассажиров не прибавлялось, но волнение по-прежнему не

покидало меня — ведь каждая новая станция таила в себе тревогу и легко могла разрушить то хрупкое состояние, в коем находился я постоянно. Во второй половине дня начало смеркаться, впереди ждала последняя ночь, и уже ничто не предвещало каких-либо перемен, которые могли бы помешать моей удивительной железнодорожной идиллии.

Поезд остановился на очередной узловой, и в свете горящих на станции фонарей была заметна суета спешащих на посадку редких пассажиров. Я было успокоился, но... ненадолго. Различив верхушки проплывавших мимо окна ватников и выючных рюкзаков, вдруг смутно, каким-то десятым чутьем, почувствовал тревогу. «Только бы не в наш вагон», — мысленно умолял я.

Но судьба уже распорядилась иначе...

Они ввалились не просто в наш вагон, они ввалились именно в наше купе, плотно оккупировав и соседние, забив все пространство вокруг не только баулами, немыслимых размеров рюкзаками и вязками чего-то плотного, завалив ими вторые и третьи полки, но и шумом, гамом зычной речи, морозным раскатистым смехом в вагонной тиши, яростью движений... Все это громыхало и ухало без суеты, но напористо, с решительной основательностью, и казалось, что на всем Сибирском тракте от Москвы до Владивостока месяцами будет бушевать теперь эта неуемная, разбуженная кем-то стихия.

Анна забилась в самый угол, как мышь под лавку, поджала ноги и, натянув до глаз одеяло, с немим ужасом постигала происходящее. Я в состоянии глубокого транса, перебрался на свое место и отрешенно блуждал взглядом по этой нагретой невесте откуда орде, стараясь по отдельным приметам и отрывкам речи угадать — кто они, куда и зачем едут?

Их было человек пятнадцать, здоровых, крепких мужчин, именно физически крепких, уже не молодых, лет по тридцать-сорок. На нас они не обращали никакого внимания, вели себя достаточно спокойно и деловито, но с видимой долей усталости. Гремели сапоги, растирались схваченные морозом лица. Когда, побросав на полки вещи, они стали стаскивать с себя тяжелую одежду, видно было, как накачаны их мышцы и играют под рубашками тугие горячие тела. Про себя отметил положительный момент — пьяных и даже подвыпивших среди них не было; они сошли бы за спортсменов — боксеров, штангистов, скорее всего за штангистов. Рюкзаки, баулы и вся сопутствующая утварь — естественная в подобных переездах спортивная одежда.

Казалось бы — что делать к ночи в тесном вагоне этой разогретой от мороза, но увядающей от усталости толпе? Ко-

нечно — спать! Так думая я, наивный, глядя, как некоторые из них уже возились с постельным бельем.

Как вскоре стало ясно — это был лишь тонкий тактический прием. Когда на боковом столике нашего купе встали разом четыре бутылки водки, я было засомневался относительно «спортсменов», но когда к ним присоединилось еще четыре, а в купе слева и справа по-дружески раздался призывный звон стаканов, понял, что в психологи мне еще рановато. Хоровод бутылок на столе быстро обрастал хлебом, помидорами, холодной картошкой с котлетами. Я не услышал даже первого тоста, когда две или три пустые бутылки уже аккуратно пристроились под нижней полкой. Естественно, что очевидный сценарий развернувшегося «банкета» ничего романтического уже не предвещал и виды мои на спокойную ночь приказали долго жить.

После того, как прокатилась «вторая волна», усталость их как-то сама собой стала проходить, говор приобрел оттенки утвердительные, и в разговор стали изредка вплетаться кружева ненормативной лексики. Я, по обыкновению в таких случаях, стал внутренне заводиться. Мучительно прикидывал — как и чем, да и смогу ли я повлиять на эту непростую ситуацию. Тяжело было оттого, что рядом сидела молодая девчонка, да и в соседних купе вряд ли спали и тоже напряглись пассажиры. Еще человек шесть, непонятно как, втиснулось в наше купе, и мы с Анной вконец оказались отрезанными от внешнего мира.

В какой-то момент я встал, чтобы пройти в тамбур. Мужики раздвинулись, и я, протискиваясь между ними, обронил: «Ребята, вы за речью-то последите, девчонка вон сидит, и вообще...» На меня взглянули молча, с большим интересом, кто-то даже посочувствовал, а один, рыжий, невысокий, с круглым лицом, махнул рукой и добродушно напутствовал: «Ладно, иди, разберемся...»

В тамбуре стало слегка колотить. И от мороза тоже. Минут через пять-десять вернулся, сел на свое место. В гаме разговора отметил, что чей-то голос слегка обрывает тех, у кого проблемы с лексикой. По его тону понял, что это старший. Стало спокойнее — субординация в подобных случаях не лишняя и действует обычно безотказно. Приглядевшись к ним повнимательней, отметил, что парни не просто пили, они очень хотели есть, потому что буфетные коробки из под котлет и картошки так же скоропалительно исчезали со стола, да и хруст огурцов и помидоров не смолкал ни на минуту. И, наверное, все это еще продолжалось бы невзвесть какое время, если бы...

Странно, но я вдруг почувствовал, что покинувшее было меня настроение в какой-то момент стало возвращаться и при этом наполняться атмосферой чего-то своего, родного, как ни странно, до сердца знакомого. Неожиданно поймал себя на том, что все происходящее рядом мне небезынтересно и притягивает меня.

Я смотрел на них, вполне взрослых уже мужиков, и чувствовал, что чего-то во всем блеске этого разудалого застолья им явно не хватало. Не хватало последней точки, не хватало какого-то завершающего аккорда, какого-то штормового «девятого вала», который опрокинул бы невидимую плотину и рванулся вширь, дав волю этой первородной стихии.

Мысль, пришедшая неожиданно, сама собой, сразу же отбросила все сомнения и уже нащупала тот единственно верный аккорд. Я внутренне ликова! Конечно, удача случается не всегда, и вряд ли я смог бы сегодня повторить такое же с пеньными пацанами-школьниками или даже со студентами. Но эти ребята были еще свои. В них еще жил азарт здоровой жизни, настоящего мужского труда и мужской нерастраченной силы. Волнение мое тотчас пропало. Я встал, шагнул прямо к столу, приобнял сидящих ко мне спиной за плечи и громким, почти веселым голосом, как будто тянул с ними лямку уже не один год, сказал — «Ну что, мужики? Попили? Поели? Теперь пора и песню спеть!» Десяток захмелевших пар глаз «вылезли из орбит».

Это был удар поддых. Вряд ли кто-то из них ожидал такого от случайного соседа-пассажира. Предвидя заранее, что было несложно, этот кратковременный шок, я не дал им времени на размышление. Я их уже знал, я был уже уверен, что они запоют, но надо было, чтобы запели все и сразу! Вот для этого нельзя было спрашивать мнения каждого в отдельности, здесь вам не это... здесь вам не парламент.

Не дав им опомниться, я скинул с полки гармонь. Инструмента, конечно, не ожидал никто. Мужики моментально раздвинулись, уступив край скамьи, а из соседних купе уже высунулись жадные до интереса лохматые головы. Пальцы привычно упали на нужные клавиши — «С чего начнем?»

И в этот момент получил первый поддых я. Этот рыжий кучерявый, который из «ненормативных», с ходу рубанул: «Волховскую застольную» знаешь?. «Ну, ребята, — подумал я, — это я хорошо зашел... и вам — конец...»

«Редко, друзья, нам встречаться приходится, но уж когда довелось, — вспомним, что было, и выпьем, как водится, как на Руси повелось!» «Волховская!» Знаменитая песня Волховского фронта на слова Павла Николаевича Шубина, конеч-

но же, прогремела «на ура», еще бы! — любимая для всех застолий из моего репертуара! Всех слов они не помнили, но песню знали и припев подтягивали азартно — «Выпьем за Родину нашу любимую, выпьем за русский народ! Выпьем за армию непобедимую! Выпьем за доблестный флот!». Я не успел еще справиться с последним куплетом, а с левой стороны на уровне моего рта уже плескался граненый стакан. «Держи! Молодец! Закусишь?» Выпил, конечно. А куда денешься? На халяву каждый...

Заказы неслись уже со всех сторон, и в основном — военные! Пели во все горло, пели галопом и с прихлопом — «Ты ждешь, Лизавета», «Броня крепка», «Мы не дрогнем в бою за столицу свою»... Пели то, что не вытравить, не зарыть, не стереть никакими системами, никакими законами и пропагандами — никому и ни за что! В голосе их kloкотала откровенная страсть, радость узнавания себя, неистребимое желание вспомнить что-то забытое, сокровенное, родное — то, что давно и отчаянно рвалось наружу. «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведет!» — Кто-то размазывал слезы по щекам, кто-то ребром ладони отбивал ритм по скамье, кто-то яростно чеканил песенные строки, мотая хмельной головой в такт забытому слову...

Казалось, что эти парни возвращались с Великой войны — Отечественной, Афганской, Чеченской — и выпевали душу свою за тех и за этих, за кровь и смерть друзей, за предательство и героизм, за то лучшее, что в щедрости и нерастраченной нежности своей искала их жадная до любви душа.

Таких можно убить, но таких нельзя победить, с ними нельзя сделать то, чего они не пожелают. Это они ломали стальную машину третьего рейха, это они освобождали плененную Европу, родную истерзанную землю и отдавали жизни свои за други своя; это они целым полком откатались выходить из Афганистана, узнав, что их, отправляемых домой, хотят заменить молодыми, необученными пацанами, которых в первом же бою положили бы в горячих песках моджахеды. Это они, не принявшие сегодня «голубизну» и «зелень» окружившей их жизни, держат в своих руках опоры и тяги родной земли и по простоте и щедрости души своей позволяют пока отдельным зарвавшимся от свободы джигитам с Кавказских гор и южных степей порезвиться на улицах русских сел и городов до поры до времени... Это они. Только дразнить их не надо...

И сплясали бы сейчас! Да вот только Сибирская магистраль после этого надолго бы встала на ремонт. Проходившего по вагону милиционера даже не пропустили, а, как мне

показалось, бережно передавая по воздуху друг другу, на руках пронесли из одного купе в другой. Он только улыбался, прижимая к груди упавшую было фуражку. Пить отказался. Да никто и не настаивал, только пригрозили — потом как-нибудь ущучим, не отвертишься!

В какой-то момент я спросил: «Ребята, вы кто?» Оказалось — монтажники каких-то огромных нефtezаливных агрегатов, едут на Вологодчину, в Череповец на очередной объект. Когда спели «На границе тучи ходят хмуро», я обмолвился — служил на китайской границе. Рыжий тоже! Оказался бывшим погранцом -дальневосточником. Обнялись. Чокнулись. Глотнули. Ну не драться же! Кто-то скомандовал — курить. Повалили в тамбур. Меня прямо с «подругой» подхватили под руки — и тоже курить. А как же не покурить, если ты уже двадцать лет не куришь?

Успел только оглянуться на Аню, которая, по-моему, так и не двинулась с места, а только шевелила округлыми глазами и часто моргала, я даже испугался — не оглохла ли. Когда вышли в тамбур, в котором и так уже зенки выворачивало от дыма, я для удобства прислонился спиной к перегородке и... получил еще один сюрприз: «Песню знаешь «Город над вольной Невой?» Сърничал: «Что-то не припомню...» И опять подхватили, только уже спокойней, сдержанней. Помнили только два куплета, пришлось подсказывать. Спели еще несколько песен и с дымом-шумом повалили обратно. Я был, конечно, разогрет и, несмотря на почти полную потерю голоса, будучи закален, готов к продолжению, но по их виду уже было видно — это конец, точка отсчета пройдена, теперь с ними справится один господин сон. Сытые, согретые да песней обогретые, они принадлежали уже только ему. И больше их сейчас ни на какую стройку века не взялся бы поднять никто. Всё, ребята, шабаш!

Когда купейные полки напряглись под тяжестью обмягших тел, я еще долго лежал с открытыми глазами. Из глубины вагона слабо донеслись звуки Гимна СССР, кончался и уходил в ночь еще один день.

Мысли вновь возвращались неволью к легендарному адмиралу, но уже не прежними, другими, в ином звучании. Смутно пытался нащупать связь этих недавних двух потрясений, связь внутреннюю, генную, как любят сейчас говорить. А она была, была. Не хочется красиво говорить и понапрасну играть словами, но кажется мне, что связывала адмирала и этих ребят какая-то невидимая, но явно осязаемая нить, в которой прочно переплелись: тяга к родной земле, неизбывная любовь к Родине, чувство ответственности за ее будущее — за

царский гимн «Боже, царя храни!» и «Гимн России», за судьбу русского флота и за череповецкие агрегаты, за переливы тульской гармонии и за народные песни, за Анну Сергеевну Тимирёву и девочку Аню...

И чудилось, что осязаемая нить эта и есть тот самый «золотой запас», «Золото Колчака», неприкосновенное «Золото России», которое не подвержено никакой коррозии, никакой «перестройке», никакой иноземной интервенции и духовной мутации. Оно лишь на время может потускнеть, может покрыться чуждым налетом, даже скрыться на время, под воду уйти, как град Китеж, но природное естество, изначальный материнский свет в нем не померкнут никогда! Потому что оно — золото!

И потому была, есть и будет жить Россия. И другому не бывать.

Уснул, видимо, поздно. И проснулся поздно, около восьми часов, от мелодичного постукивания колес. Не слышал даже, как бесшумно поднялась и растворилась под утро где-то в вологодских просторах «могучая семья». По-прежнему стояла в вагоне тишина, и только мирно посапывала уже под одеялом Аня. Спасибо ей, так и не узнавшей, сколько и каких счастливых часов, сама того не сознавая, подарила она мне в это безвременное наше путешествие. Не доезжая до Ленинграда, на одной из станций ее встретили и сняли с поезда родственники. Слава Богу, и здесь все обошлось благополучно. Кончался мой отпуск, кончался Великий Сибирский путь, до Питера оставалось рукой подать.

ШУРОЧКА В БЕЛЫХ КАРПЕТОЧКАХ

РАССКАЗ

Мы чинно сидели за столом, когда дверь настойчиво поскребли снаружи, и на общее:

— Войдите! — в хату, через порог, осторожно вошла Шурочка.

Она впервые пришла в столь ранний час, чем и озадачила. Впрочем, назвать этот час «ранним», по деревенским меркам, выглядело более чем спорно, но мы, праздничные отпуски, ещё не успели до конца испить свой утренний кофий.

«Денег пришла просить», — и каждый представил себе всю наличность исхудавшего за месячный срок семейного кошелька.

Шурочка, переминаясь с ноги на ногу, замерла у порога. Она загадочно и светло улыбалась нам, чем озадачила ещё больше; в мозгу вяло зазмеилась скучная мысль: сколько ж попросит?

— Чё стоишь? Говорят, в ногах правды нет. — Муж предложил госте-ть присесть.

ПРОЗА

И та охотно устроилась на широком деревянном диванчике, стоящем вдоль стены, и, растянув губы волной с детского рисунка, с задорной живостью в голосе объявила:

— Толик мой нашёлся!

Кто такой Толик — мы не знали, но весь лучистый вид её безошибочно подсказывал, что произошло нечто, что и делало её открыто счастливой и радостной; вновь проклюнулась навязчивая мысль о деньгах.

Тётя Неля, наша хозяйка, вошла в хату почти следом и тут же с нескрываемой долей иронии полюбопытствовала:

— И куда это ты, деушка, вырядилась? Да у белых карпеточках? Ну, ты, — с особым ударением: — прям, моделья!

Шурочка и точно выглядела щеголихой из щеголих. В голубом, с мелкими алыми цветочками по полю, лёгком платье, с широким атласным пояском по талии. В белых ажурных гольфах на сухих ногах. В белых же китайских парусиновых тапочках.

Гостя слегка качнула тщательно прибранной головой в сторону язвительно вопрошающей и уточнила нараспев:

— Муж мой нашёлси! — И было видно, что сейчас ей ой как хорошо. — Жду к завтраму, а то, може, и сёдня к вечеру подкатит. Из Москвы на Курск поезда-то, считай, каждый час идут... — Последнее произнесла на придыхании, полушёпотом, ровно боясь спугнуть волнующую трепетное сердце надежду, а в нашем мозгу чётко отфиксировалось, что денег точно попросит больше, чем обычно.

Своим сообщением Шурочка окончательно сразила, хотя мысль сказанного ею уяснить до конца удалось не сразу.

— По такому случаю, — решительно предложил муж и тем удивил меня, — можно по бокальчику душистого чайку испить! Не так ли? — обратился он к женщинам, а мне глазами указал, чтобы ставила чайник.

Пока грелась вода, я заменила грязные чашки на чистые, досыпала конфет и печенья в вазочку, достала из холодильника сыр и колбасу, порезала хлеб и пригласила обеих к столу.

Шурочка поднялась с диванчика и, вытягивая ножку мысочком вперёд, подошла к столу. Степенно присела на выдвинутый для неё стул, а тётя Неля упала грузным телом на персональную табуретку.

— Можно и чайку! Почему ба и нет? — припозднившись, согласно отозвалась она на прозвучавшее предложение, обычно избегая ранних трапез.

Пододвинув поближе к каждой по чайной паре, я разлила кипяток по чашкам, в которые муж успел предупредительно опустить по пакетик.

— Сливочек не добавить? — спросила я и, не дождавшись ответа, всклень плеснула из сливочника неосторожно по чашкам.

— Через край-то пошто!? — одёрнула меня тётя Неля и, склонившись над столом, поспешила отпить, но, глотнув быстро, обожглась и поперхнулась.

Шурочка же, наоборот, подняла высоко блюдце, аккуратно отхлебнула из чашки и пила маленькими глоточками, жеманно поедая конфету за конфетой и всё также озаряясь кричащей радостью.

Прокашлявшись и простительно махнув рукой, тётя Неля попросила моего мужа:

— Отрежь-ка мне скибочку колбаски... — Он быстро порезал колбасу на кусочки, а хозяйка обратилась к Шурочке с вопросом: — Никак управилась по хозяйству коли по двору лазишь? — Ответа, однако, не получила и, аппетитно пережевав и проглотив колбасинку, продолжила: — Оно, конечно, с таким-то хозяйством как скоро и не управиться? — И, обратившись к нам, пояснила: — У ей два поросёнка токо. Осень скоро, а оне усё, как два стручка, тощие по двору бегают. И чем кормит? Не знай!

Шурочка продолжала молчать. Весь отрешённый вид её подсказывал, что пронесли чужие слова мимо ушей, а она, молодо зардевшись лицом, не скрывала трепетного чувства, которым наполнено было всё её существо, и влажно блестя, загустевшие чайным настоем, ожившие глаза.

Угадывалось, что она порывается сказать что-то своё, нечто важное и сокровенное, только всё не решается, но вот насмелилась и зачастила сбивчивой скороговоркой:

— Я ж искала его... И по знакомым скоко писала... И к родне, котору знала, обращалась... — А глаза всё лучились и лучились надеждой. Приумолкла было, но нет: — Лицом всегда пригожий был... Справный был... а тута, смотрю, засивел весь... и худой, как моща худой... Но узнала сразу.. И как не узнать? Свой же человек... близкой... — И, видимо, представляя себе злключения мужа, влажно всхлипнула, однако, оробев от внезапных слёз, осеклась. — И чё поехал тады, дуралей? Куды? Зачем? Поверил чужим людям... И скоко лет об ём ничего... — Затенённая щёчка заметно дёрнулась.

Шурочка замолчала; в хате повисла гнетущая тишина, которую резко нарушила тётя Неля:

— Ну вот, теперь у всех мужевья будут! Осталось токо мне завалышенького мужичонку где подобрать, а то и пособить некому... — Но, не договорив, сунулась в окно, через которое увидела, что во главе шумного, многоголосого выводка подтягивается к хате носатая индюшка. И, не сбавляя оборотов и сообщив на той же резкой ноте: — Вона идёт моё монгольское иго! — Она стремительно перемахнула через порог.

Скоро сквозь толстые стены жилища донеслось воркотное, ласково-зовущее:

— Пыри-пыри! Пырички! Идите, мои хорошие!.. идите... Я вам зёрнышек подсыплю... Пыри-пыри!.. Поклюйте, пырички мои... Поклюйте...

Следом и Шурочка, не проронив ни слова, быстро-быстро подхватила и покинула хату, оставив нам облегчение от мысли, что денег не попросила.

Тем днём Шурочку мы больше не видели.

Сногсшибительная, поразившая спящее воображение, новость о том, что у Шурочки нашёлся муж, пропавший ещё при Советском Союзе, облетела округу вмиг. С утра деревня лишь о том и судачила, перетирая новость до дыр.

— Свои мозги вывихнула, — сердечно сокрушалась тётя Неля после очередного пересуда с кем-либо из местных, — и другим голову набекрень сдвинула.

Мужа, как оказалась, Шурочка увидела днями по телевизору. Присела прочувствованно пережить новую серию кинотянушки, а увидела своего Толика в забубённой компании московских бомжей.

— Его на весь экран лицом показали! — будет говорить она, всякий раз вспоминая со слезами мимолётный кадр, а в тот миг закричала на разрыв сердца: — Толик!.. Толик там! — И истощно позвала внука: — Васька! Тама сичас деда показали!

Однако ни тогда, ни позднее Шурочка не сумела толком объяснить, ни по какому каналу высмотрела мужа, ни какая то была передача. И всё молила, молила, захлёбываясь слезами, внука:

— Васинька, миленький, ты найди его у Москве-то!.. Найди да привези домой... Чё ему там делать? Грязной... чумазой... а живой! Слава Богу, живой!

— Где ж я найду его? — Парень был в недоумении, узнав, что дед, который с рождения был для него категорией несуществующей, где-то бомжует.

— Это надо ж скумекать тако-то? — Учитывая, что сведения о Шурочке, как боевые сводки, поступали к нам обновлёнными каждый час от хозяйки, то всё шло с её же личными

комментариями: — Ты, грит Ваське, у милицию зайди — пусть помогут... От чудная, а то не сообразит, что у той Москве милиций мульён и бомжей — все десять!

Мы знали, что Шурочка после внезапной смерти дочери поднимала внуков одна, старший из которых уже служил в армии.

— Толька, — обстоятельно рассказывала тётя Неля, — от матери остался лет десяти, а малой совсем сопляк был. Усё за братишкой гонялси, а тот никогда его без присмотру не оставит. Смлада ответственный рос. Он бабке и деньгами рано стал помогать. Кажно лето у Петьки-арендатора подрабатывал. И после школы, до армии, на тракторе робил. А Васька, — вздохнула тяжело, — тот бабкой избалованный вырос. Школу не дотянул. Год ваньку провалял, а сичас с дружкой у Москву подались. Охранниками где-то... Уедут дня на два-три — потом неделю дома валяются... — и, что-то размыслив про себя, продолжила: — Раньше в сторожа мужики немощны шли да бабы детные. Удобно было: сутки отдежурят, трое — дома, а нонче вон каких бугаев усё держат!

— Раньше охраняли народное, потому как всё народу принадлежало, — с некоторой иронией подсказал муж.

— Ну-ну! — отреагировала хозяйка как-то неопределённо... И вдруг вскрикнула: — Дак, выходит, Тольку-то они в честь деда назвали?

Мы долго сидели на крыльце в молчании, вслушиваясь в умиленное «звень-звень»: то окликала кого-то по-над речкой иволга, а далёкая кукушка частым своим «ку-ку» спешила перебить её.

Угасал день.

Солнце, опускаясь всё ниже и ниже по небосклону, тянуло золотые нити к горизонту, где зрела зоревая сила. Вот-вот вспыхнет огнём-пожаром, запылает алым далекая западь — и потухнет день.

В широком небе ни облачка. Синь небесная, что вода-водица ключевая, чистая-чистая, сквозь которую пробует пробиться ранняя звезда-вечерица. И густеет, густеет, набирая невесомую плоть, воздух, подпираемый полынной степной свежестью, а стрижи, со свистом разрезая ту плоть, стремительными парами летали над опустевшей улицей.

— Глянь, а она токо идёт! — тётя Неля зорко высмотрела в дальнем конце улицы мелькнувший силуэт. И нарушила тем благодное молчание: — Шурочка так и проторчала на шляху цельный день. Усё курские автобусы стерегла.

Странно: в очередном кукушкином «ку-ку» послышалось вдруг участливое «где-где», «где...»

Муж, поёживаясь, поднялся со скамьи:

— Посвежело, однако... — И, уже направившись в дом, вдруг спросил: — А почему всё Шурочка да Шурочка?

— А кто ж его знает? — отозвалась тётя Неля. — Привыкли... а по-другому её никто и не зовёт.

Тему продолжила дома:

— Это отец её усё звал: Шурочка да Шурочка моя. Баловал дочь, а она сызмалу росла неумеха неумехой. Только обряжаться любила. После школы катила в Ташкент, где землетрясение страшное было. Потом с мужем, с дитём вернулась. И как уехала Шурочкой, так Шурочкой и вернулась. Толик так-то и звал её, что в глаза, что за глаза... Вообще-то он — мужик был работающий. Рукастый, но заводной. На одном месте усидеть не мог, усё куда-то рвалси. Оне, как из Ташкенту приехали, даже хозяйством обзавелись. Но — бестолковые! Завели корову, а она у их мочевиной объелась, и её вздуло. Ладно, хушь успели заколоть — мясо-то сдали, — поначала головой, вздохнула: — А он пожил-пожил год-другой да на БАМ завербовался. С БАМу вернулси, когда Люська-дочь уже в медучилище училась. Пожил-пожил с годок и опять куда-то маханул. Вернулся через срок увесь больной. Шурочка давай выхаживать, а Толик, как на ноги поднялся, познакомился на рынке с какими-то мужиками чужими. Те кооператорами назвались, предложили дело выгодное. Он клюнул... и пропал с концами... — и добавила неожиданное: — Такой вот селяви получилси!

Через сутки мы уезжали. Следующий день весь прошёл в работе и заботе стремительно, и Шурочки не видели. Она, как рассказала за ужином тётя Неля, вновь просидела до вечера на шляху, а домой вернулась уже вдребодан. И тётя Неля с грустью добавила:

— Еле на ногах держалась. — Вздохнула: — Известно: русская душа меры не знает... — И вновь глубоко-глубоко вздохнув, произнесла сокрушённо: — Разве то-то бабье дело? Ох, оплошала, девка моя, оплошала совсем... — И тут же добавила с укором тихо-тихо: — Судить да рядить мы усё мастера!

Рано-рано утром, когда ещё не до конца погасли звёзды, мы, распрощавшись с доброй хозяйкой, уезжали.

Машина тихо прокатила вдоль пустых обочин сонной улицы и быстро выехала за околицу, где седая полынь, кустисто разросшаяся вдоль дороги, колыхалась на слабом ветру и где кружил в воздухе сиреневый пух отцветшего чертополоха.

Одна за одной исчезали с высокого небосклона частые звёзды. Слабо забрезжил тонкой стёжкой утренний рассвет. Занималась заря — золотила небо. И широким пламенем

поднимался над землёй утренний эфирно-розовый свет, щедро выплеснувшийся из-под горизонта, зыбкой черты которого коснулось жаркой макушкой пробуждающееся солнце. И через край заливал округу вольный белый свет, а в высоком небе — звонкая чисть-красота!

Ещё с вечера решивши встретить восход, муж вёл машину к Пузатой горке напрямую через пустые пашни, заросшие густым злотравьем. Машина, гружённая деревенской снедью под завязку, по бездорожью двигалась натужно. Мы спешили на горку, чтобы успеть уловить тот миг, когда солнце, оторвавшись от горизонта, начнёт подниматься всё выше и выше в светозарном венце.

Наше место, однако, оказалось занятым: там стояла Шурочка. Мы узнали её издалека. Вскинувшись тонкими руками к небу и раскачиваясь, женщина что-то громко тянула нараспев.

Муж притормозил машину и очень-очень осторожно стал отъезжать назад. И хотя волшебный миг нами был пропущен, съезжая на грунтовку, мы искренне радовались, что не потревожили её, а солнце, распушившись над сонной землёй гигантским одуванчиком вполнеба, начинало новый день.

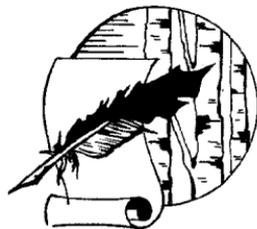
Мы долго молчали, одновременно переживая ощущение мгновенного счастья. И, уже выехав на трассу, щедро залитую солнечным светом, муж спросил:

— А карпеточки — это что?

Я не знала — высказала лишь предположение:

— Может, тётя Неля так гольфы назвала?

— Похоже: белые... нарядные...

Алексей ШОРОХОВ

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

* * *

- *А. Кувакину*

Так дохнуло далёкой зимой
На весёлое наше бесснежье,
Что не стало дороги прямой,
И кривую-то видим всё реже.

В этой тьме, что уснуть не даёт,
В этой вечности, вставшей за спины,
Слышны тёмные гулы болот
И осенние песни рябины.

Я всё больше теряюсь во мгле
Этих дней, вечеров, перепутий.
Я не помню уже, сколько лет
Этой долгой болезненной жути.

Я всё ждал, что товарищ придёт,
Что любимая встанет навстречу.
Но тридцатая осень — и вот:
Я один в этот памятный вечер...

Всё, что будет, уже сочтено.
Знать об этом — душе не пребудет.
Просто время такое: темно...
И дороже от этого люди!

* * *

Посв. Н.

Слушай, выпьем вина! Это море мудрей наших бед.
Посидим на камнях, побросаем медузам монетки.
Может, именно здесь начинается тот самый свет
В белой пене дождя, шуме волн и под ругань соседки.

Мы научимся жить, будто время уже истекло,
Будто ангелы к нам забредают по-свойски на ужин,
И мы вместе сидим и глядимся в живое стекло,
Где шевелятся звёзды внутри и сияют снаружи.

В этой толще воды — столько судеб, надежд, голосов,
Что становится страшно, когда зачерпнёшь их рукою!
Будто вечности гулкой вращается здесь колесо,
В белых брызгах дробясь и неся в измеренье другое.

...Почему ты не спишь? Этой сказке не будет конца.
Обними меня крепче, прижмись — и откроется море:
В белых космах волос и суровых морщинах лица,
Острых скулах валов и с извечной тревогой во взоре.

* * *

Б.Лукину

Как время-то тянется долго!
Как медленно зреет трава!
Пока меж сомнений и долга
Цветут золотые слова.

Как хочется жить! И дождаться!
До края судьбы добрести...
И хоть бы на миг задержаться
У щедрого мира в горсти!

* * *

Посв. Вик. Бородиной

Душа, как сад, роняет первый цвет
И алым ветром порошит в зарю.
И только счастья — не было и нет!
А я опять о счастье говорю.

Как нет любви земной, что без конца,
Которой с детства мы уязвлены.
А есть смешные глупые сердца,
Поющие в предчувствии зимы.

И есть великих сроков череда,
Когда под знаком славы и беды

Пред тем, чтобы угаснуть навсегда,
Качает сад тяжёлые плоды.

* * *

Одинокая в мире звезда!
Ни души, ни печали, ни тела...
Для чего ж ты так долго летела,
Быть звездой давно перестав?

Только свет — безначальный и злой...
Не томит, а скорее томится,
Обдавая сияющей мглой
Все к нему обращённые лица.

* * *

По уму и совести, и шире —
По всему, чего не обойти —
Расскажи, душа, об этом мире
Тем, кто призадумался в пути.

Расскажи о родине и боли,
О последних смыслах мировых,
Передай привет с далёкой воли
В переулках гулких и кривых.

Не суди, ведь и тебя жалели,
И несли порою на руках.
Где рубцы на совести и теле,
Там и правда в жизни и в строках.

Улыбнись, душа; небесным светом
Затопляет мостики твои.
Расскажи, как просто быть поэтом!
Оттолкнись, доверься — и плыви!

* * *

Осень проходит, и дни мои стали прозрачны.
Что-то роднит нас ещё с красотой неземною.
Вряд ли дела, что казались нужны и удачны.
Может быть, небо, пропахшее близкой зимою.

Может быть, родина... Радость её неотмирна!
Что-то последнее есть, несравненное в этой равнине.

Что-то такое, что хочешь ответить мирно
Всякому «здравствуй»...
— Во веки веков и отныне!

* * *

Когда все бессильные мира
Поймут свою силу, тогда
В полях ледяного эфира
Зажжётся над морем звезда.

И станет легко и не страшно
(И хватит и прав, и свобод)
Услышать над бездною влажной
Земли замирающий ход.

НА СМЕРТЬ ИГОРЯ БЛУДИЛИНА

Лежишь в темноте деревенской
И слушаешь звуки в ночи:
Какою-то тайной вселенской
Земля под тобою молчит!

И гнутся задумчиво ветки,
И тихо вздыхает постель,
И где-то совсем уже редкий
Тревожит поля коростель.

Исчезла в тумане округа,
И все мы теперь — корабли.
Плывём и не видим друг друга
Ввиду уже близкой земли.

И друг, обретающий сушу,
Сквозь тьму, сквозь туман, забытьё...
— Что взял он с собой? — Только душу.
Бесценную. Только её.

НОЧНОЙ ПОЖАР

Г.Полякову

Тьма за окнами — тьма, а не марево
Беспокойных больших городов.

И огромное страшное зарево
Средь ночных неподвижных снегов.

С каждым шагом тревожнее дышится,
С каждым метром — навстречу беде.
Вот сирена пожарная слышится,
Вот промчались... Но где это, где?

Ничего не видать за деревьями!
И зачем мы оставили дом
И бредём нежилыми деревнями
По дороге, покрывшейся льдом?

Что нас выгнало в поле с товарищем?
Что мы ищем в морозной ночи?
Вот проходим с опаской над кладбищем,
Где могилы неведомо чьи.

Всё тревожные мысли проносятся.
— Боже правый, прости, не суди!
И лишь пламя до неба возносится,
Как молитва из грешной груди.

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

Закат скользит над соснами, над кромкой.
И сизый сумрак следует за ним.
Над родиной печальной и негромкой
Вечерний час — недвижим и храним.

Лишь плеск реки да жалобы кукушки
Ещё тревожат сумерки мои.
Но дальних сосен алые верхушки
Уж не томят предчувствием любви.

Какой-то новой тишиною полный,
Я каждый день Тебя благодарю.
И всё сильнее, таинственнее волны
К незримому несутся алтарю.

И в этот час, как будто в час последний,
Седое море настигает нас,
Чтобы судьбу мою с судьбой соседней
Соединить — хотя б на этот час.

ВРЕЗАЮСЬ В ЗЕЛЁНЫЕ ВОЛНЫ

* * *

Юность просочилась между пальцев.
Мы и не заметили, когда
Отошли ночные тени парков,
Белые туманы у пруда.

Не мелькнёт в рассветы золотые
Силуэт любимый на тропе,
И теперь уже не запятые —
Точки расставляем мы в судьбе.

СЕВЕРНАЯ РЫБАЛКА

От Витимских пологих хребтов
До дрейфующих льдин океанов
Этот край миллионы веков
Возлежит среди вечных туманов.

В этих землях седая вода.
И рассветная тёмная птица
Из-под ног вдруг взлетит из гнезда,
Чтобы с белым пространством слиться.

Каждый шорох тут вечность хранит,
За которой — само мирозданье.
Смертны здесь только мы да гранит,
Разрушаемый нам в назиданье.

Но немислимый бешеный клёв
И реки бесконечная лента
Предвещают бессмертный улов
Нам, продрогшим, подвыпившим смертным.

Да, мы — смертны. И этим страшны.
Мы всё тянем визжащую леску,
Всё выуживаем из глубины
Обитателей призрачной бездны.

СТРЕЛОЧНИК

Он живёт на разъезде глухом,
Он нечасто выходит из дома
И себя осеняет крестом
При ударах тяжёлого грома.

Но когда громыхает состав
И разносятся песни вагонов,
Открывает трёхстворчатый шкаф,
Осушает стакан свой гранёный.

И сидит, и сидит, осовев,
Опершись о клеёнку локтями.
Что шумит у него в голове —
Самогон?
Или дума какая?

И опять под разгулы колёс,
Покачнувшись, выходит из дома
И стоит одинокий, как пёс,
И крестом осеняет вагоны.

* * *

Всё так безжизненно, угрюмо
В полях родного мне села.
Лишь посреди снегов, как рюмку,
Природа смерч приподняла.

На той картине, обречённой
Уйти навек в небытиё,
Как будто капли краски чёрной,
Стекает с неба вороньё.

Ты — моя малая держава!
Чем безнадежней ты, больней,
Тем тяжелее сердце давит
Тоска заброшенных полей,
Тем всё багровей след зазубрин
И ран кровавее края...

Тем безысходней ты возлюблен,
Край предков, родина моя!

* * *

Не расслышу голос дальний!
Не взойдут дневные звёзды!
И на долгий стук по ставням
Мне никто не отзовётся.

Зашагаю. Не окликнет.
В спину не заговорит.
Лишь скрипучую калитку
Кто-то молча затворит.

* * *

Всё залито густым туманом —
Вдали проплывшие кусты,
Берёзка, бледная поляна
И неподвижные цветы.

Слежу из кузова машины,
Как ствол теряет свой сосна —
И вот, белёсою пушинкой
Парит над рощею она.

А я с щемящею любовью,
Как пламя осени вчера,
Храню угрюмое безмолвье
И этот мир из серебра.

* * *

С тихим плеском убегает
Родниковая вода,
Бурунами огибая
Брёвна старого моста.

Убегает — не догонишь,
И догонишь — убежит,
Только с каждым днём всё тоньше,
Обречённой её нить.

Но когда протянет солнце
Золотое остриё,
Вдруг свеченье отзовётся
Из прозрачных волн её.

Холодок ползёт по коже,
Замираю, чуть дыша,
Как подумаю: быть может,
Не свеченье, а душа?

Ждать теперь уже недолго —
Встанет намертво шуга,
Сдавят речке этой горло
Ледяные берега.

Воду я ведром черпаю,
Я её с ладоней пью
И, дыханьем согревая,
Милой доченьке даю.

* * *

Покосы, покосы, покосы,
Дурмящий запах реки.
Лежат на душистой полоске
Поникшие вмиг васильки.

От зноя колышутся горы,
Пыльца, как туман золотой,
И суслики, спрятавшись в норы,
Тревожно следят за косой.

На сердце и сладко, и больно —
Вот так же и в жизни моей —
Врезаюсь в зелёные волны,
А сзади — безмолвье полей.

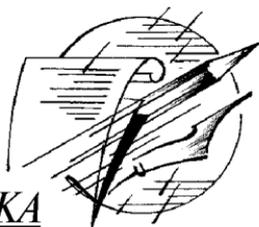
ОПЕРАЦИЯ «ЛИКВИДАЦИЯ»

9 декабря 2013 года президент В.Путин подписал указ о ликвидации Российской Книжной палаты с передачей ее имущества телеграфному агентству ИТАР-ТАСС. Указ лукаво назывался «О мерах по повышению эффективности государственных СМИ».

Новость была шокирующей — ни дирекция Книжной палаты, ни руководство ИТАР-ТАСС ничего не знали до того момента, как в программе вечерних новостей объявили о ликвидации организации и передаче ее имущества Российскому телеграфному агентству.

Издательский, библиотечный и научный мир впал в ступор — слишком многое было завязано на этой неприметной и неизвестной широкому кругу организации. Именно РКП была тем связующим звеном, благодаря которому сложная система функционировала без сбоев почти 100 лет.

Книжная палата занималась организацией работы государственного архива печати РФ, информационной системы «Книги в наличии и печати», выпуском библиографических указателей, присвоением ISBN, формировала библиотечную

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

базу, следила за рассылкой обязательных библиотечных экземпляров, устанавливала стандарты ведения каталогов, оформления ссылок, собирала статистику книгоиздания за год, а недавно начала принимать информацию о выпуске электронных книг. Ее фонд насчитывал более 80 миллионов экземпляров — такого нет нигде, даже в легендарной Ленинке насчитывается 40 миллионов единиц хранения.

На различных сайтах и форумах задаются бесконечные вопросы: людям непонятны причины уничтожения вполне работоспособного государственного учреждения. Что будет дальше? Кто возьмет на себя все эти функции, которые без малого 100 лет выполняла Книжная палата? И вообще, при чём здесь ИТАР-ТАСС? Что общего у библиографического учреждения и телеграфного агентства? Как соотносятся ретроспективная библиография и журналистика? Гораздо логичнее выглядело бы объединение РКП и Российской государственной библиотеки, у них хотя бы похожие задачи.

Интернет стал пестреть версиями и догадками — в том числе конспирологическими. В их числе назывались:

Кому-то очень понравилось имущество РКП — например, прехорошенький особнячок на Кремлевской набережной, прямо напротив Кремля! А то, что его занимает какая-то несчастная Книжная палата — временное недоразумение... (Правда, потом появилось уточнение, что передается только здание Можайского книгохранилища, что тоже час от часу не легче — именно там находится тот бесценный фонд, который собирали с 1917 года). Здание на Октябрьской — арендованное. А про главное здание на Кремлевской набережной — полное молчание. Тайна, покрытая мраком...

Конспирологически настроенные граждане пишут, что наступает «Новый мировой порядок», диктатура и «Средневековье-2», при котором все книги, газеты, журналы и прочие исторические документы подлежат уничтожению, чтобы можно было переписать историю страны. Якобы именно для этого ликвидированы РАН, РИА-НОВОСТИ, а перед ними РОСБАЛТ. То есть начался передел издательского рынка. Это могло быть сделано, чтобы удалить с рынка «неугодных» издателей, перекрыв им получение ISBN и ISSN. Ведь все, что они смогут после этого напечатать — будет на правах рукописи, фактически самиздат. Первоисточником и документом такая литература не является.

Это особенно актуально в связи с кризисом и дырявым бюджетом. Лучше деньги на что-то другое потратить, чем на поддержку хиреющей культуры в городах и селах необъят-

ной страны. Пусть население «Дом-2» по ящику смотрит, у кого он есть, конечно.

Не стоит забывать, что выдача международных стандартных книжных номеров осуществляется палатой на платной основе — 1200 рублей за один такой номер. Учитывая объем издаваемой в России печатной продукции, финансовая сторона деятельности ликвидированной организации также представляет интерес в определенных кругах.

Неизбежными последствиями ликвидации Книжной палаты станут: временный перерыв или полное прекращение выпуска государственных библиографических указателей, что неизбежно отбросит российскую науку на 100 лет назад; временное или постоянное прекращение фундаментальных и прикладных исследований в сфере печати и библиографии, статистического учета книгоиздания; постановка вопроса о создании альтернативного национального агентства ISBN; образование вакуума в источниковедении; угроза существованию входящего в состав Российской Книжной палаты и осуществляющего хранение обязательных экземпляров всех изданий на русском языке, вышедших с 1917 года.

И ещё хочется привести некоторые исторические даты, позволяющие проследить становление Российской Книжной палаты (информация взята с сайта данной организации). История Российской Книжной палаты начинается в далеком 1783 году, 23 февраля. В этот день вышел Именной указ императрицы Екатерины II: *«Из всех казенных и вольных типографий всякой в печать издаваемой книги по одному экземпляру доставлять в Библиотеку императорской Санкт-Петербургской Академии наук»*.

1792 год. Публикуется — 34-томный систематический каталог на русские и иностранные книги.

1899 год, май. Создано Русское библиографическое общество.

1905—1907 гг. Прекращение существования системы Обязательного экземпляра.

1917 год, 27 апреля (10 мая). Приступила к работе учрежденная на основе постановления Временного правительства Книжная палата — первое в мире государственное учреждение, созданное специально для регистрации произведений печати. У ее истоков стояли А.А. Шахматов, С.Ф. Ольденбург, С.А. Венгеров, П.Е. Щеголев, В.И. Срезневский, Б.Л. Модзалевский, Э.А. Вольтер, А.Д. Торопов, Б.П. Гущин, В.И. Чарнолуцкий, А.М. Ловягин, Е.А. Гейнц, И.А. Кубасов и др.

1920 год, 30 июня. В.И. Лениным подписано постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР «О передаче библиографического дела в РСФСР Народному Комиссариату просвещения». В осуществлении этого постановления в Москве при Госиздате организована Российская центральная книжная палата.

1922 год. Начало организации республиканских книжных палат. В этом году книжные палаты были созданы в Украинской и Армянской ССР. В других республиках книжные палаты организовались в разные годы.

1923 год. Российская центральная книжная палата приступила к разработке статистических сведений о печати. В 1924 году вышел из печати первый статистический ежегодник «Печать РСФСР в 1922 году».

1925 год, октябрь. Российская центральная книжная палата перешла из ведения Госиздата в ведение Главнауки и переименована в Государственную центральную книжную палату РСФСР.

С 1926 года Книжная палата стала издавать «Летопись журнальных статей».

В 1929 году Книжная палата издавала журнал «Библиография», а в 1930 году — «Библиография и библиотековедение».

1931 год. Начало издания новых органов государственной библиографии — «Летописи музыкальной литературы» и «Картографической летописи».

1933 год. Книжная палата стала выпускать «Летопись периодических изданий». С этого же года палата начала издавать теоретический орган — «Советская библиография».

1936 год, 27 июля. Постановлением ЦИК СССР за подписью М. И. Калинина утверждено «Положение о Всесоюзной книжной палате. В первых же строках Постановление сформулировало основные задачи Всесоюзной книжной палаты — учет выходящей в СССР печатной продукции и информация о ней. В качестве новой обязанности Палаты «Положение» предусматривало «контроль за выполнением издательствами и полиграфическими предприятиями установленных для выпуска произведений печати стандартов с правом привлекать виновных в нарушении стандартов к ответственности». В 1936 году палата приступила к изданию «Летописи газетных статей».

1941 год. Выпущен ежегодник «Библиография советской библиографии» за 1939 год. Издание ежегодников возобновилось после Великой Отечественной войны.

1941 год, 22—23 июля. Здание Всесоюзной книжной палаты на Новинском бульваре загорается в результате попада-

ния нескольких фашистских бомб. Огнём уничтожена большая часть оперативных материалов Палаты, нанесён огромный ущерб её деятельности.

1945 год, 29 июня. Указом Президиума Верховного Совета СССР «За успешное выполнение заданий Правительства по государственной регистрации и статистике печати, в связи 25-летием Книжной палаты» 25 её работников награждены орденами и медалями Советского Союза.

1989 год, декабрь. Начал свою работу Можайский государственный архив печати.

1991 год. Справочно-поисковый аппарат Книжной палаты содержит 30 миллионов библиографических записей. Архив печати содержит более 70 миллионов изданий.

1992 год, 30 ноября. Указом № 1499 Президента Российской Федерации Всесоюзная книжная палата переименована в Российскую книжную палату.

2005 год. Начала действовать электронная База данных «Книгоиздание военных лет. 1939—1945», в которой представлены сведения об изданиях, зарегистрированных в государственном библиографическом указателе «Книжная летопись», изданных Всесоюзной книжной палатой в 1939—1945 годах.

2006 год. Создание единой технологии библиографической обработки информации по неперIODическим и периодическим изданиям, современного банка данных и информационных продуктов на его основе.

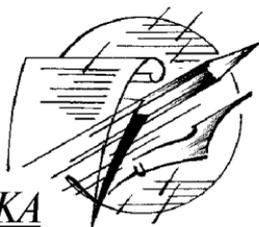
СТАЛИН, «СМЕРШЕВЦЫ» И «ЛИБЕРАЛЫ»

*(О философии знаменитого романа В. Богомолова
«Момент истины»)*

10 лет назад, под Новый 2004 год, умер Владимир Осипович Богомолов, автор знаменитого романа «Момент истины» («В августе сорок четвертого...»). Вот уже 40 лет «Момент истины» Богомолова по-прежнему остается лучшим современным русским детективным романом, несмотря на бурный расцвет жанра в последние годы.

Книга издавалась миллионными тиражами, входила в «элитный» список изданий, подлежащих в советские годы обмену на макулатуру. В чем секрет такого успеха Богомолова? «Момент истины» — это не просто увлекательный детектив, а яркое, психологически глубокое произведение, написанное хорошим, добротным языком, с оригинальным построением и композицией.

Напомню кратко его сюжет: советской контрразведкой перехватывается радиограмма вражеского передатчика с позывными КАО, из которой очевидно, что квалифицированная немецкая резидентура ведет наблюдение за линиями железных дорог в Западной Белоруссии и Литве. Именно здесь тайно готовится советским командованием крупное на-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ступление. Действующие в тылу агенты противника могут сорвать эти планы. Группа «смершевцев» под командованием капитана Алехина перебрасывается в Шиловический лесной массив, где был зафиксирован последний выход в эфир немцев. Поиски приводят Алехина, Таманцева и Блинова на узловую станцию Лида. Где-то здесь, среди эшелонов, забивших станционные пути, бродит враг.. Он может замаскироваться под кого угодно — например, под сошедшую с ума женщину, потерявшую сына на фронте. Разоблачить такую не под силу порой и опытному психиатру. Только «чистильщик» Таманцев (от Богомолова и пошло это популярное в нынешних шпионских фильмах выражение), увидев, как «сумасшедшая» подняла вдруг руку на уровень глаз и в ней что-то, вроде зеркала, блеснуло, заподозрил неладное...

Пока идут розыскные мероприятия по делу о передатчике с позывными КАО, Сталин отдает распоряжение задержать литерные эшелоны с танками, перебрасываемые к фронту. «Конечный пункт назначения этих эшелонов не положено знать даже военным комендантам и начальникам передвижения войск на дорогах, не говоря уже о сопровождающих. Для чего же все это? Для чего все эти предосторожности?.. С привычным чувством своего превосходства над окружающими он отметил, что первым понял и, наверно, единственный в эту минуту до конца осознал, какую угрозу представляют действия группы «Неман» для подготавливаемой операции».

В этой знаменитой главе («Вставке ВГК») Богомоловым, в сущности, сказано о Сталине то, что до сих пор еще не сказано четко историками.

Ведь по сей день ведутся дискуссии: какова же была истинная роль Сталина в войне? Действительно ли он был «великий полководец» или полный профан в военном деле? Богомоловский Сталин не является полководцем-практиком уровня Жукова, Василевского или Рокоссовского, но он — безусловный авторитет по части общего планирования наступательных операций, формирования, вооружения и скрытого сосредоточения свежих армейских резервов при одновременной глобальной дезинформации противника. А именно эти факторы, как писал Г.К. Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях», предопределили наше стратегическое преимущество перед немцами в период Сталинградской битвы и после, а вовсе не готовность «завалить трупам» противника! Ни одна крупная операция в Великой Отечественной войне не готовилась с таким расчетом: мы должны победить, потеряв вдвое больше солдат, чем противник, — все равно, мол, у нас солдат больше! Все эти наши воинские потери в

десятки миллионов человек вымышлены историками-фальсификаторами. Красная Армия потеряла немногим больше немцев — 8 668 400 человек (в том числе 1 783 300 не вернувшихся из плена), а немцы вместе с сателлитами (на Восточном фронте) — 8 643 700 человек (без пленных). Из них немецких солдат было убито 6 923 700 человек, а наших (без пленных) — 6 885 100 человек! То есть непосредственно в бою мы понесли меньшие потери убитыми, чем немцы! (Данные приводятся по книге «Гриф «Секретно» снят»: М., Воениздат, 1995). И достигнуто это было в немалой степени благодаря стратегическому и тактическому превосходству нашего Генштаба перед немецким в 1943—1945 гг., вовремя подготовленным, вооруженным, скрыто подтянутым и развернутым резервам.

Но мы были куда милосерднее к гражданскому населению Германии, чем немцы и их союзники — к нашему.. Отсюда и 27 миллионов погибших и не родившихся в годы войны советских людей.

Если бы Сталина не волновали потери Красной Армии, он бы не останавливал литерные эшелоны с танками, не занимался бы маскировкой наступательной операции. Психологический портрет Сталина как Верховного главнокомандующего придал роману с детективным сюжетом характер глубокого исторического повествования, что, к сожалению, не получилось у создателей фильма «В августе 44-го...», безусловно и предвзято сокративших «сталинский эпизод». Вероятно, поэтому В. Богомолов и снял свою фамилию из титров картины.

Но «Момент истины» — еще и философский роман, хотя вроде бы ни автор, ни его герои (за исключением, пожалуй, Сталина) в тексте не философствуют.

Герои романа — живые люди и находятся во власти субъективных и объективных представлений о мире. И «смершевцы» из группы Алехина, и даже их начальники Поляков и Егоров, не говоря уже о бесславно погибшем капитане Аникушине, видят лишь ту картину происходящего, которая им доступна. Чаще всего они воспринимают мир субъективно — кто-то в большей степени, кто-то в меньшей. Например, у лично храброго капитана Аникушина субъективные представления преобладают, в отличие, скажем, от тонкого аналитика подполковника Полякова. Аникушин говорит Алехину, который из-за охоты на шпионов уже месяц ни поесть, ни поспать нормально не может: «Я в армии четвертый год и вашей «спецификой», поучениями о бдительности не то что сыт — перекормлен! Однако ни одного шпиона даже во сне

не видел!..» Аникушину, очевидно, ближе толстовский взгляд на войну, где имеет значение только личная доблесть, а все планы «штабных» бессмысленны, нелепы и никогда даже приблизительно не исполняются. И.С. Тургенев во время франко-прусской войны 1870 г. остро почувствовал субъективность толстовских философских и исторических концепций, наблюдая за умелыми действиями немецкой армии: «Не во гнев будет сказано графу Л.Н. Толстому, который уверяет, что во время войны адъютант что-то лепечет генералу, генерал что-то мямлит солдатам — и сражение как-то и где-то проигрывается или выигрывается, — а план генерала Мольтке приводится в исполнение с истинно математической точностью, как план какого-нибудь отличного шахматного игрока...»

Но даже хорошо продуманные объективные стратегические планы не в состоянии выполняться без субъективных качеств солдат и офицеров — той же личной доблести, смелости, самоотверженности, самостоятельности.

В больших событиях не бывает маленьких людей.

Алехин, Таманцев и Блинов не знают про литературные эшелоны с сотнями танков, задержанные на Московском железнодорожном узле, но они знают *свое*: что войсковая операция, затеянная Сталиным, может уничтожить вражескую разведгруппу, но не уничтожит проблемы. Чтобы взять агентов живыми, Алехин даже идет на прямое нарушение приказа Ставки. Его субъективизм в данном случае более объективен, чем объективизм сидящего в Кремле Сталина. А вот голая принципиальность Аникушина, его «деревянный» субъективизм стоит ему жизни и чуть не приводит к срыву операции.

Объективной картиной мира в романе владеет только Сталин, но лишь одна глобальность его взгляда не в состоянии обеспечить успешное проведение операции «Неман». Между объективным и субъективным в мире должна быть некая гегелевская гармония, Абсолют призван воплощаться как в большом, так и в малом. Такова, по учению философов-идеалистов, картина устройства Богом мира. Земная иерархия власти есть всего лишь грубое отражение иерархии небесной. В области духовных представлений мы можем узнать о мире ровно столько, насколько близко сможем подойти к Божьей правде, а в реальном мире правда, очевидно, там, где удастся преодолеть противоречие между субъективным и объективным. Но как «преодолеть»? Об этом, в сущности, и написан роман Богомолова. Нужен «момент истины», вспышка, озарение, когда, как с вершины горы, вдруг видишь все — и «ближнюю» правду, и «дальнюю».

Как ни странно, именно эта важная идея романа не была понята критиками — или они ее не приняли. Мне не доводилось читать по-настоящему серьезных статей о «Моменте истины». Вообще, Владимиру Богомолу выпала довольно странная творческая судьба. На первый взгляд, она была более чем успешна. Все его значительные произведения экранизированы, фильм А. Тарковского «Иваново детство», снятый по повести Богомолова «Иван», стал классикой мирового кино. Но он в советское время не был даже членом Союза писателей, не был им и после...

Это был весьма загадочный человек. Как стало известно в последние годы, при рождении (в 1926 г.) он получил имя Владимир Иосифович Войтинский, а Богомолым стал лишь в 1953 г. Откуда взялась фамилия Богомолов — неизвестно. Отцом писателя (по некоторым сведениям — отчимом) был юрист Иосиф Савельевич Войтинский. Но он, подобно другому юристу, отцу В. В. Жириновского, с семьей жить не стал. Мать Владимира, машинистка журнала «Знамя» Надежда Тобиас, оставила сына на попечение своим родителям в деревне Кирилловка (или Кириллово) Московской области. Там Владимир и жил до 1936 года, пока в результате несчастного случая не погиб на стройке его дед. Тогда Н. Тобиас забрала 10-летнего мальчика к себе в Москву. «Воспоминания о предвоенной жизни в столице тусклы и безрадостны, — вспоминал впоследствии В. Богомолов, — в такой бедности, точнее нищете, как в подростковом возрасте, я никогда больше не оказывался». В июле 1941 г., прибавив себе два года, он ушел добровольцем на войну. До сентября 1944 г. Богомолов воевал в Красной Армии, а потом служил в органах госбезопасности (до ноября 1949 г.).

...В начале 60-х годов критики еще включали Богомолова в «обойму» ведущих советских писателей. По всем литературным законам следовало ожидать, что после триумфального успеха «Момент истины» в 70-х годах автор будет зачислен в разряд живых классиков. Но вместо этого... он перестал упоминаться даже в качестве серьезного писателя! Вероятно, как и в случае с двумя первыми книгами «Тихого Дона» Шолохова, мы имеем дело с неким загадочным явлением под названием «заговор молчания» критиков. На мой взгляд, это объясняется так: слишком многих не устроила философия романа.

Они увидели в капитане Аникушине прообраз «шестидесятника» (ныне бы мы сказали — «болотного активиста») — человека, быть может, субъективно честного, но объективно несущего в себе разрушительное для государства и общества начало.

Аникушины стояли у истоков разрушения СССР. Им казалось, что если протекает крыша, надо ломать стены. В этом смысле Аникушин невольно (а может, и сознательно) противопоставлен Сталину, который своим глобальным объективизмом как бы уравновешивал в государстве субъективизм миллионов. Он говорит людям, «делающим все возможное»: «Мы вас не ограничиваем — делайте и невозможное!..» Именно так герои «Момента истины» и поступали и, вероятно, «шестидесятникам» здесь померещился «сталинизм». Но ведь они это делали не ради Сталина. Чтобы одолеть могучего врага, на войне каждый отдельный подвиг должен быть частью общего Подвига. Хочешь — не хочешь, Сталин стал выразителем коллективной воли миллионов людей. Ведь не так уж и просто выйти за пределы личного субъективного мира, не видя перед собой символа мира объективного. Это уже не пресловутый «культ личности», а философский принцип Абсолюта в действии.

В сущности, не Сталин говорит героям романа: «Делайте и невозможное!», а сам окружающий мир. Люди во все времена способны своими личными усилиями изменять мир, какой бы незначительной ни казалась их роль в глобальных событиях. А мир, для которого неподвижность — гибель, именно этого от них и ждет.

О РУССКОМ ПАТРИОТИЗМЕ

В сегодняшних испытаниях медленно выплавляется облик нового политика. Главная политическая задача современности — воспитание полноценной патриотической политической элиты: «Всякое государство организуется и строится своим ведущим слоем, живым отбором своих правящих сил... Основная задача русского национального спасения и строительства... будет состоять в выделении кверху лучших людей — людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости и сверхклассового единения» (И.А. Ильин).

Какими качествами должен обладать новый ведущий слой в России? Без ощущения национальной принадлежности, без чувства патриотизма — любви к Родине — человек лишён онтологических связей с бытием, его душа не способна многое понять, оценить и действовать достойно и плодотворно. Ибо, если человек не ведает земную Родину, через которую открывается Отечество Небесное, он не знает, для чего рождён, в чём смысл жизни, для него не существует инстанция ответственности, долга и совести.

РУССКИЙ ВОПРОС

«Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется он через лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан через Родину и с материю-землей, и со всем Божиим творением» (прот. Сергей Булгаков).

Иван Ильин писал о том, как русская поэзия выражала отношение русского человека к своей Родине: «Она видела в России наше материнское лоно, нашу детскую колыбель, наше духовное, отеческое гнездо, наш возвращённый нами перед лицом Божиим духовный сад». Отечественные заветы дают духовные ориентиры. В них предстаёт тип национального героя, болеющего за общее дело, любящего свой народ, преданного своему Отечеству — это и Владимир Красное Солнышко, и Александр Невский, и Александр Суворов, и Аркадий Столыпин. Безродный, «крутой» «супермен» в преданиях русской старины — всегда разбойник, бунтовщик, душегуб. Беспочвенное космополитическое сознание порождает разнообразные фантомы — от мировой революции до нового мирового порядка.

Различным «партиям» и группам разных общественных мнений ныне нужны в России и от России разные вещи. «Демократам» и «либералам» нужны «демократия» и «свобода», интеллигенции — свобода самовыражения, бюрократии нужна власть над Россией, верующим — нужны храмы и возможность свободного отправления обрядов. Но мало кого заботит, что нужно собственно самой России? А что такое, спросят, Россия как таковая? На эмпирическом уровне это прежде всего народные массы. Не то чтобы только они и только в них выражалась общероссийская потребность, но всё же массы — это большинство, и если думать о благе России, то это касается прежде всего её народных масс. Именно простонародные массы наиболее бесправны и поработены во всех смыслах и во всех ситуациях — и при коммунистах, и при «демократах», и при чиновных капиталистах.

Но в программах всех общественно-политических групп нужды этого большинства народа учитываются меньше всего. С другой стороны, те, кто пытался говорить о народе и от его имени, как, например, писатели-деревенщики, говорили много пронзительно истинного, но оказывались беззащитно предвзятыми. Боль деревни, которой они озабочены, зачастую делает их малозрячими к другим проблемам, а полемическая горячность уводит от осмысления глубинных пластов

русской истории и культуры. Конечно, не только простонародные массы являются носителями общенационального жизнеощущения, и не столько они оказываются его выразителями. На то и «образованное общество», чтобы осознать инстинктивную духовную ориентацию народа. Но в том, что сегодня называется общественным сознанием, крайне мало именно основной составляющей — положения, нужд и заботы русского человека.

С другой стороны, большинство предлагаемых программ партий и властей составлены как бы вне той страны, которой они предлагают или пытаются управлять, то есть вне русских исторических традиций. Господствующая забота общественных сил направлена на то, чтобы искать рецепты где угодно, только не в русле исконно русской цивилизации. И наших священников, и верующую молодежь, и современных православных мыслителей и историков нередко интересует то в русском духовном наследии, что было вовсе не лучшим, не высшим и не вечным. Мы во многом слепо бродим по периферии русского духа. При всей важности «актуальных» для православной общественности проблем, они всё же оказываются не главными вопросами христианской веры, христианского упования, христианского спасения. Трагедия нашего Отечества выбросила современные поколения в пустоту безвременья. У многих заглушено ощущение религиозных основ жизни, мы не знаем, кто мы, не понимаем, где находимся и для чего родились, — даже не осознаём, что должны это знать.

Мы оказались лишёнными традиционного жизненного уклада, пепелища наших домов запаханы, погосты осквернены, могилы наших дедов и отцов разбросаны по всей земле. У нас нет той атмосферы родного дома, которая близка и мила с детства на всю жизнь. Наши ностальгические привязанности случайно лепятся к изуродованным и опохабленным улицам и домам городов, в деревне уже не к чему прирасти душой. Почти ни у кого нет родного дома, редки друзья детства, забываются кровные связи, оставшиеся искажены. Мы родились оторванными от корней, от почвы. К тому же поток духовных наркотиков из-за рубежа окончательно затуманивает наше сознание. Ни йога или антропософия, ни спиритизм или парапсихология, ни сектантство западных миссионеров-толстосумов, ни идеалы потребительского общества или глобализации не могут дать нам ответа на главный вопрос жизни: зачем мы живём именно здесь и сейчас? Мы начнём приходить в себя, если попытаемся вспомнить: какой сегодня день, какое место он занимает в череде дней,

называемой нашей историей, что в ней произошло? Мы должны опомниться и осознать себя в ряду исторической преемственности и традиции.

Только возвращение исторической памяти поможет восстановить разорванное сознание, идентифицировать себя, свою личность, ибо ответ на вопрос: кто я? — невозможен без ответа на вопрос: кем мы были? Таким образом, чтобы осознать себя, мы должны понять судьбу своего народа, провиденциальный смысл пережитой в XX веке трагедии. Без этого все интеллектуальные упражнения останутся лишь беспочвенным фантазированием, формами бездумья, беспамятства. В навязанном безродстве мы призваны вспомнить наше духовное родство, восстановить разрушенные жизненные связи с землей, предками и друг с другом. Опыт безвременья учит не принимать временное за вечное, не отдаваться тленному и сиюминутному. Десятилетия идеологического террора выжгли нам души, но и пробудили жажду любви к духовным истокам жизни. Под развалинами и «эверестами» лжи сохранилась духовная основа Родины — Православие — религия покаяния и прощения, любви и милосердия, свободы и ответственности, утверждения божественного достоинства личности и соборного единства человечества. Только на этих вечных устоях можно восстановить наше земное отечество. Новое духовное измерение означает возврат к своим истинным началам в вечности — к органичным истокам нашей культуры, к русскому Православию, к русской идее.

Точками отсчёта истинного понимания и действия могут быть только Бог и Россия, Распятый Христос и Русская Голгофа. Христианство — религия трагического оптимизма, религия смерти и Воскресения Богочеловека (смертию смерть поправ) — наделяет человека зарядом исторического оптимизма: преобразование мира и спасение души — за пределами истории, но достигаются они усилиями мира сего. Мы обязаны не выпустить из рук спасающей духовной эстафеты поколений — те невидимые взору духовные реликвии, которые в тягчайших условиях были сохранены нашим народом. Спасёт нас не возврат в прошлое, а творческое движение к собственным духовным истокам — «вперёд к отцам» (прот. Григорий Флоровский): возрождение Русской идеи как квинтэссенции национального духа. Русская идея, рождённая в Православии, итожит исторический опыт, который народ обретает в трагических испытаниях, в котором открывается его историческое призвание. Чтобы различить движущие исторические силы и определить смысл происходя-

шего, нужно прикоснуться к духовному пульсу народа. Как и всякая душа, душа народа открывается только взгляду любви. Россию не понимают те, кто её не любит.

Душа России не уничтожена и незримо является нашей основой: «Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский» (Н.В. Гоголь). Уже Гоголь остро чувствовал отторжение образованного общества от Родины: «Велико незнание России посреди России... Вы ещё не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всём дурном, что в ней ни делается, в вас всё это производит только одну чёрствую досаду да уныние... Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России, и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща, и что с ней возможно всё сделать. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей».

Со времён перестройки долгие годы среди либеральной интеллигенции слово «патриотизм» является ругательным, а любовь к Родине считается постыдным чувством, которое лучше скрывать как уродливое родимое пятно, — Россию, мол, нужно чистить по западным образцам. Но такая ориентация не имеет в России перспектив: «Западнические идеологические комплексы обладают весьма небольшой притягательной силой для масс, поскольку не имеют опоры в этнических архетипах, которые несут в себе сильный эмоциональный заряд и представляют собой как бы энергетический потенциал народа» (Ксения Касьянова). Однако и противоположная крайность — шовинизм — гибелен и, надо сказать, мало воспринимается универсальным по природе русским сознанием. Патриотическое и национальное жизнеощущение было одной из сильнейших созидующих сил в истории. Любовь к Родине, к её духовным истокам, воссоединяет личность с соборно-персоналистическими основаниями бытия: с вечным заветом Бога с человеком, с соборным согласием вечных человеческих душ, с заветом Бога и народа. «Нация — это общность святых» (А.В. Гулыга). Речь идёт о любви в истинном смысле слова: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит» (1 Кор. 13. 4-7). Это, можно сказать, онтология любви. И такая

любовь к своему Отечеству не закрывает и не отъединяет от других, но побуждает ко всечеловеческому.

Истинная любовь к своему народу не противостоит личности и человечеству, она содержит выход за собственные пределы. Эту черту патриотизма утверждал Достоевский: «Русский постольку русский, поскольку он всечеловек». В той степени, в какой народам был присущ такой патриотизм, русские вносили свой вклад в духовные достижения человечества. Русский патриотизм — это любовь к своей многострадальной земной Родине, к тому единственному месту на земле, где душа человека низошла в мир, и где ему впервые открылось Небо. «Быть русским, жить и думать по-русски — это значит пребывать в том типе жизни, в том строе мысли, которые национальны для России, то есть выражают вековую и тысячелетнюю мысль и жизнь нации» (Л.А. Тихомиров). Как всякая истинная любовь, любовь к Отечеству исключает националистическую гордыню, шовинистическую ненависть и агрессию. Жертвенное патриотическое сознание избегает искуса самообольщения: оно способно критически осмыслить свою историю и учесть чужой опыт. В этом смысле патриотизм — источник понимания как своего, так и других народов. Патриот всегда государственный, ибо традиционное государство охраняет жизненные устои народа, только оно способно обеспечить силу права, в противоположность разгулу права сильного.

Чтобы стать подлинно патриотической, русской интеллигенции необходимо изжить болезненные прозападные комплексы и припасть к истокам — к тысячелетней русской православной традиции: «России надо: проникнувшись идеей, какого сокровища она одна остаётся носителем, свергнуть иго западническое и стать самой собою с ясно сознанным целью» (Ф.М. Достоевский). Патриотическая позиция — это умеренный национальный консерватизм, основанный на вечных ценностях, настроенный руководствоваться органичными глубинными переворотами в национальном духе: «Все великие моменты в жизни русского народа как бы не имеют предвестников, или, по крайней мере, значение и важность этих предвестников далеко не соответствует значению и важности ими предвозвещаемого. Сам переворот, однако же, не происходит, конечно, как *Deus ex machina*. Только предшествующий ему процесс есть процесс чисто внутренний, происходящий в глубине народного духа незримо и неслышимо. Старый порядок вещей или одна из сторон его не удовлетворяет более народного духа, её недостатки уясняются внутреннему сознанию и постепенно становятся для него омер-

зительными. Народ отрешается внутренне от того, что подлежит отмене или изменению; борьба происходит внутри народного сознания, и когда приходит время заменить старое новым на деле, эта замена совершается с изумительной быстротой, без видимой борьбы, к ошеломлению тех, которые думают, что всё должно совершаться по одной мерке, считаемой ими за нормальной. В народном сознании происходит тот же процесс внутреннего перерождения, который совершается в душе отдельного человека, переходящего из одного нравственного состояния в другое, высшее» (Н.Я. Данилевский).

Консерватизм как ориентация на вечные основания земного бытия народа предпочитает политический реализм утопизму и авантюризму; благотворные преобразования — социальным потрясениям; конституционные реформы — революционным переворотам; созидательный прагматизм — радикализму и экстремизму всех оттенков; согласование интересов — борьбе классов и народов.

Просвещённый патриотизм — это принятие личной ответственности за свою историю, культуру, за общее духовное наследие и среду обитания. Это отношение к профессии как к божественному призванию, гражданскому служению. Русский патриотизм — это переживание судьбы России как своей личной судьбы, её будущего — как результата наших сегодняшних решений и усилий. На этой грешной земле у нас общая судьба только со своим народом. Хотим мы этого или не хотим, но наша русскость есть онтологический наш статус, на который можно закрыть глаза, но его невозможно отменить. Ибо наше рождение здесь и теперь является не результатом сплетения хаотических обстоятельств, но провиденциально. История и культура нашего народа есть наша судьба, основа нашего самоопределения. Человек как свободная личность способен отказаться от Родины, от своего происхождения, отпасть от судьбы своего народа. Но это означает, что он своевольно отказался от данной ему в вечности земной миссии, чем повредил собственную природу, стал, по существу, другим человеком. Поэтому для русского человека окончательно уехать из России — всё равно, что умереть и родиться заново. Нам враждебны одержимые идеологией мажорки либо мировой революции, либо мировой демократии, мирового порядка, разрушающие нашу Родину и прельщающие наши души. Но мы, соотечественники, — братья во Христе на небесах, призванные опознать и реализовать наше небесное родство на земле. У нас общая Небесная Родина и одно земное Отечество, нашим душам даны общая задача,

единое место, время и бремя воплощения. Мы разбрелись, растерялись, потеряли себя и друг друга, многие из нас впали в беспамятство, в беснование, одержимые наши братья долгие годы уничтожали всё вокруг и друг друга. Живя в одном доме, все мы оказались духовно больными, в той или иной форме бациллы идеологических маний поразили всех нас.

Теперь наступает время мучительного и долгого отрезвления. Возрождение России возможно при духовном единстве личности и нации. Если мы омоем взор переживанием российской трагедии, если будем руководствоваться долговременной целью (сверхидеалом), то сможем различить в сутолоке настоящего контуры грядущего. Каждый из нас призван определиться как гражданин Великой России, не быть пассивным наблюдателем и поддержать всякий импульс к возрождению.

Дмитрий САВВИН

СБЕРЕЖЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Национализм, по сути своей, есть не что иное, как реализация права на сохранение и развитие собственной национальной идентичности. Но с ним случилось примерно то же, что в определенный момент случилось с монархизмом. Произошла профанация и подмена основных смыслов, без которых националистическая идеология исчезает.

В последнее время мы все являемся свидетелями событий, которые, в принципе, можно характеризовать как отрадные. Такое понятие, как русский национализм, прежде в официозных и леволиберальных СМИ трактовавшееся как исключительно негативное, постепенно приобретает иное, положительное звучание. Процесс своеобразной реабилитации национализма шел на протяжении последних лет. И на сегодняшний

день мы имеем, с одной стороны, Путина, называющего себя «русским националистом в хорошем смысле слова», с другой, например, Радзиховского, готового, по крайней мере, признать некую правду именно за русским национализмом.

Одновременно с этим мы видим, что идеи, которые СМИ обычно трактуются как националистические, встречают все более широкую поддержку. (Вспомним, как освещались события в Пугачеве, Бирюлеве и т.д.) Недавно на одном «круглом столе», участником которого мне довелось быть, прозвучало примерно следующее: «Мы наблюдаем уникальный, массовый всплеск русского национализма».

В свое время белый атаман Григорий Семенов, характеризуя своих соратников, вместе с ним оказавшихся в изгнании, написал: «Подавляющее большинство... являются такими же русскими националистами, каким являюсь и я сам». Можем ли мы считать Белое движение националистическим? Очевидно, можем. Во-первых, сохранившиеся сведения о белых вождях дают основания утверждать, что большинство из них, несомненно, присоединились бы к словам Г.М. Семенова. Во-вторых, Белое движение как национальное сопротивление коммунизму — явление универсальное, а не специфически русское. А белые других стран (например, Испании) официально определяли себя именно националистами, а не как-либо иначе.

Что же, если сопоставить, с одной стороны, эти факты, а с другой стороны — заявления о «массовом русском национализме» в современном российском обществе, то можно утверждать, что Белое (оно же национальное русское) дело побеждает?

К сожалению, едва ли.

С национализмом случилось примерно то же, что в определенный момент случилось с монархизмом. Как сказал один мой знакомый: «Когда в 1989 г. человек заявлял себе, что он монархист — это говорило о нем всё. Сейчас, когда человек заявляет, что он монархист — это не говорит о нем ничего». Аналогичная ситуация, только примерно на 10 лет позже, приключилась и с национализмом. А именно произошла профанация и подмена основных смыслов, без которых националистическая идеология исчезает. Например, межэтнические столкновения, вызванные нередко конфликтами криминального или социального плана, характеризуются как «проявление национализма» и т.п.

Меж тем не мешало бы задаться вопросом: против чего же сражались в рядах белых армий русские националисты, а в рядах армии Франко — националисты испанские, если тогда не было проблем с мигрантами? Не переселялись в Рос-

сию и Испанию узбеки и алжирцы. И не было повода даже ставить вопрос о введении визового режима со Средней Азией. Но люди брали в руки оружие и шли на смерть. Для чего была нужна довольно веская причина.

И она очевидна. Национализм, по сути своей, есть не что иное, как реализация права на сохранение и развитие собственной национальной идентичности (религиозной, культурной, расовой), для чего требуются определенные политические институты, как максимум — собственное национальное государство. Соответственно, врагом для националиста является тот, кто покушается на его национальную идентичность, пытаясь либо полностью ее уничтожить, либо блокировать ее развитие.

Исходя из этого, становится понятным, почему тот же Франко не имел ничего против марокканской кавалерии, но не мог примириться с единокровными испанцами-коммунистами. По тем же самым причинам Колчак или Врангель не возражали против мусульманских отрядов, Семенов и Дитерихс прекрасно находили общий язык с монголами-буддистами, но никто из них не согласился бы жить на одной земле с большевиками, пусть и русскими по крови. Ибо большевизм разрушал самые основы национального бытия русского народа.

Именно здесь мы и находим критерий, посредством которого можно с высокой долей точности определить: кто из нынешних политических фигурантов, системных и несистемных, офисно-интеллектуальных и улично-брутальных, в действительности является русским националистом. Ответ простой: тот, для кого вопрос сохранения и развития русской национальной идентичности является первостепенным.

Как только мы начнем прикладывать это мерило к существующим ныне политическим или околополитическим объединениям, то не без удивления обнаружим, что русских националистов среди них совсем немного. Если брать массовое народное возмущение мигрантами из Средней Азии и Закавказья, то оно, во-первых, существует отдельно от каких-либо организаций и выливается в уличные столкновения также без их участия. А во-вторых, причины этого возмущения, по сути своей, криминального или социального порядка. Людей просто не устраивает то, что их убивают, а равно их не устраивает избыток сравнительно дешевой рабочей силы, вследствие чего они теряют заработок. Безусловно, это очень веские причины для недовольства. Но они, мягко говоря, несколько иные, чем те, которые заставили взяться за оружие Семенова или Колчака.

То же самое можно сказать и про различные русские организации, претендующие на звание политических движений и даже партий. Требования введения визового режима со стра-

нами Средней Азии, борьба с нелегальной миграцией и коррупцией — все это разумные и правильные требования, но, по сути, это ничем не отличается от того, что может и должен требовать любой честный либерал. Собственно, большинство нынешних «новых» националистических организаций на деле националистическими не являются. Это объединения классических либералов или же правых социал-демократов и даже социалистов, в лучшем случае использующих те или иные элементы националистической риторики. Главный вопрос — вопрос сохранения и развития национальной идентичности — как правило, не рассматривается. А если рассматривается, то так, что лучше бы этого не делали никогда.

Сам факт, что в среде условных русских националистов имеют место дискуссии о том, возможен ли русский национализм вне связи с православием и каким должно быть, позитивным или негативным, отношение к исторической России (до 1917 года), является вернейшим признаком их идейного помешательства. Самая постановка таких вопросов, естественная для либерала или социал-демократа (даже для ксенофобствующего либерала или социал-демократа), невозможна для русского националиста, потому что автоматически ставит его вне собственно националистического дискурса. Ибо русская национальная идентичность неотделима от общества и государства, ее сформировавших. Негативное отношение к исторической России есть отрицание русской национальной идентичности, является принципиальным разрывом с русским национализмом.

Тут, впрочем, стоит оговориться: вполне возможны некие новые националистические идеологии, использующие те или иные куски общерусского наследия при негативном отношении к исторической России в целом. Например, идея формирования некой новой идентичности на основе традиций Новгородской республики и т.п. Подобные конструкты вполне возможны, почему нет? Ведь сумел же создать Атагюрк турецкий национализм, противопоставив его историческому османскому наследию. (Правда, этот эксперимент, судя по всему, в длительной перспективе обречен, но временный успех, безусловно, был.)

Отрицать эту возможность нельзя, она объективно существует. Но нужно понимать: такого рода национализм будет не русским, а, скажем, новгородским или еще каким-нибудь «залесским». И более того, именно потому, что он будет эксплуатировать те или иные элементы русской истории и культуры, в отношении русской идентичности в целом подобный новодел может занимать исключительно антагонистическую позицию. Собственно, мы не раз уже наблюдали это на практике, и примеры известны слишком хорошо, чтобы их называть.

В общем, мы имеем ситуацию, когда людей, ощущающих себя угнетенными по национальному признаку, много, а вот носителей русского национального самосознания среди них мало. Ксенофобов — так каждый второй, а националистов — единицы. Даже среди «национально ориентированных» общественных и политических деятелей.

Подобная ситуация таит в себе существенную опасность. Политическая динамика объективно толкает русский народ к восстановлению собственной национальной государственности. Однако в условиях слабо развитого национального самосознания этот процесс может привести к не слишком радостным последствиям. Например, один из возможных вариантов — это не распад страны (это еще кое-как можно пережить), а распад народа. То есть из общей массы русских, не имеющих национальной идентичности, начнут вываливаться те или иные фрагменты: новодельные казаuchy, сибирские и прочие нации. Это может показаться смешным и абсурдным. Да, пожалуй, смешно. Пожалуй, абсурдно. Смешнее была только идея украинской нации в 80-е годы XIX века, избравшей себе столицей Киев — мать городов русских.

В этой ситуации одной из важнейших задач становится сохранения и развитие русской национальной идентичности — сбережение русского национализма. На практике это означает систематическую работу по целому ряду направлений. Это и культурно-просветительская деятельность, связанная с распространением правды о нашей истории (особенно, это касается XX века — революции, Гражданской и чеченской войн, и т.д.), и сохранение очагов русской культуры во всех сферах — от народных ремесел до кинематографа. Разумеется, необходимой составляющей является пропаганда наследия русских националистов-консерваторов, наследия Белого движения и Белой эмиграции (правого идеологического спектра).

Не следует думать, что такая почти «музейная» работа сейчас «неактуальна». Напротив — она важнее многих, кажущихся «злободневными» и «политически значимыми», инициатив. Когда новая политическая реальность потребует новых духовно-идеологических горизонтов, нельзя будет предложить просто благие намерения и кивнуть на «пример отцов». Этот пример придется дать в готовом, структурированном и, так сказать, пошагово расписанном виде; и при этом так, чтобы выглядел он современно и привлекательно. Задача совсем не простая, и для того, чтобы с ней справиться, действительно нужно поработать, причем на самых разных направлениях.

В начале 90-х гг. можно было надеяться на то, что эту работу выполнит русская эмиграция. Действительно, долгое время

белая эмиграция эту работу выполняла и тем самым оказала колоссальное влияние на развитие русского самосознания в подсоветском СССР. Но, увы, и этой работы, как показала практика, оказалось недостаточно. А самое главное, той эмиграции, которая была в 1930-м или 46-м гг., сейчас нет и больше не будет. И сегодня ее место должен занять кто-то другой.

Кто? Вопрос интересный! Очевидный ответ: никто, кроме тех, кто уже является носителем русской национальной идентичности, то есть всякий националист в изначальном смысле этого слова. К сожалению, надеяться на то, что эту работу выполнят добрые люди из Джорданвилля или Монреаля, теперь невозможно.

Как? Это особый разговор. Здесь лишь отметим, что сегодня качество имеет приоритет над количеством.

Внешние условия для национального возрождения скоро созреют. Но для того, чтобы оно случилось, нам нужно, чтобы было что возрождать. Исторический русский национализм надо сберечь.

Более важных дел, в действительности, сегодня почти нет.

Павел ДМИТРИЕВ

МИР СТРЕМИТСЯ К ХАОСУ

Если постараться отделить главное от второстепенного, то в ушедшем году можно увидеть основной тренд развития противоречий современного мира — масштабное наступление хаоса. Причем в развитом мире наступает хаос сознания в виде изменения отношения к полу, к детству, к семье, а в мире развивающемся, преимущественно мусульманском, наступает хаос правопорядка, когда править начинает обкуренный, фанатичный «человек с ружьем».

К слову сказать, хаос наступает на традицию всегда именно в том виде, как это происходит и сейчас. Достаточно вспомнить историю русской революции, когда наряду с уничтожением правопорядка процветало движение «долой стыд», что курировала по партийной, так сказать, линии небезызвестная Александра Коллонтай. Храм на улице, названной именем этой сумасбродки, я посещал много лет и всегда со сложным, мягко сказать, чувством проходил мимо таблички с названием такой, как говорилось в прежние времена, «перспективы». До сей поры они противостоят друг другу: храм Рождества Христова и улица дьяволицы.

Бросается в глаза то, что противостояние хаосу становится ведущим интересом в сложных противоречиях мира. Конечно, по-прежнему важны вопросы коррупции, итогов приватизации, имущественного расслоения населения, честных выборов. Но совершенно очевидно, что нормальным людям не нужны честные выборы мэра или губернатора нетрадиционной ориентации, даже если тот реально решит проблемы итогов приватизации или пообещает и даже будет сажать коррупционеров всех и без разбора. Людям важнее, чтобы не отбирали детей без повода, чтобы не венчали однополые браки, чтобы не было всего того сумасшествия в вопросах пола, которое нам «передовой Европой» активно навязывается.

С другой стороны, идут попытки запугать население террором. Риск стать случайной жертвой теракта вскоре станет повседневным и создаст определенные, пока труднопредсказуемые подвижки в сознании.

Здесь есть ловушка для общества, уставшего от тотальной коррупции и безнаказанности вора и раздраженного силами, приносящими в жертву своим фанатичным амбициям людей случайных, как правило, не имеющих отношения к мусульманскому миру.

Демарш Путина против извращенцев имеет общемировой смысл. Президент, действуя в своем стиле, отсидевшись сколько позволяла обстановка в тени проблемы, когда тянуть с определением позиции уже было невозможно, вышел и перед лицом всего мира прямо сказал, что российское общество остается ориентированным на традицию, и всякое публичное покушение на нее будет оценивать как правонарушение.

Этим он сфокусировал на себе противодействие всех мировых сил Содомы. И сейчас эти силы будут «валить» президента, раскатывая именно вопросы коррупции и террора.

Причем, надо помнить, что коррупционную экономику нам навязали с приватизацией. Сам метод предполагал вклю-

чение в коррупционные отношения любого, кто к этой теме прикасался. Таким образом возник тотальный коррупционный фон, который определял, с одной стороны, компрадорские тенденции, а с другой, при попытке ухода от них, давал огромный материал для обвинений.

Сейчас, на примере Турции, мы видим, что каждый глобальный шаг по обузданию злоупотреблений в верхних эшелонах власти ударит прежде всего по самой власти. В нашем случае по той власти, что отстаивает традицию. На смену ей, путем переворота, уже готовы прийти «борцы с коррупцией», а попутно зоофилы, трансвеститы, гомосексуалисты и прочие, которые жестко, с использованием механизмов права, как это уже происходит во всем мире, будут переформатировать людей под себя.

Сможет ли большинство из нас жить во всем этом? Думаю, что вряд ли... Но всякий протест против извращений будет носить характер правонарушения... Вот здесь-то и начнется хаос. Глобальный! На каждом квадратном километре суши.

В этих условиях предпочтительно устойчивое антикоррупционное давление властей, хотя оно внешне и менее эффективно. Рывок этой политики будет уместен лишь тогда, когда активность извращенцев удастся погасить соответствующими мерами законодательного и политического характера.

Простой русский человек, после всех несправедливостей и насилий над ним оттаит душой лишь тогда, когда всех извращенцев, как говорится, «заметут под плинтус», коррупционеров будут откровенно давить катком закона, а террористов «прижмут к ногтю».

Теперь — о фактах ухода русских людей в ваххабиты. Представить внутреннюю подоплеку каждого конкретного такого шага русского человека крайне сложно. Но что обращает на себя внимание: о случаях ухода русских в ислам, не считая, конечно фактов замужества или силового принуждения, слышать не приходилось. А вот факты сознательного ухода в ваххабиты, да еще в смертники, как-то на слуху. Есть тут признаки протестного поведения. В числе наиболее возможных причин видится разрушение русского сознания. Уж как уютжили русскую жизнь последнее столетие! Сколько национализаций, конфискаций, приватизаций, укрупнений, разукрупнений, переселений, разорений, всевозможных обвинительных или оправдательных кампаний! То простому человеку внушали, что Бога нет, потом, что Бог есть. То учение Маркса и Ленина единственно верное, а потом все наоборот.

Причем, никто не может находиться в полной уверенности, что однажды поклонники ленинизма конституционно не

вернутся во власть, ведь артефактов того времени много, уж не говорю о мавзолее, да и в парламенте коммунисты — сила самая выразительная после правящей партии. И всем очевидно, чуть ослабни административное давление сверху, коммунисты взлетят на вершины власти. И что будет тогда, никто не знает. То ли разумное применение стратегий социальной справедливости, то ли вновь грубое политическое, идеологическое и антицерковное насилие. И это осознается людьми наряду с тем, что настоящая власть также несправедлива по корневой своей системе, так как идет от чубайсовской приватизации. И даже принимая все ее справедливые социальные деяния последнего времени, все же изначально заложенную проблему перераспределения собственности и вытекающую из нее проблему имущественного расслоения населения люди рассматривают как неразрешимую. А все, что не имеет видимого решения, самые нетерпеливые стремятся разрушить.

Конечно, лечение национального сознания — дело долгое. На этом пути сделан некий шаг. Власти признали (!) факт существования и значение в истории страны русского народа. Далее должны быть конкретные шаги по укреплению ментальности русских, лечению деструкции сознания, что насаждали десятилетиями. А как прижимает страну, выходит, что не на кого, кроме русских, рассчитывать. Очевидно, что не будет приватизационных капиталов, если русские отдадут инициативу другим народам. Придется драпать, туда, где не ждут. Вроде бы очевидно то, что русских надо успокоить на этот счет, решив вопросы отчислений от чрезмерных приватизационных прибылей в пользу широкого социума. Но воз и ныне там...

Правильным также видится намерение возвращать русских из ближнего зарубежья. Но дело тут не только в том, что приедут рабочие руки, люди одной с нами культуры. Дело в предпринимательстве, которое заточено на получение прибыли любым путем. Дикий капитализм все равно приведет к тому, что приехавшие русские, как и местные, будут без работы, так как все места заняты гастарбайтерами, что обходятся бизнесу дешевле. Но бизнес должен быть лояльным к стране пребывания. Нелояльный предприниматель должен уничтожаться. В смысле ненасильственном, конечно. Хотя, если какое-то стихийное насилие и произойдет, то повод к нему бизнесмены создадут сами, своей жадностью. Предприниматели, нелояльные, склонные к жесткой эксплуатации рабочей силы, ради сверхприбыли, все равно вывозят свои деньги за рубеж. Для чего их плодить? Уже очевидно, что сле-

дование власти в фарватере интересов рвачей ведет к дезорганизации всего социума, к межнациональной розни, чреватой противостоянием, вплоть до кровавого. Следует жесткими экономическими и правовыми рычагами «душить» тех, кто предпочитает дешевый труд бесправного иностранца труду соотечественника, становящегося еще более бесправным в условиях вынужденной безработицы. Конечно, на сиюминутном интересе это скажется негативно. Начнется спад, сворачивание производств и уменьшение бюджетных поступлений. Но сразу выявится группа предпринимателей, готовых работать в интересах отечества. Ее и следует поддерживать преференциями. В конце концов, бизнес не исчезнет. Он просто станет лояльным и вновь начнет расти. Сейчас же бизнесмены, желающие работать в интересах отечества, поставлены в условия, когда они не могут выдерживать конкуренции с рвачами. Короче, от властей требуются конкретные шаги по стабилизации русского мира.

Станислав ЯЦЕНКО

И РУССКИЙ И УКРАИНЕЦ

Одно дело — быть русским в России. Всё просто, понятно и логично: национальность — русский, язык — русский, гражданство — российское, страна — Россия. И совсем другое дело — в современной Украине. Сейчас у нас довольно много людей, которые испытывают весьма серьёзные трудности в плане национальной самоидентификации. Время от времени меня, к примеру, даже попрекают, дескать, ну какой же ты русский, если фамилия у тебя украинская, имя украинское, историю украинскую так хорошо знаешь, и даже стихи пишешь по-украински...

Говорят, что на самом деле я, конечно же, украинец, только омоскаленный (русифицированный), одержимый имперскими комплексами, эдакая жертва монархической идеологии и великодержавной шовинистической пропаганды.

А я всё равно считаю себя русским! Самым настоящим! И украинцем тоже. И не понимаю, почему одно должно исключать другое. То есть смысл идеологической диверсии, проводимой на Украине, мне понятен. Есть задача крушить большую страну, разбивать на осколки, формировать отдельные нации и мелкие народности, а затем стравливать их между собой. Так разрушаются и поработаются могучие державы, оккупировать которые противник не может целиком и сразу.

Но зачем нам-то, русским-украинцам, участвовать в играх наших врагов и раздавать всем желающим куски огромной страны, за которую наши отцы и деды кровь свою пролили?..

Чтобы не попасть в демагогическую ловушку современных «украинизаторов», нужно четко осознать некую национальную приоритетность, смысл и субординацию понятий «русский» и «украинец». Я постараюсь кратко объяснить, почему считаю себя русским. И украинцем. И почему украинцы, как ни крути, — это однозначно русские люди. Недавно жизнь заставила меня задуматься над этим, казалось бы, не шибко принципиальным вопросом. Потребовался ясный ответ. Возможно, кому-то он тоже пригодится.

Мои предки были польско-литовского происхождения. Три столетия тому назад они ушли на восток. Почему, не знаю. Возможно, из-за притеснений, которым в те времена подвергались православные поляки и литовцы у себя на родине. Возможно, они были в числе тех колонистов, которых король отправлял осваивать ничейные «украинные» земли на восточных кордонах Польши... Тогда ещё не было такого государства, как Украина, не было ни украинской нации, ни украинского народа, даже слова такого «украинец» не было в народном обиходе. Жители восточной польской «украины» или «вкраины» (то есть — окраины, пограничья) сами себя называли русскими, руськими (от слова Русь) или казаками (вольными воинами). И когда было надо — шли на войну «за землю русскую, за веру православную»...

Здесь, на протяжении столетий, своим трудом и оружием мои предки строили и защищали великую русскую державу — Российскую империю — от Балтики до Тихого океана. Эта империя была их страной, их достижением, их подвигом. Я унаследовал эту страну от тех, кто её создал. Поэтому она моя. Вся!

Вот почему Отечеством своим считаю Русь, Российскую империю, Советский Союз, а по национальности считаю себя русским.

Да, я родился и вырос на Украине. Это моя малая родина. Я люблю Украину. Люблю её мистическую красоту, напевную мелодику её деревенского говора, весёлые застольные песни и бесконечные думы-баллады, её запутанную историю... Поэтому я, конечно же, украинец. Но только не такой «украинец», эталонный образ которого при помощи грантоедских СМИ пытаются лепить политические пропагандисты Запада, а простой, обычный, настоящий. Я патриот, и поэтому не бастую и не митингую ради того, чтобы мою Украину продали в какой-то ЕС, я не начинаю утро с лозунгов из цикла «Слава Украине», а просто молюсь за Украину, служу ей и тружусь для неё.

Для меня Украина — неотъемлемая, фундаментальная часть самой большой и великой страны в мире. Вот почему в узком смысле я — украинец, а в широком — русский. И нет в этом совершенно никакого противоречия. Потому что для русского человека быть украинцем — совершенно природно, абсолютно естественно. Точно так же естественно, как быть белорусом, сибиряком, киевлянином, москвичом, тверяком, новгородцем или одесситом.

Мы разные, особенные, неповторимые, но все вместе — русские! Мы русские со времён древней Руси. И свой цивилизационный выбор, о необходимости которого сейчас так много говорят «свидомые» и «евроинтеграторы», мы уже сделали — тысячу лет назад вместе с киевским князем Владимиром Крестителем.

ДИКТАТУРА «ПРОСВЕЩЁННЫХ»

Кто и зачем создал ЮНЕСКО

После Второй мировой войны с созданием международных институтов «просвещённые» получили возможность выйти уже на открытый общемировой уровень реализации своих планов. Для этого использовались вновь созданные международные организации — ООН и существующие в её рамках подразделения, встроенные в третью ступень синархической пирамиды власти. В неё добавились и новые объединения (Бильдербергский клуб, Трёхсторонняя комиссия), создание которых было обусловлено необходимостью неформальной консолидации западных элит.

Что же касается ООН, то на значение её ясно указал один из руководителей подразделения ЮНЕСКО Пьер де Сенарклен: «Настоящая власть Объединённых Наций заключается не в конкретных политических решениях, которые очень часто не имеют серьёзного значения, но в идеологических функциях, в политическом влиянии, которые проистекают из её авторитета как инстанции по легитимизации...

Окончание. Начало в №4 за 2014 г.

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

ООН, так же как и специализированные учреждения политического характера, имеет в качестве мандата пропаганду определённых идей и определённых ценностей».

Поскольку ООН создавалась масонами (в середине 70-х гг., по признанию маргиниста Пьера Мариеля, к ним относились 2/3 её функционеров), то и в Уставе её были чётко прописаны их главные ценности: решимость «вновь утвердить веру в основные права человека», для чего необходимо применять терпимость. Правам человека была посвящена Всеобщая декларация 1948 г., в которой провозглашалось право на свободу мысли, совести и религии, включающее свободу менять свою религию. Напомним, что «*абсолютная свобода совести*» содержалась во всех статутах масонства и понималась как веротерпимость, которая на практике незаметно трансформировалась в *фанатизм терпимости*.

Текст декларации стал результатом долгих обсуждений в рамках соответствующей Комиссии по правам человека, особую роль в которой сыграл член ложи Бнай Брит, французский юрист Ренэ Кассен, возглавивший в 1942 г. по поручению де Голля Всеобщий еврейский союз. Показательно, что, выступая в 1970 г. на одном из элитных собраний в Чикаго, он заявил, что Декларация прав человека стала «светским выражением принципов иудаизма», повторив тем самым высказанную ещё в 1927 г. мысль исследователя Э.Эберлина: «Историческая миссия Израиля в том, чтобы быть коллективным Мессией прав человека». Интересно в этом плане, что в соответствии с информацией Малинского и Л. де Понсена, в первые годы существования ООН из 1800 её функционеров 1200 были евреями, а среди высших чиновников — 50%.

Главную роль в перестройке сознания человечества на основе утверждения догмы прав человека стала играть ЮНЕСКО. Решение о её создании было принято на встрече министров образования стран-союзниц, собравшихся в ноябре 1942 г. в Лондоне для рассмотрения доклада комитета под руководством Джорджа Гилберта Мюррея, первого президента Лиги Наций, члена Великой ложи Англии, Фабианского общества, Панъевропейского движения, состоявшего в Обществе психических исследований, занимающегося изучением паранормальных явлений (телепатии, экстрасенсов, левитации и пр.). Планируемая организация должна была обеспечить «интеллектуальную и нравственную солидарность человечества» с помощью образования, науки и культуры. В реальности она продолжала дело Международного института интеллектуального сотрудничества в Париже, являвшегося

ся исполнительным учреждением специального комитета Лиги Наций и интегрированного в ЮНЕСКО. В своё время этим институтом руководили А. Энштейн (член Лиги против антисемитизма), З. Фрейд (член ложи Бнай Брит), Анри Бергсон и др.

Если религиозного мировоззрения Фрейда мы уже касались, то нужно сказать и об Энштейне. В одном из своих писем он писал: «Слово «бог» для меня всего лишь проявление и продукт человеческих слабостей, а Библия — свод почтенных, но всё же примитивных легенд, которые, тем не менее, являются довольно ребяческими. Никакая даже самая изощрённая интерпретация не сможет это (для меня) изменить». В.Л. Гинзбург пишет об учёном: «На вопрос о своих верованиях он ответил: «Я верю в бога Спинозы, который проявляет себя в гармонии всего сущего, но не в бога, который заботится о судьбе и действиях людей». Энштейн пользовался также термином «космическая религия»... Коротко говоря, Энштейн совершенно определённо не был теистом и, по моему разумению, его правильнее всего, как Спинозу, считать пантеистом».

Очень символично, что первым Генеральным директором ЮНЕСКО стал внук Томаса Хаксли, член Лондонского королевского общества, Фабианского общества и Британского общества евгеники, биолог-эволюционист, сторонник естественного отбора, глобалист Джулиан Хаксли. Суть своего подхода этот «Мальтус XX века» (как его назвал историк Галл) выразил следующим образом: «Мы больше не нуждаемся в помощи теологического откровения или абсолютной метафизики. Для нашего философского видения нам достаточно Фрейда и Дарвина».

Программу и политику организации Хаксли конкретизировал в работе «ЮНЕСКО: её цели и философия», в которой утверждалось, что она «должна будет освободиться от всякого исключительного или сверхземного видения», основываться на всемирном гуманизме и исходить из эволюционного подхода. Хаксли определял это как эволюционный гуманизм, при котором «индивиды смогут достигнуть состояния полной реализации через преодоление себя».

Особое внимание он уделил «изучению и применению психоанализа и психологии «глубинного»... чтобы сделать так, чтобы мир стал более счастливым и эффективным», а также евгенике, в которой Хаксли видел науку о сохранении человечества в единстве с биосферой. Исходя из этого, «великий гуманист», озабоченный негативным воздействием демографического взрыва на среду обитания и культуры, утверждал,

что «осознание того факта, что существует оптимальная численность населения относительно социальных и технологических условий, является первым необходимым шагом к контролю над населением». Эта «негативная евгеника» приняла у Хаксли форму борьбы за сохранение природы, так что он известен также как «отец-основатель» современного экологического движения. Про «недостойных» он, в частности, писал: «Наиболее низкие слои общества, те, кто генетически наименее одарены, не должны иметь лёгкого доступа к помощи, содействию и госпиталям, так как это устранил последнюю крепость естественного отбора, позволив детям слишком легко рождаться и выживать».

Соответственно и новая мораль должна была основываться на анализе прогресса эволюции, который «сообщит нам некоторые критерии для определения легитимности или несправедливости наших целей и деятельности». Хаксли отвергал абсолютную истину и абсолютную мораль, заявляя, что «нужно избавиться от ложных верований, что существует что-то вроде как истина или добродетель». Поэтому «некоторые типы человека должны быть исключены из выполнения функций: христианизированный астеник, чересчур рьяные фанатики, напуганные сверхстрогой моралью, — подобные люди должны быть отстранены от выполнения таких должностей, как судьи, преподаватели, магистры, управленцы». Это и понятно, поскольку в условиях эволюции, основанной на биологическом прогрессе, как писал Хаксли, «нет ничего неизменного и вечного в этике».

Как эволюционист Хаксли нашёл своего единомышленника в лице Тейяра де Шардена, с которым был лично знаком и к трудам которого испытывал «буквально мистическое отношение» (он подготовил посмертное издание на английском языке книги де Шардена «Феномен человека»). Но если последний действовал под маркой христианства, то Хаксли откровенно утверждал: «либо Дарвин, либо Бог!» Эволюционный гуманизм он понимал как соединение науки и религии, при этом религии отводилась подчинённая роль, поскольку именно наука должна определять, какие проявления религии «интеллектуально допустимы и социально желательны» с точки зрения человеческого прогресса. В одной из своих статей на вопрос «Почему эволюция является религией?» он ответил: «Религия — это точка зрения, полностью охватывающая основу всего мира. Поэтому эволюция может взять на себя функцию, некогда исполняемую Богом, то есть она может стать сильным принципом, координирующим веру и надежду человека».

Определяющей и направляющей силой этой эволюции становится сам человек, занимающий место прежних богов, и для определения её конечной цели Хаксли вводит понятие «трансгуманизм». В своей работе «Новые бутылки для нового вина», написанной в 1957 г., он утверждает: «Человеческий вид может, при желании, преодолеть себя — не по отдельности... но в своей совокупности, как всё человечество. Нам нужно дать имя этой новой вере. Возможно, трансгуманизм подойдёт: человек остаётся человеком, но преодолевает сам себя посредством понимания новых возможностей человеческой природы... «Я верю в трансгуманизм»: однажды наберётся достаточно людей, которые действительно смогут сказать это, тогда человеческий вид будет на пороге нового состояния бытия, отличающегося от нашего так же, как наше — от пекинского человека. Это, наконец, и будет осознанным выплнением нашей настоящей судьбы».

Как мы видим, Хаксли — типичный духовный наследник каменщиков Вавилона с их лозунгом «Сотворим себе имя!» Им также движет вера в безграничные возможности познания человека, в научно-технический прогресс — без Бога и через преодоление «образа Божия». Как будет осуществляться это преодоление, очень конкретно показал уже его брат Олдос Хаксли в своих книгах «О дивный новый мир» и «Возвращение в дивный новый мир». Именно в таком духе мыслилось стратегическое направление деятельности ЮНЕСКО.

В свете этого представляется крайне мудрым решение тогдашнего руководства СССР не вступать в эту организацию, и наша страна не входила в неё вплоть до 1954 г., то есть пока был жив И.В.Сталин.

«Нью Эйдж» — духовный фасад мирового правительства

При всём значении «эволюционного гуманизма» он представляет собой всего лишь «экзотерическую», внешнюю идеологию, в то время как в качестве духовной основы программ, осуществляемых через ООН, ЮНЕСКО и другие организации, является теософское гностическое учение, новейшей формой которого стало мировоззрение «Нью Эйдж» («Новой Эры»). Это движение является восприемником мирового оккультизма, открыто провозгласившим «конец христианской эры» и претендующим на создание последней мировой синтетической религии.

Начало ему было положено продолжательницей дела Блаватской Элис Бейли, считающейся «пророком новой эры», «эры Водолея». Ещё в 1922 г. вместе с мужем Фостером Бей-

ли, масоном 33-го градуса Шотландского обряда, она основала компанию «Люцифер», которая в целях конспирации была переименована в «Люцис Траст» и стала юридическим и финансовым агентом по программам всемирной службы, включающих Школу Арканов, Издательские компании Люцис, Треугольники и различные мероприятия Всемирной организации доброй воли. «Люцис Траст» является сегодня головной организацией «Нью Эйдж», её «мозговым центром» и в качестве НПО пользуется консультативным статусом в Экономическом и социальном совете ООН.

Выражение «Эра Водолея» ввёл в оборот французский эзотерик Поль ле Кур в своей книге «Эра Водолея; секрет зодиака и ближайшее будущее человечества» (1937 г.), а термин «Нью Эйдж» — известный «пророк» Дэвид Спэнглер в одноимённой книге 1967 г., в которой он, в частности, писал: «В каждом из нас действует Люцифер, чтобы привести нас в состояние совершенства, любой из нас каким-то способом придёт к моменту, который я именую посвящением Люциферу. Это — особые врата, через которые надо пройти, дабы целиком войти в свет совершенства».

Движение «Нью Эйдж» стало распространяться в период формирования контркультуры в США в начале 60-х годов. Именно тогда в Калифорнии было создано первое ньюэйджевское сообщество — Эсаленский институт, положивший начало масштабной интеграции в западную культуру восточных духовных практик (от классической йоги до шаманизма) и наркотиков, позволивших открыть «новый путь» к пробуждению скрытых сил психики, к «расширению сознания» для перехода в «четвёртое измерение». В реальности речь шла о научной «промывке мозгов», осуществляемой в лучших традициях известного Тавистокского института и превратившей Эсаленский институт в один из ведущих мировых центров распространения культуры «Нью Эйдж».

Особый вклад в это внёс Олдос Хаксли, считающийся крёстным отцом психоделической революции и наравне с Тейяром де Шарденом и Карлом Юнгом — крупнейшим «светилом» движения. Он изучал фрейдизм, неофрейдизм, гештальт-психологию, дзен-буддизм, тантризм, даосизм, экзистенциальную психологию и многое другое и был посвящённым дионисийской секты «Дети Солнца». К наркотикам его приобщил ещё А.Кроули, с которым его познакомил Герберт Уэллс, и именно с их помощью Хаксли искал пути перехода в «новый мир», который был описан им в его книгах «Двери восприятия», «Рай и ад», «Остров».

Благодаря ему и вовлечённому им в «наркокультуру» профессору Гарвардского университета Тимоти Лири примене-

ние психоделиков стало входить в моду. Лири, которого называют «пророком ЛСД» и который пытался даже создать «психоделическую церковь», был использован СМИ для широчайшей пропаганды и распространения новейшей формы «возвращения в Плерому», в первую очередь в университетской среде. Например, визионер и буддист Стив Джобс и Билл Гейтс заявляли, что решение получить психоделический опыт оказалось одним из самых важных решений их жизни. Позднее в число «творцов новой эпохи» вошли известные любители расширяющих сознание веществ Сергей Брин и Ларри Пейдж.

Эсален стал лабораторией по «расширению человеческого потенциала». Как писал Э.Дэвис, *«точно так же, как оккультное возрождение 1960-х заново встретило магические практики и архетипические образы в массовую культуру, так и движение по расширению человеческого потенциала открыло ржавые ворота западной психологии для состояний сознания, которые прежде игнорировались или описывались как бред или безумие»*. *«Исследования трансперсональных состояний сознания часто сопровождалось празднествами освобождённой плоти... Эсален стал местом нового рождения гностического орфизма с его доктриной, прославляющей жизнь в непрерывающемся состоянии интоксикации. Но посреди массажных масел, трипов, совместных купаний ведущие обитатели Эсалена помогли заново оформить парадигму кибернетики и теории информации в прагматичный, удобный, беспристрастный подход к новым мутациям тела и сознания, который характеризовал весь эсаленский опыт. Критикуя современный культ инструментального рационализма, они протаскивали старое открытие алхимического поиска в новый информационный век»*.

Своего рода программой «Нью Эйдж», заменившей для ньюэйджеров Библию, стала книга сотрудницы Стэнфордского института Мэрилин Фергюсон с говорящим само за себя названием «Заговор Водолея», вышедшая в 1980 г. Фергюсон провозгласила начало «смены парадигм», осуществив синтез стремлений к революционному изменению сознания с желанием радикальных социальных перемен. «Смена парадигм» должна произойти путём освобождения от старых запретов. Как писала Фергюсон, «сильная, хотя и не имеющая лидера организация работает в Соединённых Штатах для того, чтобы произвести радикальные перемены. Членам этой организации удалось сломать некоторые ключевые элементы традиционного западного мышления... Эта организация — «Заговор Водолея»... Этот заговор вызвал самую быструю в

истории культурную мутацию, которая оказалась шире, чем реформа, глубже, чем революция».

То, о чём писала Блаватская — «стереть христианство с лица земли» — теперь реализуется полным ходом.

В основе мировоззрения «Нью Эйдж» лежит ключевая идея оккультизма — идея «великого синтеза» как цель «Великого Делания», превращение человечества в один большой коллектив с единой мировой душой. Основные положения этого мировоззрения следующие:

— монический пантеизм: бог как абстрактный безличный дух, как космическая энергия, всеобщее сознание, пронизывающее собой всё и вся. Бог во всём, он присутствует и в человеке, который по природе своей божественен и обладает неограниченным потенциалом, который он призван пробудить в себе, чтобы стать человекобогом. Человек и есть бог, свет и правда пребывают в нём самом, но это человек узнаёт в процессе познания;

— гностицизм: человек спасётся с помощью познания, а не с помощью веры, спасение придёт изнутри, благодаря просвещению и преображению своего «я»;

— синкретизм: единство предполагает синтез и завершение всех религий, суммирование всех философий и исполнение всех пророчеств;

— реинкарнация: перевоплощение души рассматривается как участие человека в космической эволюции, как совершенствование на протяжении многих рождений;

— ожидание «эволюционного скачка»: человек вступает в новую эру духовности или «планетарного сознания», в которой произойдёт качественное изменение мира. Наступит оно, когда число преображённых людей достигнет некой критической массы и произойдёт всеобщее превращение человеческой расы в новую расу сверхлюдей (шестую, готовящую приход седьмой);

— холизм (целостность): реальность надо воспринимать глобально, а не фрагментарно, так как всё едино;

— наконец, «глубинная экология»: поскольку человек и космос составляют единое целое, с природой они входят в мистическое общение.

«Эволюционный скачок» — рукотворен. Как пишет Э.Бэйли, «человечество устанавливает для себя скорость собственной эволюции и своей судьбы согласно Плану». В результате реализации этого «Великого Вселенского Плана» будет установлен новый мировой порядок с единой мировой религией, единым мировым правительством и новой планетарной системой образования.

Так как порядок этот мыслится как продолжение космической иерархии, то он предполагает такую же жёсткую иерархическую организацию внутри единого человечества. Описание этого «Плана» проникнуто эзотерической мистикой и, как это характерно для теософов, заимствует христианские понятия, значение которых полностью извращено. Но он даёт нам представление о том, как функционируют и как соотносятся между собой теневые структуры управления, работающие на уровне «авторитета» и «власти».

Система эта имеет три уровня: «Дом Отца», «Царство Божие» и «Человечество».

Высший уровень — «Дом Отца» или Шамбала — это место, где пребывает аватара Планетарного Логоса (аватара в индуистской философии — нисхождение-воплощение бога Вишну из духовного мира в более низкие сферы бытия), которого Бейли называет Санат Кумара, «Господином мира» или «Старцем дней». Поскольку Шамбала, по Бейли, находится в «духовной реальности», в эфирной материи, то местонахождение его будет установлено, когда люди разовьют в себе эфирное зрение. Надо отметить, что между эзотериками (Блаватской, Геноном и пр.) не было единства мнений относительно этого места, которое, как правило, помещают в различных точках Центральной Азии.

Далее идёт «Царство Божие», описанное Фостер Бейли в его работе «Выполнить план Бога». Это уровень «мастеров мудрости», «Агентов Бога» — «Великая белая ложа» или просто «Иерархия» — те самые «великие существа», которые осуществляют «План», следя за человеческой эволюцией и направляя судьбы людей.

Как пояснял Ф. Бейли, это и есть «великие посвящённые», которые добились очищения в результате многочисленных реинкарнаций и уже развоплотились. Однако некоторые из них живут в их физическом теле и представляют собой «группу руководителей мирового уровня, экспертов и специалистов в различных областях... очень умело использующих фактор времени» и «полностью отдающих себя борьбе против ереси разделённости между людьми и особое внимание уделяющих трём аспектам деятельности: религии, образованию и управлению». От высших слоёв им передаётся сила Авторитета, которую Бейли называет «Доброй волей». Это «энергия, максимально черпающая из эзотерических учений» и «нисходящая через канал связи» от «мастеров мудрости» к людям. Они насаждают идеи в умы мировых мыслителей, чтобы эти идеи получали признание и становились контролирующими факторами в жизни человечества. Таким обра-

зом «мастера мудрости» — это не просто эксперты-управленцы, но эзотерики, использующие энергию «седьмого луча». То есть в лице мировых управителей мы имеем дело с магами, находящимися в контакте с теми силами, которые в христианстве определяются как падшие ангелы.

Во главе этой иерархии стоит тот, кого теософы кощунственно называют именем «Христос» — это человек, который после 200 реинкарнаций «перешёл высшие ступени инициации» и который скоро должен вернуться («воплотиться») к людям. На Востоке, в буддизме его называют «Майтрейей». Он придёт «в результате динамичных, но логичных (!) изменений в мировых делах». В теософии он представлен как религиозный лидер, с претензией быть «Учителем мира», «Носителем света», «Прометеем», которому безразлично, к какой религии принадлежат люди. В христианстве такого человека называют «антихристом».

«Иерархии» подчинена мощная группа мобильных подразделений — «Новая группа мировых служителей», непосредственно зависящих от «мастеров мудрости» и общающихся с ними с помощью телепатии (!). Их задача — производить идеи, которые приведут к изменению человеческого сознания, добиваться толерантного поведения и понимания для создания основ новой цивилизации. Именно они выстраивают новый мировой порядок, формируют общественное мнение и продвигают «международное понимание, экономическую взаимозависимость и религиозное единство». Причём Э.Бейли делит этих «служителей» на две категории: тех, кто знает, *что* они делают (то есть тоже посвящённых), и тех (более многочисленных), кто под управлением «мастеров мудрости» разрушает старые формы и строит новые, «выполняя важные задачи во внутренних делах... или в системе образования».

Новая группа мировых служителей собирается из всех отраслей человеческой деятельности. Её представители есть среди творческих работников, учёных, педагогов, финансистов, промышленников, церковников и религиозных деятелей, домохозяев и людей труда. Они выходят из всех классов, групп, церквей, партий, рас и наций, говорят на всех языках, они свои в любой религии, любой науке, любой философии. Как пишет Э.Бейли, «их чертами являются синтез, включенность, интеллектуальность и утонченное ментальное». Они «выявляют и сводят друг с другом мужчин и женщин доброй воли во всём мире. Их соединенное требование в том, чтобы люди доброй воли спланировались в полном взаимопонимании и тем самым постепенно пополняли корпус тех, кто вы-

казывает интерес к человечеству, а не исключительно к собственному ближайшему окружению». «Они всячески избегают нападков на правящие режимы и личности; они исполняют законы местности, где им приходится жить, но культивируют дух сотрудничества, пользуясь любой возможностью подчеркнуть братство наций, единство веры и экономическую взаимозависимость.

Ну и, наконец, третий уровень — это «Человечество», или «человеческий род», представляющий собой массу непрощённых, которых нужно научить элементарным вещам, забывая в их сознание ключевые «великие слова»: «экология», «справедливое распределение ресурсов», «взаимозависимость», «новый порядок», «справедливые принципы», «справедливые отношения», «правильные ценности», «правильное мышление», «единое человечество», «добрая воля», «мир», «солидарность» и пр.

Поскольку вхождение в «новую эру» будет осуществляться в соответствии с космическим законом, человечество должно отказаться от всего, что связано со старой, христианской эрой. Но не все впишутся в «новый порядок», и «Нью Эйдж» отличается крайней нетерпимостью в отношении тех, кто не воспринимает его идеи, и в первую очередь, естественно, это касается христиан. Согласно его воззрениям, утверждение новой эпохи будет сопровождаться глобальной чисткой, в которой погибнут не только противники нового режима, но и те, кто далёк от ньюэйджевского сознания. Человечество уже прошло через две такие чистки — Первую и Вторую мировые войны. О значении их Э.Бейли пишет так: «надо понимать, что война, со всеми её необыкновенными ужасами, жестокостью и всеми её разрушениями, была средством, благодаря которому Отец всех (Саната Кумара) убрал препятствия, которые загоразживали путь для возвращения Сына». В другом тексте Бейли для определения Второй мировой войны даже использует понятие «холокост».

Характерно, что и учение о коренных расах (шестой расе) в некоторых вариантах включает идею групповой кармы, ставящее в неравное положение нации и расы. В соответствии с ними, некоторые расы обречены на гибель.

Особой откровенностью относительно неравенства людей прославилась «звезда» «Нью Эйдж» Б.Маркс Хаббард (жена основателя Сайентологии). В своей «Книге сотворения» она писала: «Четверть человечества — деструктивна. Это плеваны. Раньше им разрешалось умирать собственной смертью, но сегодня, по мере приближения к великому скачку от человека-твари к человеку-сотворцу, то есть к наследнику влас-

ти Божьей, четверть деструктивных должна быть устранена. Мы (посвящённые) ответственны за это. Мы ответственны за миссию процесса божественного отбора в пользу планеты Земля».

Техника «Нью Эйдж»: от шаманства до «электронного наркотика»

Итак, план ясен, каковы же средства его реализации? Элис Бейли писала: «Я считаю, что война, которая грядёт (после Второй мировой. — О.Ч.), будет войной религий. Она не произведёт бойни, так как будет осуществляться с помощью ментального оружия (заклинаний и вызывания демонов) и в мире мыслей». Ньюэйджеры представляют себе эволюционный скачок как мощный приток энергий, сконцентрированных в Шамбале, который произойдёт в результате «великого заклинания», способного «сотрясти небесные сферы» и подчинить их человеческой воле. Теософы и здесь обезьянничают, изображая энергию в виде «седьмого луча», наделяющего людей различными «милостями»: «колдовством, магией, ритуалом».

В этом «великом заклинании» участвуют все — от высокопоставленных «мастеров мудрости» до рядовых участников движения «Всемирной доброй воли» и «Треугольников» — групп из двух и более человек, собирающихся для пения мантр, призывающих свет (опять пародия на Евангелие). Люди «духовно образованные» участвуют во «встречах медитации», которые организует Школа Арканов и на которых присутствуют также функционеры ООН. Вот как указываются, например, цели Школы Арканов:

- 1) готовить учеников для Новой группы мировых служителей;
- 2) тренировать людей с целью дальнейшего их продвижения по Пути Эволюции;
- 3) признавать факт Духовной Иерархии планеты и давать указания, как в неё войти;
- 4) практически доказывать, что «души людей суть одно»;
- 5) подчёркивать необходимость жить духовной жизнью.

Медитации и заклинания проводятся для повышения эффективности производства и управления экономикой на крупнейших фирмах. Так, из 500 крупнейших компаний США более 50% используют ньюэйджевскую технику «расширения сознания», тратя на это ежегодно около 4 млрд. долл.

В чём же смысл этих практик? Они являются наилучшим средством сплотить людей в «единое целое», поскольку дей-

ствуют на иррациональном уровне. Мэрилин Фергюсон в «Заговоре Водолея» писала: «В радикальном Центре духовного опыта знание передаётся без доктрин... учитель передаёт не знание, а технику. Это и есть «передача знаний через непосредственный опыт». Доктрина — это переработанное («поношенное») знание, она опасна... Не попадайте в ловушку учений». В ньюэйджевском «Курсе Руководства по чудесам» также указывается: «Универсальная теология невозможна, универсальный опыт не только возможен, он необходим». О том же пишет известный эзотерик Рене Генон: «Логика — это лишь инструмент изложения... абсолютно внешний и неинтересный сам по себе... мы привязываемся только к точке зрения, связанной с инициацией, и всё остальное в наших глазах не имеет никакой ценности». Ещё яснее высказался масон ложи «Мемфис-Мицраим» Франческо Брунелли: «Инициация учит: смерть разуму. Новый человек Грядущей эры, настоящий посвящённый, родится, только когда разум будет мёртв».

Так что изменённое сознание «Нью Эйдж», её «новое мышление» — это отсутствие самого мышления и погружение в свои ощущения.

Задача ньюэйджера — добиться такого состояния «расширения сознания», в котором он уже не будет ощущать границ собственного «я», и именно до таких «космических масштабов» он раздувает своё «эго» по возвращении из него. Для такого состояния «божественного всемогущества», указывала Блаватская, необходимы две вещи: «освобождение воли от какого-либо подчинения и контроль за её проявлением». Достигается это с помощью различных методик: ченнелинга, медитации, визуализации, психотерапевтической техники, погружения в состояние транса, участия в шаманских обрядах, пребывания в изоляционных сенсорных «ящиках», наконец, применения психodelиков и пр.

Переживание подобного опыта для ньюэйджера представляет высшую истину, оно не связано с нравственным выбором, он творит собственную реальность, не будучи ограниченным высшим нравственным законом. Отсюда — пренебрежение к моральным нормам и неприятие морального принуждения, ведущего к различного рода извращениям. Мы уже писали, как учение этого современного гнозиса обуславливает необходимость педерастии и гендерных теорий. На первый план в «Нью Эйдж» выходит культивирование любви к себе, эгоизм, идея личного успеха, процветание, физическое и духовное удовольствие и наслаждение. Так, в российском отделении «Нью Эйдж» ДЭИР

В. Веришагин, обучающий навыкам владения собственной энергетикой, даёт следующие установки: только сам человек знает, что для него хорошо, а что плохо; каждый должен быть счастливым; моральность и аморальность — искусственные категории; чувство вины — вредное, навязанное человеку чувство; Бог — абсолютно безразличен ко всем людским делам; вселенная — разум Бога. Всё это полностью вписывается в ценности современной цивилизации с её потребительской моралью и вместе с тем жаждой сверхъестественного и модой на «духовность».

Однако характерной особенностью «Нью Эйдж» является то, что оно пытается подменить собой не только религию, но и науку. В силу своей универсальности оно приспосабливается ко всему, давая каждому то, что его может удовлетворить, поэтому так популярна идея соединения восточных техник изменения сознания с последними достижениями западной науки, которая в некоторых областях уже сближается с оккультизмом.

Ярким примером такого подхода стала новая дисциплина — «ноэтика» или «ноэтическая динамика» (термин этот происходит от понятия «nous», введённого древнегреческим философом Анаксагором и означающим «мировой разум»). Она была создана ньюэйджерами в целях «трансформации поля коллективного сознания нашей планеты» и основана на интегральном подходе к эволюции человеческого сознания и разума. Этот подход означает синтез древних знаний о скрытых возможностях человека с новейшими исследованиями в области квантовой физики, нейропсихологии, когнитивной лингвистики, антропологии, молекулярной биологии, психологии и пр. Ноэтику разрабатывают многочисленные центры и организации, самым известным из которых является Институт ноэтических наук, основанный в 1972 г. американским астронавтом Эдгаром Митчеллом и философом Джоном Уайтом. Институт входит в «Новую группу служителей мира», находящуюся под контролем «Люис Трост».

Как утверждают исследователи этих центров, цель их — формирование нового типа человека — homo noeticus, который придёт на смену homo sapiens и главным свойством которого будет сознательное управление собственной эволюцией. А она, в свою очередь, понимается не просто как моральный закон, но как особый «эволюционный механизм сознания», вложенный в человека «Великой Природой». Ноэтики не скрывают своих претензий, заявляя, что «любая область науки о человеке, любая методология и психотехника, имеющая отношение к данной теме, попадая в могучее

силовое поле ноэтики, проходит некое алхимическое преобразование и получает эмерджентное, новое качество».

Ноэтика стремится интегрировать и переработать весь древний эзотерический опыт, чтобы перевести его на современный язык, подав под научным соусом в удобоваримой для человека XXI века форме. Разработанная таким образом «ноэтическая психология» даёт возможность не только «одухотвориться», но и достичь практических целей и успехов в карьере. Особенно эффективна она в работе с предпринимателями и топ-менеджерами, желающими совершить «качественный скачок» в бизнесе. Их обучают проводить глубокую диагностику фирмы, пробуждать «Финансовый Интеллект», овладевать «энергией денег» и достигать желаемого уровня материального благосостояния. Этим занимаются «ноэтический консалтинг и коучинг» и «ноэтический менеджмент», который, в свою очередь, опирается на наиболее разработанные и эффективные модели современной науки управления и предлагает инновационные методы развития бизнеса. Среди них, в частности, — «скрытый менеджмент», опирающийся на «тонкие нематериальные факторы бизнеса».

Колоссальные возможности для современных магов открыла компьютерная эра, фанатом и проповедником которой был всё тот же Тимоти Лири. Уловив связь между прошлыми исследованиями галлюциногенов и информационной революцией, он назвал компьютер наркотиком сегодняшнего дня, который в скором времени изменит не только характер межличностного общения, но и самого человека. Это произойдёт в результате его биомеханического синтеза с компьютером. Лири даже разработал программирующий язык под названием SKIPI (Super Knowledge Information Processing Intelligence). Особенно же его интересовали интернет и моделируемые реальности.

Как пишет Э. Дэвис, «прозорливое вовлечение Лири в эвангелистику персонального компьютера в 80-х годах было не просто знаком его... потребности быть всегда на переднем плане. Как он отметил в 1987 г., когда он переделал «Экзопсихологию» в «Инфопсихологию», новые цифровые устройства появились для того, чтобы оживить кибернетическую мечту фриков о перепрограммировании состояний сознания... При помощи своего пронизательного социологического «радар» Лири смог провидеть и то, насколько быстро фокус импульса, направленного на внешние пространства и высшие планы бытия, переместится на «внутреннее», или кибернетическое пространство компьютера... Многие из вроде бы доживавших свой век контркультурных мечтаний о

самоопределении и творческой магии переберутся во вселенную цифрового кода... Сама Система стала галлюцинировать, и самой популярной техникой экстаза стал экстаз коммуникации». Не случайно философ Маршалл Маклюэн назвал компьютер «ЛСД мира бизнеса».

С появлением новых способов создания виртуальной действительности теософы приобрели мощный инструмент для «изменения сознания», что привело к серьёзным психологическим последствиям в отношении их к реальной действительности. Они хорошо показаны одним из модных гностиков «Нью Эйдж» писателем Элемиром Золла в его книге «Выходы из мира» (а он также является автором книги «Андрогин. Примирение мужского и женского»). В ней описанные им «просвещённые» могут изменять размеры своего тела, становиться невидимыми, летать на другие планеты — всё это, по его прогнозам, будет широко распространено уже к 2030 г. «Человек, — пишет Золла, — которому легко доступны такие симуляции, глубоко осознаёт тот ужас, в который он погружён большую часть времени; и тогда ему также удастся понять ошибочность самого своего существования, что является фундаментальной философской предпосылкой для освобождения уже при его жизни».

Как это созвучно высказываниям Тимоти Лири: «Мозг — это внеземной орган. Мозг — это чужеродный разум. Мозг имеет к земным делам не больше отношения, чем образованный путешественник к туземной деревне, в которой он проводит ночь».

Компьютерные технологии используются современными гностикami против самого человеческого естества, против его естественного состояния, которое представляется как ложная реальность, от которой надо избавиться. Старое гностическое учение о зле, воплощённом в материи, приобрело ультрасовременную форму, при которой погружение человека в киберпространство «космического разума» достигается с помощью всего лишь одного движения руки и куда более длительно и эффективно, нежели «ЛСД-погружения» и шаманские «перемещения». К тому же «электронный наркотик» входит в каждый дом и не имеет тех запретительных предписаний, которые ограничивают использование классических наркотиков. Как заявил по этому поводу Тимоти Лири, «то, чего нам не хватало в 60-е годы, наконец, доступно».

Недаром «Новую Эру» называют «Информационной Эрой», и не случайно персональный компьютер появился на Западном побережье США — в вотчине и главном оплоте «Нью Эйдж».

Указанная «новая парадигма» лежит в основе деятельности ведущих международных институтов и глобалистских структур, и только в свете этого можно понять и смысл, и логику поведения мировых элит.

Ключевым звеном, связывающим «авторитет» и «власть» в мировом масштабе, является «Люцис Траст», главные офисы которого находятся в Нью-Йорке, Лондоне и Женеве. Это нью-эйджевское ядро, «мозговой центр», связывающий воедино и определяющий повестку дня более открытых организаций, которые до сих пор ещё ассоциируются с «теорией заговора», хотя «заговор» уже давно вышел наружу. Речь идёт об известных структурах — Комитете по международным отношениям, Трёхсторонней комиссии, Бильдербергском клубе, Римском клубе, низших степенях масонства, входящих во «внешний круг».

Членами их являются, как правило, одни и те же люди, наиболее влиятельные из которых («мастера мудрости» во плоти) возглавляют или состоят в организациях «Нью Эйдж». Эти последние, за исключением тех, которые действуют открыто как ответвления «Люцис Траст» (Школа Арканов, Всемирная организация доброй воли, Новая группа служителей мира, Треугольники), не афишируют своей связи и служат в качестве прикрытия «Нью Эйдж». Среди них Фонд дикой природы, Гринпис, Международная амнистия, Антропософия, Граждане мира, Теософское общество, Общество Николая Рериха, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ (список впервые опубликовал известный американский исследователь Линдон Ларуш).

Попечителями «Люцис Траст» (которых нет в опубликованных списках) являются или являлись такие фигуры, как Генри Киссинджер, Дэвид Рокфеллер, Пол Волкер (бывший директор ФРС и глава американской ветви ТСК), Джордж Шульц (член Общества пилигримов и директор банка Моргана), Томас Уотсон-младший (бывший директор IBM, член Общества Пилигримов, скончался в 1994 г.), Роберт Макнамара (бывший директор Всемирного банка, умер в 2009 г.) и др.

На «Нью Эйдж» работает самый богатый человек планеты Билл Гейтс и его жена: их фонд является попечителем (финансовым членом) «Новой группы мировых служителей», и на сайте «Люцис Траст» он был отмечен наряду с Джорджем Соросом и Кофи Аннаном как великий филантроп и гуманист. Правда, большую помощь ему в этом оказал самый

богатый человек Америки Уоррен Баффет, один из управляющих Фонда Билла и Мелинды Гейтс, передавший ему в 2006 г. четверть своего богатства — 31 млрд. долл. Благодаря этому Гейтс удвоил свои капиталы и стал в пять раз крупнее влиятельного фонда Форда. В 2012 г. он щедро передал 100 тыс. долларов ЛГБТ-сообществу, поддержав его во время референдума об однополых браках в Вашингтоне.

Особую роль в проведении в жизнь идей «Нью Эйдж» играет ЮНЕСКО, осуществляющая всеобщую дехристианизацию мировоззрения человечества в соответствии всё с тем же принципом «порядок через хаос», то есть путём разложения. В этом плане показательно, что книга Фергюсон «Заговор Водолея» в её немецком и французском вариантах называется «Мягкий заговор». То есть уничтожение христианства осуществляется незаметно, через его размывание под видом примирения с другими религиями, при котором оно должно сохранить свои внешние «вероисповедальные признаки» при потере внутреннего содержания.

Главным оружием гноиса в его борьбе остаётся требование терпимости, и именно ЮНЕСКО придала этому понятию некое сакральное значение, приняв в 1995 г. на своей Генеральной конференции Декларацию принципов толерантности. Она понимается как «отказ от догматизма, от асболютизации истины», вместо которых единственной нормой объявляются международно-правовые акты в области прав человека. Таким образом, ЮНЕСКО утвердила давнишнее требование масонства «для Человека, чтобы он обладал всеми своими правами, лишение которых представляет собой узурпацию, против которой допустимы все средства борьбы».

Однако весь этот безрелигиозный плюрализм и безнравственная терпимость — лишь инструмент в руках «просвещённых». Когда их задача будет выполнена, они объявят конец религиозной свободы, которая, как и деньги, будет уничтожена. Терпимость — это и есть закамуфлированная форма главного закона иллюминатского Ордена Восточного храма «Твори свою волю, таков да будет весь закон!», позволяющего сеять тот хаос, через который воздвигается тоталитарный «новый порядок».

В течение многих лет в нашу жизнь вводятся новые концепции и понятия, которые изменяют способ мышления и вводят «новую парадигму». Эти способы внедряются в первую очередь через образовательные программы ООН, которые разрабатывают стандарты для всего человечества. Особая роль тут принадлежит Роберту Мюллеру, бывшему по-

мощнику Генерального секретаря ООН, составившему «Всемирное расписание уроков» и получившему звание «Отца всемирного образования». Действуя под личиной экуменизма, «Нью Эйдж» осуществляет глубинное размывание христианства, закладывая основы антицеркви антихриста.

В начале 60-х годов под патронажем Теософского общества была создана ассоциация «Храм понимания», целью которой было объявлено «достижение понимания между всеми религиями», «признание единства человеческой семьи» и создания «духовной ООН». Среди продвигающих этот проект были папа римский Иоанн XXIII (а после его смерти Павел VI), патриарх Константинопольский Афинагор (масон 33-го градуса шотландского обряда), Далай Лама, тогдашний генеральный секретарь ООН буддист У Тан, вдова президента В.Рузвельта, член Объединённой ложи теософов Элеонора Рузвельт, Роберт Макнамара, Свами Прабхавананда и др. В 1975 г. ассоциация была признана в качестве НПО при ООН, и с 1988 г. расположилась в самой крупной церкви Нью-Йорка — пресвитерианском соборе Св. Иоанна чудотворца, в котором совместно проводят свои торжества иудеи, католики и протестанты. Она стала инициатором проведения под патронажем ООН трёх конференций «Глобального форума духовных и парламентских лидеров за выживание человечества», последняя из которых (в Киото в 1993 г.) завершилась созданием экологической организации «Международный зелёный крест» во главе с М.Горбачёвым, которая пользуется консультативным статусом при ООН и Совете Европы.

Всю финансовую и идеологическую поддержку «Храму» оказывает «Люцис Траст», который совместно с Всемирным советом церковей и Движением христиан-мирян также пролоббировал создание в центральном здании своего «храма» «Комнаты медитации» в форме усечённой пирамиды, интерьер которой разрабатывал тогдашний генеральный секретарь ООН, швед Даг Хаммаршёльд (некоторые его биографы утверждают, что он был гомосексуалистом). И содержание фрески, и расположенный в центре магнитный камень имеют чисто эзотерическое значение: последний символизирует «трансмутацию человека-животного в человека-бога», происходящую в результате его «просвещения» Люцифером.

Сегодня основным механизмом по «единению» религий являются международные саммиты религиозных деятелей, проходящие при содействии ЮНЕСКО. Речь идёт, в первую очередь, о Всемирных саммитах религиозных лидеров, которые были проведены уже шесть раз (с 2006 по 2011 г.) в пред-

двери встречи стран-лидеров ведущих государств мира — Большой восьмёрки, целью которых является религиозное обоснование нового мирового порядка путём формулирования таких посланий, которые построены на подмене понятий. Вместо чаяния воскресения мертвых и жизни будущего века они утверждают все ту же идею эволюции: стремление к «устойчивому развитию во имя жизни» и «лучшего будущего» всего человечества. На последнем саммите религиозные лидеры мира предложили ЮНЕСКО совместно обсуждать проблемы современной цивилизации, выработав для этого соответствующий документ.

Другой формой такого «единения» являются съезды наиболее авторитетных представители ислама, христианства, иудаизма, синтоизма, индуизма и буддизма, которые проводятся в Астане и ключевой идеей которых является заменить «идеологию противостояния» на «культуру мира». Форумы проходят с 2003 г. раз в три года, при этом второй съезд состоялся уже в специально построенном для него «Дворце мира и согласия» (названном так по аналогии с «Храмом понимания»), архитектура которого говорит сама за себя. Это ма-сонская пирамида со светящимся верхом, представляющая собой «храм» поклонения культу солнца. Внутреннее устройство её включает три уровня: тёмный подвальный этаж, где размещён оперный театр (для непросвещённого народа); средний уровень — конференц-зал с громадной фигурой солнца, где заседают «просвещённые» лидеры, обсуждающие проблемы, препятствующие установлению Новой Эры; наконец, вершина, представляющая достижение «просветления» на индивидуальном и мировом уровне.

Надо сказать, что не только этот дворец, но и весь облик Астаны, этой первой новой столицы XXI века, одного из самых полномасштабных философско-футурологических проектов, разработанных ведущим представителем архитектуры хай-тек англичанином Норманом Фостером, проникнут оккультной символикой, воплощая собой синтез новейших продвинутых технологий и древней языческой магии, демонстрируя, куда двигают мир оккультные архитекторы нового мирового порядка. Похоже, этот город, находящийся в центре евразийского пространства и олицетворяющий слияние разных культур, получивший, по решению ЮНЕСКО, звание «Города мира», метят на роль Шамбалы («духовной столицы мира») или её запасного варианта (в этом плане название Астана удивительно перекликается с именем Санат Кумара, и оба, в свою очередь, перекликаются с другим хорошо всем известным именем).

Показательно, что именно здесь в 2010 г. прошла первая сессия Всемирного форума духовной культуры (1000 делегатов из 70 стран мира), проведённая основанной в 1989 г. международной ассоциацией «Мир через Культуру», автором идеи которой был Н.Рерих.

Участники его собрались на том, что «спасение» человечества находится на «глобальном, духовном и мысленном уровне (в ноосфере)» и поставили перед собой конкретные цели: создать Институт глобального мира, Всемирный совет по этике и Всемирный совет по культуре, представляющий все религии и философские мировоззрения для формирования «Всемирного духовного сообщества».

Непосредственный же план действий участников очень напоминает инструкцию к «Плану» «Луис Траста», так же как сам язык и терминология характерны для ньюэйджевского мировоззрения. Например, И.Кобзон, сопредседатель ВФДК, в своём послании в преддверии второй сессии форума (которая должна была состояться в Астане в октябре 2013 г., но была отложена), призвал к «всечеловеческой гуманизации» в связи с «эволюционным восхождением человечества» в условиях, когда «грядёт Новая Эра, Эра Духовной Культуры», которая «исключит принцип борьбы и сопротивления эволюционным преобразованиям».

Современный трансгуманизм — упразднение человека

Новейшей формой «эволюционного гуманизма» стал трансгуманизм. Сам термин этот был заимствован у биолога Джулиана Хаксли, но у того речь шла о «понимании новых возможностей человеческой природы», при котором человек всё-таки остаётся человеком. Современные же трансгуманисты рассматривают эволюцию как процесс, направленный на преодоление человеческой природы и переход в качественно новое состояние. Средство достижения этого — применение и конвергенция НБИК-технологий (нано-технологий, биологии, информатики и когнитивных наук).

Впервые понятие «трансчеловек» было описано футурологом Ф.М. Эсфендиари (взявшим псевдоним FM-2030), исходившим из ницшеанского понимания человека как промежуточного звена в эволюции от обезьяны к сверхчеловеку (недаром Ф.Ницше с его «Человек есть то, что должно превзойти», считается главным вдохновителем движения трансгуманизма). Соответственно трансгуманист был определён им как «переходный человек», как самосознающее существо, эволюционирующее в «постчеловека» — «потомка человека,

модифицированного до такой степени, что уже не является человеком». В качестве главных признаков его Эсфендиари выделил улучшение тела имплантатами, бесполость, искусственное размножение и распределённая индивидуальность, то есть распределение его сознания и личности в нескольких телах — биологическом и технологическом. Трансгуманизмом стали считать того, кто готовится стать постчеловеком.

Как идейное, культурно-интеллектуальное течение трансгуманизм сложился в 80-е годы в Калифорнии, откуда вышли и новые технологии (Кремниевая долина), и движение «Нью Эйдж» (Эсаленский институт). Его основали — философы и футурологи, собиравшиеся в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Ведущую роль тут сыграл очередной архитектор «дивного мира», английский философ и футуролог Макс О'Коннор, взявший себе псевдоним Макс Мор. В 1990 г. он разработал свою собственную доктрину «Принципы экстропианства» (экстропия — степень живучести или организованности системного интеллекта), излагающую пути перехода человека в постчеловеческое существование. В 1992 г. совместно с Томом Морроу он создал Институт экстропии, в котором обсуждались неodarвинистские футурологические проекты, предлагаемые в качестве «идеологии будущего». Наконец, в 2010 г. Мор стал генеральным директором крупнейшей американской крионической фирмы «Алькор».

Экстропианская антропология — это, как выразился Э.Дэвис, «старый гуманизм, только включённый на полную катушку». Она объединила нью-эйджевскую перспективу (шестая раса) с техническим либертарианством, которое не признаёт никаких природных барьеров для эволюции человека. Как утверждает Мор, «когда технология позволит нам преодолеть себя в психологическом, генетическом и неврологическом аспектах, мы, ставшие трансчеловеками, сможем превратить себя в постчеловеков — существ беспрецедентных физических, интеллектуальных и психологических способностей, самопрограммирующихся, потенциально бессмертных, ничем не ограниченных индивидов».

Свои принципы Мор рассматривает как этические установки, придающие смысл, направление и цель человеческой жизни, то есть имеющие отношение к религии. И действительно, хотя экстропианство выступает под маркой науки, его религиозные корни хорошо проявились в одной из статей Мора, явно рассчитанной не на широкую публику. Речь идёт о работе «Во славу Дьявола», напечатанной журналом «Либертарианский Альянс» в 1991 г.

Мор излагает в ней известную гностико-теософскую идею о Люцифере — «несущем свет» и восставшем против Бога, державшего человека во тьме. Пояснив, что его восхваление Люцифера носит чисто абстрактный характер, он, не скрывая, заявляет, что его задача — показать, насколько фундаментально система ценностей и взгляды экстропианцев расходятся с ценностями и мировоззрением, отстаиваемыми христианской традицией, которые он называет «иррациональной религиозной догмой». Дьявол-Люцифер воплощает для него «силу во благо», разум, интеллект и критическое мышление. Возненавидев Царство Божие и требование слепо следовать догмам, он «покинул Небеса, это ужасное духовное «Государство»», став символом способности человека к «вечному прогрессу».

Мор бросает откровенно богоборческий призыв: *«Богу также претит то, что мы можем получать удовольствие от жизни. Если мы войдём во вкус, то можем потерять интерес к послушанию. Мы скорее могли бы направить усилия на то, чтобы получить от жизни положительные ощущения, а не на то, чтобы избежать кары... Люцифер всё время убеждает нас в том, что у нас нет причин быть альтруистами. Мы сами можем выбирать для себя ценности точно так же, как и думать сами за себя. Для самого Люцифера такими ценностями являются поиск счастья, новых знаний и нового опыта... Я хочу напомнить вам, что все вы — Папы. Вы сами высший авторитет для самих себя. Вы сами источник ваших действий. Вы сами, не важно, активно или нет, выбираете себе систему ценностей и жизненные цели. Вы сами выбираете, во что верить, как сильно верить и что воспринимать как развенчивающие факты. Никто не властен над вами — вы сами управляете собой, выбираете подход к жизни, думаете. Присоединяйтесь ко мне, присоединяйтесь к Люциферу и присоединяйтесь к Экстропианству в борьбе против Бога и его энтропических сил, посвятите свой ум, сердце и отвагу этому делу... Вперед к свету!»*

Ну а что именно Мор понимает под «светом», явствует, в частности, из другой его статьи, названной «Секс, принуждение и возраст согласия», в которой автор отстаивает право на педофилию, утверждая, что «непринудительный секс с несовершеннолетними не аморален, а является всего лишь делом вкуса».

В 1998 г. единомышленники Мора профессор Оксфордского университета Ник Бостром (специалист по вопросам клонирования, искусственного интеллекта, нанотехнологий, крионики и пр.) и Дэвид Пирс (сторонник «гедонистическо-

го императива» в сфере внедрения нанотехнологий) основали Всемирную трансгуманистическую ассоциацию (ВТА) — неправительственную организацию, поставившую цель добиться признания трансгуманизма широкой научной общественностью и правительственными структурами (в 2008 г. для того, чтобы имидж ВТА приобрёл более «человечное» измерение, её стали называть «Человечество плюс»).

Именно ВТА подготовила принятую в 2002 г. Трансгуманистическую декларацию, в которой говорилось не только о том, что передовые технологии радикально изменят людей (преодолеют старение, ограниченность естественного и искусственного интеллекта, страдания и «заточение в пределах планеты Земля»), но и о необходимости отстаивать моральное право тех, кто собирается использовать эти технологии, перед лицом технофобии и нелепых запретов.

Эта претензия на ничем не ограниченную «рукотворную эволюцию» была усилена следующим положением: трансгуманизм «защищает право на достойную жизнь всех существ с чувственным восприятием, о каком бы мозге ни шла речь — человеческом, искусственном, пост-человеческом или животном».

То есть человек рассматривается как экспериментальный объект, как биологический материал для применения новых технологий. И использование его не ограничено какими-либо соображениями нравственного порядка, а определяется только правами экспериментатора, вписывающимися в концепцию «прав Человека» и находящими выражение в законах биоэтики, которые крайне конъюнктурны и меняются в зависимости от потребностей заказчика. Например, Ник Бостром, являющийся теперь директором Института будущего человечества, убеждён, что нет никаких нравственных и этических причин, по которым они не должны вмешиваться в природу и добиваться бессмертия. Более того, он рассматривает как опасные и даже смертельные те религиозные доктрины, которые учат воскрешению в другом мире, поскольку «они беспомощны и поощряют бездействие».

Таким образом, трансгуманизм изначально заявил о себе как о богоборческом антихристианском мировоззрении, которое открыто восстает против человека как творения Бога и «образа Бога». Но, вместе с тем, трансгуманизм означает самоуничтожение гуманизма, поскольку провозглашает в качестве «права человека» упразднение самого человека.

Сегодня трансгуманизм представляет собой широкое движение, в рамках которого существуют различные течения (технократическое, экологическое, либертарианское, анар-

хистское и др.) и объединены люди различных религиозных взглядов. Одни заявляют о своей «светской духовности», другие являются атеистами, третьи — последователями буддизма, индуизма и религиозных течений в сфере влияния «Нью Эйдж». Членом ВТА является и Трансгуманистическая ассоциация мормонов. Но всех их объединяет одно — стремление преодолеть человеческую природу для достижения качественно нового состояния — «нового тела» и «нового интеллекта» либо путём большого числа изменений в самом человеке, либо в результате создания искусственного существа. Для этого разрабатываются различные варианты «эволюции», среди которых можно выделить следующие.

«Человек фармацевтический», то есть с изменённым состоянием сознания, получаемым в результате использования соответствующих химических препаратов. Это позволяет создать любые настроения, чувства и даже верования.

«Человек генно-модифицированный» (ЧГМ), получаемый в результате генной инженерии и использования ГМО. Речь идёт о формировании людей с изменённым геномом, то есть с чужими генами (путём введения генных вакцин), которые будут обладать иммунитетом к любым болезням, переносить любые температуры, радиацию, жить под водой, уметь летать, иметь крайне маленькие размеры (для решения проблемы перенаселения) и т.д. Особенно большие возможности предоставляют в этом плане опыты с экстракорпоральным оплодотворением (ЭКО), в отношении которых трансгуманисты требуют снятия всех запретов. Наиболее активны тут представители постгендеризма, выступающие вообще за отмену полов и требующие перехода к искусственному оплодотворению. Не случайно один из трансгуманистов Филипп Годар подчёркивал, что они — сторонники «улучшения человеческой расы во имя прав человека и прав меньшинств, включая права гомосексуалистов».

«Человек бионический» — это, с одной стороны, роботизация самого человека, то есть внедрение в тело и в мозг искусственных имплантатов или чипов, в результате чего получают люди-киборги, с другой стороны — создание человекоподобных роботов-андроидов.

Наконец, в концепцию трансгуманизма входит «научный иммортализм», то есть достижение бессмертия, предполагающее два метода. Первый предусматривает применение биотехнологий (стволовые клетки, клонирование, крионика и пр.). Второй — использование информационных и нанотехнологий. Это так называемая «загрузка сознания», при которой происходит полное копирование человеческого мозга

на компьютере для создания запасных копий человека. Этот процесс «цифрового метемпсихоза» подробно описан в книге известного робототехника из Меллонского университета им. Карнеги Ханса Моравека в его книге «Дети разума», ставшей классикой экстропианства. Поскольку человеческая личность рассматривается исключительно как носитель генной информации, закодированной в ДНК, а мозг — как нейромкомпьютер, то бессмертия собираются достичь путём «динамического переноса» сознания с одного медиа-носителя на другой. Идея заключается в том, чтобы после сканирования структур мозга с помощью электроники реализовать те же вычисления, которые происходят в нейронной сети мозга. Таких постлюдей трансгуманисты называют «загруженными».

Как указывает Ник Бостром, биологический метод достижения бессмертия является временным, а цифровой — главным. Что при этом будет с самим человеком, он описывает следующим образом: «Иногда различают *загрузку с разрушением*, при которой оригинал мозга уничтожается в процессе сканирования, и *загрузку без разрушения*, при которой оригинал мозга остаётся цел и невредим вместе с загруженной копией. Вопрос о том, при каких условиях личная идентичность сохраняется во время загрузки с разрушением, остаётся предметом обсуждения. Большинство философов, изучавших эту проблему, полагают, что, по крайней мере, при некоторых условиях, загруженный в компьютер мозг будет *вами*. Суть в том, что вы живы, пока сохраняются определенные информационные структуры, такие, как ваша память, ценности, отношения и эмоции; и не столь важно, реализованы ли они на компьютере или в той противной серой массе внутри вашего черепа».

При этом, продолжает Бостром, «загруженные» смогут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях и регулярно делать свои резервные копии. Но тогда возникают вопросы: «Какая из них это вы? Все они — вы или ни одна из них? У которой окажутся права на вашу собственность? Которая останется в браке с вашей женой/мужем? Возникает изобилие философских, юридических и этических проблем. Возможно, они окажутся в числе горячо обсуждаемых политических вопросов этого века».

Бостром откровенно заключает: «Трансгуманизм — это нечто большее, чем простая абстрактная вера в то, что мы находимся в процессе перехода наших биологических гра-

ниц с помощью технологий. Это также попытка переоценить полностью определение человеческого существа так, как его обычно представляют... Технологии помогут нам выйти за пределы того, что большинство считает человеческим».

Действительно, речь идёт о выходе за пределы человеческого и переходе в сферу инфернального мира. Мы имеем дело с нравственной и духовной мутацией, имеющей глубоко религиозные корни.

Трансгуманизм — новейшая разновидность гносиса

Если электричество — это душа современной эпохи,
то информация — это её дух

Э.Дэвис

Дух нынешней информационно-цифровой эпохи находится в удивительном резонансе с учением и мироощущением гностицизма. Гностический миф предвосхитил экстремальные мечты современных трансгуманистических мутантов с их люциферианским порывом к свободе и дуалистическим отвержением материи во имя внетелесных возможностей сознания.

Уже цитированный нами Э.Дэвис, автор книги «Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху» о сути тотальной революции информационного капитализма написал следующее: «Воодушевляющий архетип информационной экономики, его психологический пыл коренится в гностическом парении над тяжёлой и пассивной материальной землёй, в переходе от трудящегося тела к сознанию, обрабатываемому символы... Под влиянием высоких технологий мир всё быстрее движется от физической экономики к тому, что можно назвать «метафизической экономикой». Мы вовлечены в процесс понимания того, что сознание в гораздо большей степени, чем материальное сырьё, составляет богатство».

В наше время информация стала самоценной, и смысл её настолько расширился, что она приобрела, как пишет Э.Дэвис, «мистический ореол бестелесности», стала «почти светящейся иконой, фетишем и логосом одновременно».

Когда теория информации перешла в сферу биологии, социологии, психологии и когнитивных наук, это перевернуло представление о личности человека. Её стали рассматривать просто как машину по обработке данных. Например, учёные Дороти Нелькин и Сьюзен Линди в своей книге «Тайна ДНК» утверждают, что всё, что происходит с человеком, его физическое и духовное состояния запрограммированы в ДНК,

которая выполняет функцию души и может жить вечно. То есть идея отгрузки сознания содержится уже в самой теории информации. Она утверждает, что любую информацию можно свести к контролируемому всплеску электроэнергии. И поскольку мозг живёт электрической активностью, он тоже представляет собой всего лишь информационную машину, которую может заменить другая машина в качестве «вместилища для души».

Другой инфоман, культуролог Марк Дер в своей книге «Скорость убегания» утверждает, что один из ключевых конфликтов киберкультуры — это противоречие между «мёртвой, тяжёлой плотью», ставшей ненужным для кибер-человека «рудиментом», и «эфирным телом информации» — противоречие, которое «разрешается» сведением сознания к чистому интеллекту. Так что неудивительно, что уже цитированный нами Ханс Моравек считает, что мечта об «отгрузке» — это «на самом деле разновидность христианской фантазии о том, как стать чистым духом». Тут Моравек демонстрирует полное невежество, путая христианство с гнозисом.

Действительно, трансгуманисты вбивают клин между телом и абстрактным процессом познания, противопоставляя падшую плоть, ответственную за восприятие, эмоции и логику, совершенному уму, представленному как некий информационный сгусток кодов, правил и алгоритмов, который они и отождествляют с нашим «Я». Перед нами — мировоззрение, в соответствии с которым Вселенная представляется как некий автомат, состоящий из сложных кибернетических систем, или информационная матрица, частью которой является человеческий интеллект, заточённый в тленное тело. Задача экстропианца-трансгуманиста — освободить сознание-интеллект от тела и в виде сверхнового бессмертного существа покинуть Землю ради вечной кибернетической жизни во Вселенной.

Как пишет американский эзотерик-анархист Х.Бей, «в этом смысле медиа играют религиозную, жреческую роль, как бы предлагая нам путь наружу из тела, переопределяя дух в терминах информации... Сознание становится чем-то, что может быть «загружено», исключено из животной матрицы и увековечено в виде информации. Теперь уже не «призрак-из-машины», а машина-призрак, машина — Святой Дух, высший посредник — перенаправляет нас из наших телоднюнок в плерому Света». Бестелесная машина информации предлагает всем портировать души из тела в виртуальный загробный мир. А компьютер представляется как храм информационного культа.

Сверхзадачей трансгуманистов является создание искусственного интеллекта или «сверхразума», который должен настолько превзойти человеческий мозг, что это нанесёт серьёзный удар по любому антропоцентрическому мировоззрению, в результате которого, как они утверждают, «человеческий вид уже не будет рассматриваться как самая разумная форма жизни на земле». Тот момент, когда технологии превьсят возможности человеческого мозга, трансгуманисты называют «сингулярностью», и именно её они рассматривают как точку отсчёта нового мирового порядка, в котором ход событий должен определяться уже «сверхразумными» системами.

Но это поставит вопрос о цели и смысле самой науки, ведь «создание сверхразума станет последним изобретением, которое людям потребуется сделать, поскольку сверхразумы смогут позаботиться о дальнейшем научно-техническом прогрессе гораздо эффективнее, чем это смогут сделать люди». То есть науке уже будут не нужны носители научного знания, которые станут для неё препятствием.

В рисуемых трансгуманистами апокалиптических образах этой новой реальности «сверхразум» предстаёт в качестве высшего начала, в то время как человеку отводится самая жалкая роль. Трансгуманистам свойственно не только иррациональное презрение к человеческой природе как таковой, но и абсолютная убеждённость в том, что сами они будут этими «сверхразумными» постлюдьми. При этом возможны два варианта событий. В первом случае постлюди смогут жить как «добрые полубоги» среди людей. Во втором — они решат, что «люди представляют собой совершенно неэффективный способ использования материи и энергии, которым можно найти лучшее применение». Если постлюди не будут изначально ограничены требованиями дружелюбности и не будут связаны моралью, они могут принять меры, которые повлекут за собой вымирание человеческого рода. Может быть, они превратят планету в гигантский компьютер или космические зонды, которые будут разосланы к звёздам для ускоренной колонизации Вселенной.

Отдельные трансгуманисты ещё более категоричны. Так, кибернетик Кевин Варвик заявляет: «Те, кто решит остаться человеком и откажется улучшаться, будут иметь серьёзные проблемы. Они станут подвидом и будут представлять собой шимпанзе будущего». А уже упомянутый Ханс Моравек на вопрос о том, все ли люди смогут имплантировать себе компьютеры вместо мозга, ответил: «Неважно, что делают люди, они будут отброшены, как вторая ступень ракеты... Судьба

людей не будет представлять никакого интереса для сверхразумных роботов будущего. Людей будут рассматриваться как неудавшийся эксперимент».

Это целая программа. И речь тут идёт уже не о разрядах людей, а о низшей природе самого человечества, подлежащего списанию в силу его несовершенства. В этой программе людям не оставляют выбора: если вы не превращаетесь в «сверхлюдей», вы, как низший подвид, будете в рабстве у первых.

Гениальная формула для оправдания богоизбранности — ведь в сверхлюдей смогут превратиться только «просвещённые»!

В коллективной работе «FAQ по трансгуманизму» под редакцией Ника Бострома говорится вполне определённо: «Хотя технологии могут принести пользу всем, вначале наибольшими преимуществами обладают те, кто обладает необходимыми средствами и знаниями и желанием учиться использовать новые инструменты».

То есть избранное меньшинство, верхи общества с помощью дорогостоящих супертехнологий будут заменять себе больные органы, вводить генные вакцины для предотвращения заболеваний, продлевать свою жизнь, превращая её в «гедонистический рай» (трансгуманисты за продление только здоровой жизни), улучшать свою породу с помощью искусственного оплодотворения (ЭКО), приобретать себе детей с помощью суррогатного материнства, иметь несколько копий своего мозга, клонироваться, крионироваться и пр. и пр.

Остальное человечество оказывается лишённым государственной помощи вследствие полного демонтажа «социального государства». Это человечество резко сокращают, превращают в послушную биомассу. Имплантируя в мозг электронные чипы, его ставят под тотальный контроль. Под видом «гуманитарной помощи» ему навязывают программы планирования семьи, распространение противозачаточных средств, аборт и стерилизацию. Его превращают в киборгов, способных выполнять любые приказы и оказывать любые услуги, либо заменяют роботами, использование которых обходится намного дешевле (уже появились виртуальные, то есть голографические роботы). Его подвергают трансгенной мутации, наркотизации и гендеризации, лишаящих его способности к деторождению и утверждающих «культуру смерти» (так, по данным американской статистики, каждый второй транссексуал кончает жизнь самоубийством). Наиболее здоровых используют в качестве суррогатных матерей.

В отношении смерти у трансгуманистов особо изощрённая позиция: смерть должна быть добровольной, каждый может продлевать жизнь (для избранных), так же, как и добровольная эвтаназия должна быть неотъемлемым правом человека (для низших). Известный глобалист и футуролог, высокопоставленный член Бнай Брит Жак Аттали в своём интервью, опубликованном в книге М. Саломона «Будущее жизни» в связи с этим откровенно утверждает: «Эвтаназия будет одним из главных инструментов будущего. В социалистической (глобалистской. — О.Ч.) логике свободы самоубийство является фундаментальной свободой. Право на убийство, прямое или косвенное, является абсолютной ценностью в таком обществе. Машины по пресечению позволят устранить жизнь, если она станет невыносимой или экономически слишком дорогой... Некоторые из продвинутых демократий предпочтут сделать из смерти акт свободы и легализовать эвтаназию. Другие определяют чёткие ограничения на свои расходы на здоровье... рассчитав затраты на «право на жизнь». В итоге будет создан рынок дополнительных «прав на жизнь», на котором каждый сможет продавать своё право, если он очень болен или слишком беден. Однажды даже начнут продавать талоны на смерть, которые дадут тебе право выбирать вид ухода из жизни».

Таким образом, можно заключить, что обеспечение бессмертия для паразитарной верхушки общества стало важнейшей задачей трансгуманизма, который ради этого готов принести в жертву большую часть человечества.

Трансгуманизм в планах правящих кругов

К трансгуманизму можно было бы отнести как к маргинальному идейному течению, если бы его проекты не определяли сегодня стратегическое направление научно-технических исследований, которое проводят и государственные структуры, и сеть частных компаний. На эти программы работают сегодня биологи, физики, неврологи, экономисты, когнитологи, компьютерные специалисты, философы, социологи, научные фантасты, специалисты по военной стратегии, политики, законодатели и многие, многие другие. Наиболее активно лобби трансгуманистов действует в США, Южной Корее, Китае и Израиле, то есть там, где сосредоточены центры по производству НБИК-технологий (напомним: нано-, био-, информационных и когнитивных технологий).

Но речь идёт не просто о НБИК-технологиях, а об их конвергенции. Показательно, что термин «НБИК-конвергенция»

был официально введён в США в 2002 г., тогда же, когда была принята Трансгуманистическая декларация. А произошло это после того, как Национальный научный фонд (ННФ) и Департамент торговли США по просьбе американского Национального совета по науке и технологиям поручили группе из 50 американских учёных составить портрет будущего человеческой цивилизации. Группу возглавил директор созданного незадолго до этого института «Национальная нанотехнологическая инициатива» Михаил Роко и нынешний директор отдела ННФ по социальным наукам и бихевиоризму Вильямс Симс Байнбридж.

В результате в 2003 г. был подготовлен и опубликован 400-страничный доклад «Конвергирующие технологии для расширения человеческих возможностей», содержащий самые фантастические проекты, основными темами которых были расширение познавательных способностей и возможностей человеческого разума; совершенствование физических способностей человека и улучшение здоровья; расширение социальной коммуникации; национальная безопасность.

Хотя Михаил Роко и заявил по поводу доклада: «Мы не собираемся изменять человеческую целостность или контролировать мозги», изложенные в нём проекты как раз предполагают такие социальные изменения, которые превращают человечество в легко управляемую биомассу. И не случайно для подготовки доклада был выбран Байнбридж, который является специалистом по религиозным сектам, информационным войнам и манипулированию сознанием; Байнбридж участвовал в операции «Циклон», имеет 15 работ, посвящённых религии, социальному контролю и научной фантастике. Совместно с уже цитированным Ником Бостромом, Д. Пирсом и Дж. Хугсом (секретарём ВТА) он издаёт ведущий журнал трансгуманистов «Journal of Evolution and Technology», в котором, в частности, в 2003 г. была опубликована его статья, описывающая, как предупредить сопротивление клонированию со стороны «религиозных людей — врагов науки». Байнбридж сыграл ведущую роль в обосновании необходимости внедрения НБИК-технологий, призванных радикально изменить будущее человечества, резко повысив производительность, уровень комфорта и, главное, изменив образ мышления и самосознания людей.

После опубликования доклада трансгуманистические проекты в США получили мощную частную и государственную поддержку. Известно, что ежегодно американское правительство направляет только в сферу нанотехнологий 800 млн. долл. (это вторая по стоимости американская программа после лунной эпопеи).

Особое внимание этим проектам было уделено и в последнем докладе Национального совета по разведке США — государственного агентства, известного составлением прогнозов, посвящённых тенденциям развития современного мира на ближайшие 15 лет, которые публикуются после каждых выборов президента США.

В докладе, названном «Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры» и опубликованном в декабре 2012 г., говорится, что «расширение человеческих возможностей» считается одним из ключевых трендов в ближайшие 15 лет, так как новые технологии позволяют производить все виды модификаций «от имплантатов и протезов до экзоскелетов, расширяющих врождённые человеческие способности». Эти дополнительные возможности будут использоваться солдатами, рабочими, пожилыми людьми. Среди них — мозговые имплантаты, имплантаты сетчатки глаза, продвинутое нейропрепараты, аватары и пр. Но позволить их себе смогут немногие, и в докладе ясно указано: «Высокая стоимость технологий для расширения человеческих возможностей означает, что они, вероятно, через 15—20 лет будут доступны только тем, кто сможет за это заплатить. Это может привести к возникновению двухуровневого общества».

В США активными архитекторами «трансгуманистического будущего» являются NASA и Google. В 2009 г. в целях подготовки соответствующих кадров — потенциальных лидеров, содействующих продвижению «технологий для решения глобальных проблем человечества», NASA и Google создали Университет Сингулярности, расположившийся в Кремниевой долине в Исследовательском центре NASA в двух шагах от Гуглплекса. Инициатором его создания стал Питер Диамандис, основатель и председатель Международного космического университета и Фонда X-Prize — премиального фонда поддержки революционных инноваций, направленных «на улучшение жизни всего человечества».

Международный космический университет (МКУ) был основан в Кембридже (штат Массачусетс, США) в 1987 г. и является центром всемирной сети, которая включает более чем 2700 выпускников, несколько сотен преподавателей и лекторов, более 20 филиалов. Он поддерживает, в частности, связи с Московским авиационным институтом.

Возглавил же Университет сингулярности современный «папа трансгуманизма», участник форума «Глобальное будущее 2045» Рэй Курцвейл, который в своей книге «Сингулярность уже близка» предвещает, что событие это произойдёт в 2045 г., после чего люди «преобразуют биологию и будут

существовать во Вселенной в качестве бессмертных киборгов». Курцвейл тесно сотрудничал с Google, а в январе 2013 г. стал техническим директором компании, в результате чего «искусственный интеллект» превратился в ключевое направление её исследований.

В настоящее время команда Курцвейла работает над созданием компьютера, который сможет воспроизводить нервную систему человека и превратится, таким образом, в его «компьютерного друга». Для этого компьютер «обучают» не просто отвечать на запросы к поиску, основанные на ссылках и словах, но понимать естественный язык и симантический текст. Поскольку для производства новой машины Курцвейлу необходимы данные о каждом из 2 млрд. интернет-пользователей, а ещё лучше — о каждом из 7 млрд. жителей Земли (даже о тех, кто не знает о существовании сетей и мобильных телефонов), Google оказался для этого идеальным партнёром. В тех же целях в марте этого года компания приобрела канадскую фирму DNNresearch, занимающуюся созданием биологических нейронов и их применением в компьютерах.

Как поясняет Курцвейл, «система будет знать на семантически глубоком уровне всё то, чем вы интересуетесь, а не только основные темы ваших интересов. Я предполагаю, что через несколько лет система сможет дать пользователю ответы на большинство вопросов раньше, чем эти вопросы будут заданы, ведь система уже будет досконально знать всё то, что интересует вас и что вы хотите увидеть». Соответственно, пользователь будет получать индивидуальные ответы на поисковые запросы, которые будут учитывать и его опыт в интернете, и контекст его интересов, и даже его характер и темперамент — всё то, что Курцвейл называет «эмоциональным интеллектom», который, по его мнению, сильнее влияет на интересы, чем жажда информации и аналитические способности. Собрав всю инфомацию о том, как работает пользователь, составив его полный портрет, система Курцвейла сможет использоваться как «эмоциональный робот», который будет уже не просто выдавать информацию, но угадывать, что именно нужно пользователю в соответствии с его настроением. В итоге произойдёт такое сращивание человека с компьютером, при котором незаметно инициатива перейдёт от пользователя к компьютеру, который под видом «угадывания» будет формировать и направлять интересы человека.

О том же говорил в одной из своих речей председатель совета директоров Google, трансгуманист Эрик Шмидт, являющийся членом совета по науке и технологиям при прези-

денте США и членом совета директоров «Сколково»: «Мы не нуждаемся в том, чтобы вы нажимали на все клавиши в вашем компьютере. Мы знаем, где вы находитесь и где вы были. Мы можем узнать в общих чертах, о чём вы думаете. Мне кажется, что большинство людей не хочет, чтобы Google отвечал на их вопросы, а им хочется, чтобы Google указал им, что они должны делать... Вы никогда не бываете одни, и вам не скучно».

Информационные технологии радикальным образом меняют человека, который, срачиваясь с компьютером, превращается в бионического человека. Как указывает Шмидт, «мы уйдём от командного интерфейса, когда вы отдаёте компьютеру команды, как собаке, и придём к ситуации, когда компьютер становится скорее другом. Компьютер говорит: «Ну, мы примерно знаем, что вас интересует». И вы дали ему на это согласие. И он говорит: «Ну, может быть, вам стоит сделать вот это или вот это». Компьютер делает то, что у него получается хорошо: сложные, аналитические задачи, поиск иголки в стоге сена, и у него идеальная память. И мы, люди, делаем то, что у нас получается хорошо: выносим суждения, развлекаемся и обдумываем разные вещи. Это симбиоз».

Но сам компьютер находится под контролем узкой группы хозяев. Об этом так же определённо говорится в недавно вышедшей в США книге Эрика Шмидта «Новый цифровой век: преобразуя будущее народов, стран и бизнеса», написанной им в соавторстве с бывшим чиновником Госдепартаменте США, возглавляющим в настоящее время «мозговой центр» Google, Джаредом Коэном. Заявив, что к 2020 г. интернетом будут охвачены все 7 млрд. жителей планеты, авторы провозгласили конец частной жизни и анонимности как таковой. Более того, они указали, что любой отказ подчиниться этой эре «всеобщей подключённости» будет рассматриваться властями как нечто подозрительное: «Правительство сможет заподозрить, что те, кто предпочёл остаться вне системы, хотя бы что-то утаить и, следовательно, скорее способны нарушить закон. Из антитеррористических соображений правительства смогут заводить досье на «спрятавшихся людей». В отношении вас могут ввести даже более жёсткие меры, включающие строгий контроль в аэропортах вплоть до ограничения на поездки».

Общий смысл «послания» таков: с развитием технологий наступит эра, полная угроз для человека, для обществ и для государств, и только знания тех, кто управляет технологиями, смогут нам помочь избежать катастроф.

Таким образом, трансгуманисты не только открыто декларируют свои цели, но и открыто демонстрируют методы их

достижения, абсолютно не скрывая, что речь идёт о создании системы всеобъемлющего электронного контроля над человечеством.

Трансгуманизм развивается в двух сообщающихся между собою сферах: светской и богоборческой. Кто есть кто в лагере трансгуманистов, на самом деле не суть важно, во всяком случае, их собственным высказываниям о себе доверять никак нельзя. Но несомненно, что ведущей силой в трансгуманистической программе является осознанное стремление затемнить образ Божий в человеке, и богоборческому сообществу принадлежит несомненное лидерство. Его главная цель — упразднить власть Бога и поставить высшей мировой силой человека в лице антихриста.

Как писал ещё в начале XX века Л.А. Тихомиров, программой деятельности антихриста, который «угадывает дух времени», является мистическая и магическая миссия. «В человечестве должно тогда господствовать мистическое верование, на основании которого люди начнут считать Бога силою, вредной для них, благотворной же силой признают дьявола, а относительно самих себя исполнятся уверенностью, что человек может стать высшей силой вселенной, бороться с Богом и ниспровергнуть его владычество».

С изобретением информационно-цифровых технологий маги получили в свои руки реальные инструменты, позволяющие им объединять людей, по выражению Л. Тихомирова, в «психические батареи». В наше время стало понятно, как практическая магия будет сплачивать массы. Речь идёт уже не об индивидуальном совращении человекoв и даже не об идеологической обработке отдельных групп, сословий и классов. На наших глазах совершается попытка создать глобальную антицерковь.

По замыслу, динамике событий, материальному ресурсу, научно-технической обеспеченности — это подлинно революция.

Исходным моментом для понимания современных событий являются слова Евангелия, где, как пишет Е.А. Авдеенко, «фиксируется как исторический факт, что уже в евангельские времена были живые носители идей религиозного трансгуманизма. Этим людям в лицо сказал Христос: «Вы — от нижних, вы — от мира сего, вы — от отца дьявола суть» (см. Ин. 8: 23, 44). Адепты древней революционности уже тогда могли сознавать, что они «от лукавого» — имеют задачу превзойти человека, и также могли уверенно мыслить, что они уже — по роду — отличны от всех людей, превосходят их.

Идея богоизбранности могла происходить из убеждения, что её носители «от отца дьявола суть».

Трансгуманизм безрелигиозного типа появился сравнительно недавно. Трансгуманисты от науки и прогресса могут и не знать, что человек — это нечто большее, чем биологическое, психическое и социальное существо. Это им знать не обязательно, наука такими вещами не занимается. О том, что человек есть «образ», что он по духу может или явить образ Божий, или поклониться другому существу духовной природы («зверю»), — об этом знают трансгуманисты из лагеря древних знаний. Придёт время, и революционная интеллигенция двух направлений соединит усилия. Все произойдёт по писанному: «Вы от отца дьявола суть» — вдохновитель всех революций пожрёт своих детей.

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОРУЖИЕ

Автор термина «организационное оружие» — Иосиф Виссарионович Сталин. Он первым соединил в общем понятии эти два слова в письме «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция».

Сегодня организационное оружие — термин современной политологии. Так называют воздействие, которому подвергается государство-соперник для разрушения глубинных основ государства, его исторических, идеологических и культурных кодов. Демонизируются лидеры и элиты. Стираются из памяти народа его исторические победы. Навязываются образы чужой культуры, чужой истории, чужих смыслов. В результате государство начинает чахнуть, шатается и, в конце концов, разрушается.

Об оргорузии сегодня пишут много, но каждый понимает его по-своему, хотя всё сказанное можно свести к тому, что оргоружие — это комплекс преимущественно невоенных средств информационно-идеологического, экономического, социально-культурного и психологического характера, используемых для

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

ослабления либо разрушения организационных систем государств-антагонистов (геополитических конкурентов).

В качестве угрозы безопасности России использование организационного оружия военной доктриной России не представлено, хотя оно может являться средством реализации угрозы создания преобладающего превосходства потенциального противника (блока государств-антагонистов в военной сфере). Стратегия национальной безопасности России до 2020 года напрямую не включает в состав угроз безопасности применение геополитическими конкурентами оргоружия против России. Вместе с тем, вполне очевидно, что именно оргоружие дезорганизует нормальное функционирование органов власти, подрывает единство и территориальную целостность страны, дестабилизирует внутривластную и социальную ситуацию в стране, нарушает существенную и экономическую безопасность, порождает отставание в развитии передовых укладов, сохраняет экспортно-сырьевую модель экономики и зависимость от внешней конъюнктуры.

Итак, с применением оргоружия было разрушено народное хозяйство СССР (при численности 5% от мирового населения оно производило 14% мировой продукции), его вооружённые силы, которые победить военным путём было просто невозможно, и общественное сознание, делающее народ страны опасным для «хозяев мира».

Сказанное следует перевести на понятный простому обывателю язык. Что подтверждает опасность этого, кажущегося полумифическим вида оружия? Наша жизнь. Именно оргоружие стало в конечном счёте причиной наших поражений в 1917-м и 1991 годах. Будем умышленно говорить только о России, хотя жертвами его применения были и другие государства.

Начнём анализ сверху. Как в 1917-м, так и в 1991 году страну возглавляли неслучайные люди — А. Керенский и М. Горбачев. К власти им помогли прийти извне. Как сейчас уже вполне ясно, они ставили целью разрушение России. И один, и другой действовали с заранее подготовленной командой единомышленников, подобранных «под задачу», готовых действовать против вроде бы «своей страны». И в одном, и в другом случае «команда развала», с учётом властных полномочий «реформатора», «пятая колонна» продвигалась на ключевые государственные и общественно-политические посты, неугодные отстранялись.

Поскольку для устойчивости государства важна формальная организация, в неё входит система вертикальной зави-

симости, соединяющая ряд служебных позиций, руководство каждым из подразделений сосредоточено в одном лице. Руководство распределяется между рядом лиц, специализированных на выполнении определённых функций. Штабная организация имеет советников, экспертов, систему связей длительного межличностного и внутrigруппового общения — то есть создаёт и использует неформальные организации и отношения, к которым относятся неформализованные служебные отношения и социально-психологическая организация межличностных связей. Главный удар оргоруужия нацелен против неё, преимущественно в область «штабной организации».

Вспомним более знакомый нам период горбачевской перестройки. «Друг» М. Тэтчер и Р. Рейгана запускает политические и технологические процессы разрушения СССР «сверху». Создаются законы, делающие это неизбежным. «Кадры Горбачева», каждый на своём месте, нарушают управление, возбуждают социальное недовольство, межэтническое противостояние, устраняют мешающих развалу, создают нехватку продовольствия и предметов быта при их избытке. Наконец, дело доходит до кретинизма — КПСС сама хоронила себя и СССР. Примерно то же, с позиций современного видения, мы знаем о трагедии царской России.

Сегодня Запад, проживав доставшиеся ему в ходе разгрома СССР и стран «соцлагеря» ресурсы, вновь готовится к очередному прыжку. Им захвачены основные районы энергоресурсов на Ближнем Востоке, создан район стратегического развёртывания против Китая и России в Афганистане. Государства Восточной Европы и часть бывших республик СССР связаны обязательствами в рамках Евросоюза и НАТО. С «ассоциированным партнёрством» Украины оно выходит на границы России.

Как мы помним, в 2008 году разразился мировой кризис. Под руководством американских институтов, вооружённая странами Запада Грузия проверила Российскую армию на прочность. Несмотря на полный военный идиотизм руководства ВС РФ того периода, система военного управления на местах сработала, а бойцы и командиры сломали «западную игрушку» Саакашвили в три дня (кстати, по воспоминаниям участников, грузины встречали наши войска как освободителей, а многие просили добить «Мишико» до конца). Может быть, армии сказали «Молодцы!»? Нет. Сломали и саму армию, и победную русскую военную школу, превратив академии в жалкие курсы, а училища — в убогие филиалы. Вот вам и итоги применения Западом оргоруужия — раз-

гром армии без войны. Сегодня В.В. Путин и С.К. Шойгу устраняют итоги проделок Сердюкова. Но каково! Разгром-то осуществлён россиянами на свои же деньги.

Сегодня в коме экономика. Это результат либерально-монетаристской политики, проводимой неуклонно от Гайдара до Медведева. Не будем анализировать всё. Экономике не хватает денег. Отсутствуют «длинные» кредиты, внешние долги корпораций (под госгарантии) уже превышают размер резервов, при этом на счетах Минфина триллионы неизрасходованных в прежнем году средств. Кто в этой цепи является элементом оргоруужия? Кто продавливает, как безумный, разного рода олимпиады, с беспощадными тратами десятков миллиардов долларов? В современных условиях такого рода «праздники жизни» — это, по факту, экономические диверсии!

Сегодня в Россию ввозится свыше 65% необходимого ей продовольствия (официально подтверждённые данные). Это — глубокая продовольственная зависимость. А если завтра даже не война, а блокада с целью сделать Россию сговорчивей? «Голодомора» не возникнет? Кто организаторы этой страшной зависимости (разрушители сельскохозяйственных организаций, связей, систем — «оргоружейники»)? По факту сегодня уже без второй коллективизации — создания госхозов или колхозов — с этой проблемой не справиться.

Сейчас ломают образование и науку. Системно. Меняют кадры, направленность «штабов», разрушают связи, оптимальные технологии, административно уничтожают образовательные учреждения (и это в условиях торжества либеральной демократии). Итог таких реформ уже виден — рост безграмотности и разрушение духовных скреп в молодёжной среде.

Вот это и есть оргоруужие. И оно имеет своё имя и фамилию — в армии, лесном, сельском хозяйстве, науке, образовании, энергетике и т.п. Мы ведь знаем эти бесславные имена. Знает и госбезопасность. Но, к сожалению, они по-прежнему у «кормушки», а то и у власти.

Принимается новый закон — в итоге что-то, ранее удерживающее от развала, «скрепа» вынимается и начинаются беды: зарастают колхозные земли, вырезается скот, горят леса, входят в «административный восторг» чиновники... И кто-то всё это организует. Оргоруужие держит Россию на коленях. А «оргоружейники» подсчитывают барыши.

Когда в СМИ «правозащитники» М. Гельман и Е. Альбац открыто заявляют, не больше не меньше, о необходимости расчленения России на «удобные для жизни» куски, это, как

минимум, является средством информационно-организационного поражения общественного сознания. В США за подобное они получили бы лет по 20 тюрьмы. У нас они — хозяйка «дискурса».

Даже прибивший свои гениталии к брусчатке Красной площади «художник» Павленский (там, откуда уходили на защиту Москвы батальоны в 1941 году) и занимающиеся на виду у посетителей зоологического музея коллективным сексом, а также задирающие ляжки в Храме Христа Спасителя полоумные распущенные девки, — это снаряды и мины оргоружия. Они натравливают друг на друга народы, разлагают сознание наших детей, делают бесчеловечным общество. Они — средство войны, оружие. И общество может, вправе и должно противопоставить им средства защиты. Когда Г.Зюганов предложил за призыв к расчленению России ввести уголовную ответственность, то был прав. Она существует и в США. Более того, за действия, несущие угрозу социальному строю и ведущие к распаду страны, такая ответственность — предельно жестокая. И это — оправдано. Последуем же примеру «светоча демократии».

Валерий ХАТЮШИН

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2013 год

(Июль — декабрь)

Так называемая реформа РАН, а точнее говоря, либеральная афера по разрушению Российской академии наук — это давно спланированная затея премьера Медведева, проводимая им через министра образования Ливанова и заместителя премьера по социальным вопросам Ольгу Голодец. Опозорившись с предыдущими своими аферами «Роснано» и «Сколково», Медведев решил запечатлеть себя в истории в качестве реформатора академической науки. Очень точно кто-то написал: «Киндерсюрприз с айфоном»...

* * *

Очередное падение ракеты-носителя «Протон-М» с тремя навигационными спутниками системы ГЛОНАСС 2 июля 2013 года — это результат деятельности «пятой колонны», давно обосновавшейся в нашей космической сфере. «Мы жестко разберемся с причинами этой новой аварии», — заявил вице-премьер

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Д. Рогозин. А причины ясны, как Божий день. «Пятая колонна» проникла **во все** сферы государства (от правительства до начальников местных отделов ЖКХ) и действует нагло, открыто и бесцеремонно **по всем** направлениям. Она развязно смеется нам в лицо и ежедневно, ежечасно делает своё чёрное дело. Беспредельная, ниагарская «коррупция» по всей стране — это не только воровские наклонности отдельных чиновников, это система оккупационного управления, созданная и внедренная здесь «пятой колонной» после 1990 года. Она ликвидирует научные и технические институты, отстраняет от работы русских ректоров, деканов и руководителей кафедр университетов, она физически уничтожает русских учёных и конструкторов. Я писал в «Протуберанцах» за 2011 год, что в России с 1996 года **убито** более сорока ведущих русских ученых. В основном это физики-ядерщики и конструкторы космической техники. Об этой «пятой колонне» я пишу в своих статьях уже более 20 лет, и не только я. А силовые министры и большие дяди из ФСБ всё ищут *причины* бесконечных диверсий, аварий и катастроф...

* * *

6 июля, в день открытия Всемирной летней Универсиады в Казани нам устроили новую диверсию — на железной дороге. В Краснодарском крае был пущен под откос пассажирский поезд «Новосибирск—Адлер». Одиннадцать вагонов сошли с рельсов, семь из них перевернулись. Пострадали более 80 человек, в том числе дети, ехавшие на юг. Все «либеральные» СМИ тут же загалдели о «деформировавшемся от жары рельсе»... И обыватель, как всегда, легко клюёт на такую глупость.

Во-первых, эта северокавказская диверсия — напоминание о скорой зимней Олимпиаде в Сочи. А во-вторых, — месть за невыдачу американцам беглого цэрэушника Сноудена. «Пятая колонна» и вашингтонский обком работают слаженно.

* * *

В ночь с 5-го на 6 июля в городе Пугачеве Саратовской области проживающие там чеченцы зарезали 20-летнего бывшего десантника Руслана Маржанова. Этно-«либеральные» СМИ тут же начали врать о том, что «бытовой конфликт» произошел «из-за девушки». Однако эта самая девушка заявила следователям, что знать не знала чеченских убийц. Возмущенные жители города вышли на народный сход и потребовали выселения чеченцев и справедливого расследования преступления. Милиция и местная власть попытались их

успокоить, но люди не стали никого слушать, прорвали милицейское оцепление и перекрыли федеральную трассу Волгоград—Самара. Чеченцам пришлось прятаться под прикрытием милиции и ОМОНа. Три дня возмущенные люди собирались на центральной площади города, чтобы получить вразумительный ответ от местных и региональных властей. Вразумительных ответов не последовало. На обещания главы администрации города, что, мол, виновные будут наказаны по всей строгости закона, следовало единое требование местных жителей — русских, татар, казахов: **выселение!**

Кремль и правительство никак не реагировали на бунт пугачевцев, храня свое обычное тупое молчание. И в этом нет ничего удивительного. Чечне и другим национальным республикам в составе РФ позволено то, о чём русским даже заикнуться запрещено под дамокловым мечом «экстремизма», «шовинизма» и «разжигания межнациональной розни». (Сколько русских людей сидит за это в тюрьмах по 282-й ст. УК!) На официальном сайте правительства Чеченской Республики опубликован не менее официальный документ под названием «Приоритеты и концепция национальной политики ЧР». Вот выдержки из него:

1. «Концепция национальной политики ЧР ориентирует на... согласование общегосударственных интересов и интересов чеченского народа...»

2. «Историко-культурные особенности чеченского этноса, являющегося титульной нацией в Чеченской республике (Чечне), сложились в ходе многовековых...»

3. «Современная этнополитическая ситуация в Чеченской республике (Чечне) определяется многими взаимосвязанными и взаимодействующими факторами, в которых доминирующая роль отводится прошлому и настоящему чеченского народа, его национальному самосознанию».

4. «Историко-культурные особенности чеченского этноса, специфика этнополитической ситуации, необходимость сохранения ее стабильности и дальнейшего улучшения, социокультурного развития Чеченской республики (Чечни) требуют, чтобы государственная национальная политика основывалась на следующих принципах...»

5. «Сохранение и развитие языков и культур чеченцев, всех этнических групп...»

6. «Содействие чеченцам, проживающим вне Чеченской республики (Чечни)... защита прав и законных интересов чеченцев и других выходцев из Чеченской республики, проживающих за ее пределами».

7. «Исходя из историко-культурных особенностей чеченского народа... концепция предполагает...»

8. «К числу первоочередных задач относятся: разработка правовой и нормативной базы для регулирования и совершенствования федеративных и межнациональных отношений, обеспечения национальных интересов чеченского народа и других этнических групп, проживающих в Чеченской республике... всесторонний учет этнокультурных особенностей чеченского народа...»

9. «...организовать научные исследования по проблеме депортации и ее последствиях для чеченского народа... объективно и профессионально освещать в СМИ депортацию чеченского народа...»

10. «В экономической сфере — ...передача в собственность республики Чечня предприятий и учреждений, необоснованно отнесенных к федеральной собственности, привлечение регионов РФ для восстановления экономики республики, обеспечение получения населением ЧР соответствующей доли приватизированной в начале 90-х гг. общероссийской собственности...»

11. «Системное и оперативное противостояние через СМИ проявлениям чеченофобии...»

12. «...национально-культурное развитие чеченского народа... защита материальной и духовной культуры чеченского народа...»

Что-нибудь подобное для русского народа возможно ли себе представить в нынешней России? И кем будет заклеимён, кем будет назван, в чём будет тут же обвинен, какой обструкции подвергнется в этно-«либеральных» СМИ человек, позволивший себе заикнуться о подобных «приоритетах» и «концепциях» для русского народа!!! Вот она, **истинная** кремлёвская «толерантность» и «дружба народов»!.. Вот поэтому мы всегда видели одну и ту же реакцию Кремля на Кондопогу, на Манежную площадь, на Ставрополь, на город Пугачёв...

* * *

На сайте «Русский дом» размещена такая информация:
«Мусульманин никогда не получит в Японии гражданства.
Спорить не получится: закон есть закон.

Мусульмане не имеют права продолжительно находиться на территории Японии.

Попытка распространения ислама — уголовное преступление. За это можно сесть в тюрьму и надолго.

В Японии нет ни одной школы, где преподают арабский язык.

Коран — запрещенная книга. Импортировать её нельзя. Доступна только «адаптированная» версия на японском.

Соблюдение обрядов разрешено только в закрытых помещениях. В случае, если ритуалы увидят обычные японцы, мусульманину грозит тюрьма.

Разговаривать на арабском и на тюркском строго запрещено.

У Японии практически нет ни одного посольства в арабских странах.

Ислам в Японии исповедует 0.00% японцев.

Приехавшие на работу в Японию мусульманин имеет право работать только в иностранных компаниях. Т.е. японские компании не принимают на работу людей, исповедующих ислам.

Визы в Японию мусульманам дают очень редко. Даже знаменитые врачи, ученые, исповедующие ислам, не могут получить визу в Японию.

В трудовых договорах часто прописано, что работодатель без объяснений имеет право уволить сотрудника, если узнает о его исламской вере.

Мусульманам запрещено арендовать дома в Японии, не говоря уже о покупке в собственность».

Всё это, конечно, — нарушение прав человека (хотя американцы помалкивают). И всё это, конечно, ужасно. Но кто сможет ответить, хотя бы с трех раз, на данный риторический вопрос: **почему, по какой причине?**

Кстати сказать, Православие и вообще христианство не подвергаются в Японии никаким запретам, во многих японских городах действуют православные храмы, и немалое число японцев крестится и исповедует Православие.

Вот что записал Марк Твен в своем дневнике 25 августа 1867 года:

«Америка многим обязана России. Она состоит должником России во всех отношениях. И в особенности за неизменную дружбу в години испытаний.

С упованием молим Бога, чтобы эта дружба продолжалась и на будущие времена. Ни на минуту не сомневаюсь, что благодарность России и ее государю живёт и будет жить в сердцах американцев.

Только безумный может предположить, что Америка когда-либо нарушит верность этой дружбе — предумышленно, несправедливым словом или поступком».

Американские политики не читали своих писателей.

Сколько бы эта власть ни вертелась, сколько бы ни загоняла ситуацию в тупик, всё равно ей **придется** решать этот вопрос. Уйти, спрятаться, закрыться от него уже не удастся.

Ежедневно, ежечасно, ежеминутно чеченцы ведут себя как враги русских и бесцеремонно показывают нам, как они нас ненавидят. Можно перевоспитать двух, трех человек. Нацию перевоспитать невозможно. После всего, что случилось, мы уже никогда не будем жить с ними в мире.

Сталин эту проблему решил. Но Хрущёв вернул ее назад. Так или иначе, решать ее все равно придется.

Грозный — это русский город, основанный как крепость от набегов горцев. После 1917 года с помощью большевиков он был оккупирован спустившимися с гор чеченцами.

Я ничего не предлагаю. Я только констатирую факты, которые торчат, как шило в мешке.

Чеченский вопрос никуда не уйдёт, сам собой не рассосётся, как бы его ни замыливала нынешняя власть. Нашим или будущим поколениям не отвертеться от решения этого вопроса — заставит жизнь. И чем дольше он не будет решён, тем больше прольётся крови — с обеих сторон.

* * *

Собянин объявил 15 июля в Москве днем траура. Очередного перманентного траура. Вот уже четверть века Россия — траурная страна. А может, и не надо вообще отменять траур — всё равно завтра-послезавтра случится новая трагедия с многочисленными человеческими жертвами? Пусть на всех домах и флажках постоянно висят чёрные траурные ленты. Пусть в ящике в соблюдение нескончаемого траура не будет рекламы, мерзких смехачей и обрыдших попсовых рож. Народ только спасибо скажет. Зачем отменять траур, если страна и люди гибнут, как во время войны?

13 июля под Подольском гражданин другого государства, сидевший за рулем «КамАЗа», гружённого щебнем, вышел на встречную полосу и на огромной скорости врезался в рейсовый автобус, который от удара раскололся надвое. Щебёнкой засыпало погибших и раненых. 18 жертв, более 30 человек в тяжёлом состоянии доставлены в больницы.

Как выяснилось, грузовик давно снят с регистрации, а водитель, гражданин Армении, семь раз подвергался наказаниям за нарушения на дороге и не имел права перевозить какие-либо грузы. И тем не менее...

Кто-нибудь в московской мэрии или в Кремле может ответить на этот простенький вопрос: в какой нормальной стране такое возможно?

Такое возможно **только** при вашей власти, господа, и при той продажно-бандитско-воровской системе, которую вы создали для себя и под себя. Только при вашей продажно-бан-

дитско-воровской системе граждане других государств, не имея российских прав, ничего и никого не боясь, могут сломать голову мчаться по встречной полосе на снятом с регистрации грузовике с щебнем по заказу какой-то липовой фирмы... А ведь как ни посмотри, хоть в прямом, хоть в переносном смысле, — это теракт. Чем грузовик с щебнем отличается от взрывчатки?

* * *

Навальный — это вор, аферист, мошенник и лжец. Мало того, что он американский агент, но еще и мелкий, циничный негодяй. И тем не менее сколько свихнулось на нём русских дураков! Теперь, оказывается, достаточно любому подонку что-то вякнуть ругательно о Путине, чтобы тут же стать героем в глазах совково-либеральной публики. И прозападные шестерки, сидящие в центральных СМИ, очень умело этим пользуются, объявляя Навального главным лидером оппозиции. Пора бы уже научиться соотносить уличным недоумкам: если пятая иудейская колонна о ком-то неумолчно долдонит, выставляя его вперед, — значит, это враг.

* * *

Российское «либеральное» радио — нечто ужасное и непотребное. Ежечасно мерзкими голосами озвучиваются мерзкие новости.

* * *

25 июля в Пермском крае в детских летних лагерях «Орлёнок» и «Гудок» отравились более ста детей. Это говорит о том, что никаких выводов из предыдущих подобных ЧП министерские чиновники, отвечающие за здравоохранение в стране, не сделали, и никаких действий по недопущению подобного преступного вредительства никто и не собирался предпринимать. За одно только это происшествие две госпожи министерши по фамилии Голодец и Скворцова должны были со свистом и с волчьим билетом вылететь из правительства. Это если бы правительство возглавлял нормальный русский человек, а не тот, кто был очень недоволен законом им. Димы Яковлева.

* * *

По всей стране то и дело происходят народные сходы, требующие выселения азиатско-кавказских мигрантов. Власти всех уровней пытаются эти сходы и недовольства русских людей погасить. И никак не дойдет до *этих властей*, что та-

ким вот способом они роют себе могилу, потому что игнорирование мирных требований в конце концов приведет к взрыву. И тогда не будет пощады никому — ни мигрантам, ни властям. И тщетны будут призывы к успокоению. Вот тогда и придется кое-кому вспомнить слова Пушкина про беспощадный русский бунт...

Когда власть отказывается понимать мирный язык, тогда приходится ей понимать язык другой.

* * *

Как бы мы, русские люди, ни относились к советской власти и социалистическому строю (в большинстве своем — положительно), всё же зверское преступление большевиков, совершённое в ипатьевском доме в 1918 году, не будет смыто с них никогда. Преступление это зияет кровавым пятном и на нынешних коммунистах. И будет зиять до тех пор, покуда коммунистические лидеры не покаются за него перед руским народом. Пока же мы слышим с их стороны пустую оправдательную демагогию по этому поводу. Но пустой демагогией кровавое пятно смыть невозможно. Для этого им понадобятся честные, прямые и мужественные слова. Другого способа избавиться от черной большевистской метки не существует. Но пока на мужественный поступок у коммунистических лидеров воли нет.

Когда такой поступок будет совершён, тогда все мы (и в первую очередь сами коммунисты) испытаем огромное моральное облегчение.

* * *

Что такое пресловутые «права человека»? Мне всегда хотелось спросить: какого «человека»? Что это за абстрактный «человек», рождённый в мозгах западных либерал-демократов во второй половине XX века и агрессивно навязанный всему миру как некий идеал, чьи опять же абстрактные «права» весь мир обязан соблюдать под присмотром мирового жандарма — США?

Все люди, живущие на земле, **разные**, даже излишне говорить, по каким признакам — от национальных, расовых до психических, умственных, моральных и уголовных. И права у этих людей, если смотреть реальности в глаза, тоже разные, как и обязанности. «Соблюдение прав человека» — это американская обманка, циничная уловка, на которую были пойманы миллионы неразумных, эгоистичных совковых обывателей. А еще точнее говоря — это идеологическое, информационное оружие, примененное против СССР, которое, к сожалел-

нию, сработало по причине морального убожества многих советских интеллигентов и молящихся на Запад чиновников.

Не существует никакого абстрактного «человека». Как и не может быть никаких его абстрактных «прав». В любой стране имеются **свои** права человека, которые предназначены только для гражданина данной страны и то не для каждого. И во всех странах эти права разные. И не может быть никаких *всемирных* «прав человека». И, самое главное, права гражданина должны быть увязаны с его **обязанностями** перед своим государством. Иначе любые права теряют свою ценность и свою пользу. А либеральная туфта о «правах человека» — еще одна всемирная ложь. И ложь эта ярко выражена в тех странах, на которые жандармская функция «прав человека» не распространяется по определению. К примеру, права еврея и палестинца в Израиле или права латыша и русского в Латвии — это, как сказали бы в Одессе, «две большие разницы».

* * *

Все разговоры о толерантности либералами ведутся исключительно среди русских. Как только дело касается кавказского экстремизма, все либеральные рассуждения о толерантности мгновенно испаряются, и тут же озвучивается их излюбленный лозунг: «Преступность национальности не имеет!..»

* * *

31 июля на заседании Совета Безопасности РФ Путин наконец проговорил об этнической преступности дословно то, что я писал о ней в «Протуберанцах» на протяжении всех последних лет. Более того, он даже еще жестче сказал о бездействи и потакании ей тех, кто обязан ее пресекать, а именно: обвинил полицейских в том, что они берут от рыночных торговцев свои 30 серебряников, чтобы закрыть глаза на каждодневную этническую преступность. После этих слов Путина, действительно, каких-то ментовских начальников сняли с работы. Но пройдет месяц, всё утрясётся, и вновь прежнее ментовское «крышевание» вернется на «круги своя» — давно налаженные связи полицейских и рыночных кавказско-азиатских мафиозных групп восстановятся в полном объеме. Как известно, жизнь не любит пустоты.

После того, как дагестанец в драке проломил череп оперативному полицейскому работнику, прошли демонстративные облавы на нескольких московских рынках, а мэр Москвы произнёс угрожающую фразу: «Будем наводить порядок». Однако вся эта показушная суета через пару недель закон-

чилась очередным лопнувшим мыльным пузырьём: из Москвы были высланы на родину полторы сотни... вьетнамцев. И на этом все успокоились.

* * *

Летом этого года Дальний Восток оказался под водой. Это был не просто паводок, даже не наводнение, это был настоящий дальневосточный потоп, охвативший более миллиона квадратных километров. Непрерывные проливные дожди, шедшие в июле и августе, переполнили реки Амур, Зею и находящиеся на них водохранилища. Затопленной оказалась вся равнинная территория Приамурья, Хабаровского края и Еврейской АО с их населенными пунктами, сельхозугодьями и приусадебными участками. Вода поднялась до вторых этажей частных домов. Сотни тысяч человек покинули свои жилища или были эвакуированы. Погибли многие домашние животные, не говоря уже о диких. Погиб урожай. Ущерб, нанесенный этим потопом, был колоссальным. **Такой беды здесь не было никогда прежде.** Но самое важное, что нужно сказать, — эта беда была неизбежна. Рано или поздно она должна была произойти.

О неизбежности этой экологической катастрофы наши ученые писали еще в советское время — тогда, когда шла борьба с геноцидным проектом поворота северных и сибирских рек. Если бы тогда русским ученым, писателям и другим общественным деятелям не удалось победить, то этот потоп поглотил бы **всю** территорию России (к чему, собственно, и стремились проектировщики поворота рек). Дальневосточный потоп теперь в реальности показал то, что предсказывали русские ученые в середине 80-х годов прошлого века. А виной всему были и остаются равнинные гидроэлектростанции. Ученые наши доказывали, что нельзя, недалеко видно, просто преступно строить гидроэлектростанции на равнинных реках России с неременным затоплением огромных территорий под водохранилища. Ученые с цифрами в руках показывали, что при длительных, непредвиденных ливнях эти водохранилища будут переполняться, перегружая плотины, придется сбрасывать воду в вышедшие из берегов реки, и последствия окажутся катастрофическими. Жизнь подтвердила их правоту в Краснодарском крае в 2012 году (особенно в г. Крымске) и вот теперь — на Дальнем Востоке. Но жизнь, как всегда, нашу власть ничему не учит. Поэтому новый потоп нас будет ожидать в любой другой части России.

Русские ученые предлагали альтернативу равнинным гидроэлектростанциям. Существует целый комплекс проектов

по замене этих станций (как, между прочим, и атомных) на более совершенные, более экономически выгодные, экологически чистые, менее затратные и абсолютно безвредные. Однако там, наверху (в Кремле и в «Белом доме»), существуют силы, упорно блокирующие проведение в жизнь этой альтернативы. Непрерывная цепь экологических катастроф, видимо, их устраивает больше.

* * *

Как ни странно, правильно сказал Р.Абдулатипов на встрече с Путиным: «Дагестан кормили, но не лечили». Очень многих зверьков, притащившихся в Москву из горных кавказских «республик», надо лечить от бешенства. Уж если они, как бешеные животные, бросаются с гирями и травматами на полицейских, то их действительно, как сказал глава Дагестана, нужно лечить. Причём, там, у себя на родине.

* * *

По сообщению пресс-службы правительства РФ, 25 августа председатель правительства Российской Федерации Дмитрий Медведев утвердил Федеральную целевую программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» на 2014—2020 годы, выделив на это почти 7 млрд. рублей. Цель Программы — «укрепление единства многонационального народа Российской Федерации».

Всё бы ничего, да вот только очень трудно понять, каким образом эта Программа правительства по укреплению «единства *российской* нации» будет согласовываться, к примеру, с «приоритетами и концепциями» национальной политики Чечни, опубликованными на официальном сайте ЧР? И как она, эта Программа, в сознании премьер-министра РФ сощется с существованием в России этих самых *национальных республик*? Вот уж где в первую очередь посмеются над премьером с его идеей «единой российской нации»!..

* * *

Эти лицемерные ублюдки, которых называют пиндосами, применяли ядерное оружие в Японии, а напалмовое и химическое — во Вьетнаме. И теперь они что-то блеют о применении химоружия со стороны Дамаска. Ни один нормальный человек в мире в это поверить не способен. (Тех, кто в это склонен верить, уже невозможно считать ни нормальными, ни вообще разумными людьми.) Но пиндосам, как всегда, плевать на весь мир, как плевать им было на разоблаченную аферу с пробиркой порошка «сибирской язвы» в ООН перед

бомбометанием в Ираке. Им вновь нужен предлог, и они его придумали, даже не показав ни одного наемного головореза, который бы окочурился от этого «химического оружия».

Действительно, что-то давненько пиндосы никого не бомбили. Засиделись на своих авианосцах, соскучились без настоящей работы. Зря, что ли, Обаме давали «премию мира»?.. Надо оправдывать лауреатский кредит сионистского лобби. А оправдать его можно только новой войной. Европейский Союз свою премию уже отработал, разбомбив Ливию. Без этого «премия мира» теперь не выдаётся...

* * *

Еще одна провокация этно-«либералов» — голосование за «символ» России. Среди этих символов поначалу с большим отрывом лидировала мечеть им. Ахмада Кадырова, набравшая 38 млн. голосов (это при том, что в Чечне проживает чуть более миллиона человек). Когда же в конце концов на первое место вышел коломенский кремль, Рамзан Кадыров закатил на всю страну истерику и отправил протест в прокуратуру. Только так этот «молодой энергичный политик» понимает «игру по-честному». И это для них, «честных политиков», вполне естественно — после Буденновска, Беслана и отрезанных голов русских солдат только и единственно чеченская мечеть должна являться символом России. Тот факт, что коломенскому кремлю — 450 лет, а кадыровской мечети — три года, для них вообще не имеет никакого значения.

Ну а этно-«либералы», как всегда, пожинают свои любимые плоды: для того и было вброшено это провокационное голосование, чтобы разжечь новую ненависть между православными и мусульманами. И плевать этим ехидным «либералам», устроившим провокационное смс-голосование, на то, что символом России может быть исключительно Московский Кремль.

* * *

7 сентября на трассе «Москва—Рига» в Псковской области произошло лобовое столкновение двух рейсовых автобусов. Погибли восемь человек и 25 получили повреждения. Как рассказали свидетели, перед столкновением автобус, следовавший из Москвы, резко вышел на встречную полосу.

«Либеральные» СМИ тут же начали долдонить об «уснувшем за рулем водителе». И, само собой, все, за редким исключением, в это поверили, не утруждая себя вопросом: с чего это вдруг «спящий за рулем водитель» повернул баранку, чтобы точно угодить в двигавшийся навстречу автобус?.. И о национальности этого водителя, естественно, тоже никто не заикается.

К нашему всеобщему несчастью, почти никто не видит и не понимает многолетней и бесконечной охоты на дорогах на междугородные автобусы. Не понимает и не хочет понимать. Ну что ж, тем хуже для всех нас. Новый аналогичный теракт не за горами — с «уснувшим за рулем водителем»... И многомиллионная орава российских телезрителей в очередной раз поверит в эту глупость.

Кстати сказать, армянин, 13 июня направивший груженный щебнем «КамАЗ» в рейсовый автобус под Подольском, на суде признался, что сделал это сознательно, т.к. якобы иначе не мог остановить свой тяжелый самосвал с вышедшими из строя тормозами... А ведь «либеральные» журналисты тоже тогда галдели об «уснувшем за рулем водителе»...

* * *

Вновь сожгли психоневрологический интернат. Теперь — под Новгородом, в ночь с 12 на 13 сентября. Погибли тридцать семь человек, в том числе и санитарка, спасавшая больных. Старое ветхое здание интерната сгорело за считанные минуты. Новгородский суд в этом году отказал интернату в переезде в новое помещение. Для местного бюджета — облегчение. Больше не надо выделять средства на лечение больных и содержание интерната. СМИ, как обычно, всё свалили на больного, который якобы среди ночи «решил покурить». Им, конечно же, виднее: свой штампованный «непотушенный окурок» они видят за сотни километров.

Схема всех подобных пожаров, а точнее говоря, поджогов — одна и та же. Абсолютно то же самое в этом году произошло в подмосковном поселке под Дмитровом. Как всегда это происходит, ночью сгорела психиатрическая больница вместе с пациентами и двумя медсестрами. Одноэтажное деревянное здание мгновенно было охвачено пламенем. Пожарные приехали лишь через час, когда больница уже догорала. Тогда было 38 жертв. Теперь — 37. После той трагедии никто не был серьезно наказан и про нее быстро забыли. Быстро забудут и про эту.

13 сентября по всем центральным каналам ТВ с вечера до ночи завывала эстрадная попса. Счастливые, улыбающиеся физиономии ведущих перемежались на экране с рукоплесканиями залов и полуобнаженными извивающимися телами орущих в микрофон певец.

* * *

15 сентября под Гудермесом Кадыров открыл памятник «чеченским женщинам, погибшим в войне с Россией». Та-

ким образом глава этой «республики» желает всем нам показать, что Чечня до сих пор противостоит России, что она не принадлежит России и не имеет с ней ничего общего.

Являясь дотационной «республикой», на деньги российского бюджета Чечня без всяких для себя последствий демонстративно, с вызывающей наглостью устанавливает на своей территории не просто антирусский, но откровенно антироссийский памятник. Более того, день его торжественного открытия объявляется чеченским **государственным** праздником. И Кремль смотрит на это действие со спокойным безмолвием.

Ну что ж, вот это и есть один из естественных и ожидаемых результатов «республиканских игр», о чем я писал в статье «О статусе кавказских «республик». И новые плоды этих игр не за горами.

Очень интересно узнать, как этот памятник будет сочетаться с утвержденной Д.Медведевым Федеральной целевой программой по «укреплению единства российской нации»?.. Да, господа, замечательный символ «единства»!.. Или там, в Кремле и в «Белом доме», уже смирились с независимостью Чечни?

В Комсомольске-на-Амуре тысяча человек — солдаты и местные жители — в ночной шторм своими телами защитили пятикилометровую дамбу от разрушения, чтобы спасти город. 15 часов они стояли в резиновых комбинезонах под холодным проливным дождем, атакуемые штормовыми волнами и ураганным ветром, удерживая мешки с песком, а точнее говоря, закрывая их собственными телами. И они спасли свой город — стихия отступила перед человеческим духом. Но в грязной, похабной, ёрнической «либеральной» прессе ни одна сволочь об этом не написала. Зато каждый день в эти дни извращённая русофобская пресса обсасывала мировую «новость» о появившейся в «Твиттере» фотографии Обамы на фоне «оскорбительного» для него банана. Оскорбились эти журналюги за Обаму.. Ничтожества и жуки навозные.

А в Комсомольске-на-Амуре простые люди совершили массовый подвиг.

Так называемая «многонациональность» — это на самом деле бич, а не благо для любой страны. И кичиться тут особо нечем. Это слабость, ущербность страны и опасность ее развала. История множество раз показывала, что многонацио-

нальность приводила к внутренним войнам и расколу государств. И как все мы теперь ясно видим, российская «республиканская» многонациональность стала нашей общей бедой.

Однако властные чиновники и этно-«либеральные» журналисты то и дело выпячивают многонациональность России как аргумент против русских, придавая ему преувеличенное значение. С помощью этого раздутого аргумента они вольно или невольно раскалывают Россию, раздирают ее и разжигают межнациональную рознь. То есть бесконечными разговорами о многонациональности они поощряют национализм, а где-то и сепаратизм мелких наций. И это при том, что все национальности помимо русских составляют не более 20% населения России.

Чтобы сплотить и сохранить страну, нужно как можно меньше говорить о многонациональности России, и, наоборот, как можно больше внедрять мысль о единстве нашего народа. Но этно-«либералам» этого единства не нужно, у них другие цели, нежели у нас, русских, и потому они на всех каналах и экранах будут и дальше упорно долдонить о многонациональности России.

Конечно, необходимо сохранять малые нации, но нельзя, непозволительно, основываясь на факте их существования, раздувать миф о нашей многонациональности и отказываться от строительства Русского государства. Если цель наша — самосохранение.

* * *

Потомок африканских рабов по фамилии Обама обозвал американцев исключительной нацией, и те самодовольно заулыбались. Это понятно. Они возомнили себя исключительными только лишь потому, что их города никогда не бомбили.

* * *

Так называемые демократы — это извечные недочеловеки, произошедшие от дарвинских «обезьян». У нас с ними никогда и ничего не может быть общего. Они поубивали миллионы русских людей и теперь талдычат о толерантности...

* * *

Эстрадные монстры Пугачева и Галкин пришли к логическому результату своей безнравственной жизни — к суррогатным детям. И мы через какое-то время еще услышим продолжение истории с этими несчастными «детьми».

Вот и получили власти еще одно восстание русских людей. На этот раз в Москве — в Западном Бирюлёве.

10 октября очередной кавказский ублюдок зарезал очередного русского парня, попытавшегося защитить от него свою девушку. Три дня полицейское районное начальство, как обычно, лениво позёвывая, надеялось, что это «дело» как-нибудь само собой рассосётся. И зашевелилось только на третий день, когда собрался народный сход, превратившийся в самое настоящее восстание. Три тысячи возмущенных жителей после митинга, на котором не появились ни префект округа, ни глава районной управы, выбили стекла в азиатско-кавказском торговом центре «Бирюза», разгромили арбузную лавку, перевернули несколько машин с кавказскими номерами и вступили в схватку с ОМОНОм. На подавление восставших были брошены тысячи каскоголовых омоновских роботов, стянутых сюда со всей Москвы. Было арестовано 380 человек. И что показательно: все «правозащитники», съевшие зубы на выгораживании задержанных на Болотной площади, набрали в рот воды и попрятались, как мыши.

Телевизионные этно-«либеральные» словоблуды сразу кинулись осуждать «погромщиков» и «националистически настроенных экстремистов». Они мгновенно забыли об убийстве русского парня и весь свой пыл выплеснули на вышедшую на улицу «погромную толпу». Именно возмутившийся народ их напугал сильнее всего. Вот либеральная логика, озвученная по ящику шоуменом В.Соловьевым: «Да, людей убивают, но это не повод громить арбузные палатки». Только вдумайтесь в эту циничную, фарисейскую, подлую позицию: убийство людей — не повод для протеста!..

Однако, похоже, граница терпения москвичей и точка кипения русского гнева уже пройдены. Путинская игра в миграционную рулетку сулит ему крупный проигрыш во многих смыслах. Еще несколько подобных восстаний — и уже никакая популистско-«патриотическая» демагогия ему не поможет оставаться наверху общественного положения в стране. Путин с Медведевым явно заигрались в русское долго-терпение.

На следующий день после бирюлёвского народного восстания глава ФМС К.Ромодановский заявил журналистам: «Миграционное законодательство России не требует изменений». Да кто бы в этом сомневался?! Ясно, как Божий день, что мигранты вам, «либералам», здесь нужнее и милее государствообразующего народа.

Любую революцию готовит не кто-то со стороны. Любую революцию готовит власть. Народ может очень долго переносить тяготы жизни. И только одного народ не может переносить бесконечно — морального издевательства над собой.

Увы, господин президент, не Россия «настроена на мигрантов». Это вы на них настроены. Ваша маниакальная идея фикс о евразийском союзе уже отвергнута самой жизнью и дискредитирована вашим непониманием происходящей за окном реальной действительности. Все экономические и политические прожекты не стоят ломаного гроша, когда унижен и оскорблён народ.

Да, конечно, среди возмущенных жителей Бирюлёва, измученных постоянным страхом за свою жизнь и вышедших с протестом на улицу, оказались провокаторы и безбашенная, погромно настроенная молодёжь. Но москвичей просто напросто уже достала жизнь в окружении агрессивно настроенной кавказско-азиатской орды. И сколько бы этно-«либеральные» СМИ ни поносили нетолерантных «русских националистов», наверное, несколько разбитых стёкол в магазине стоили того, чтобы в Бирюлёве наконец-то была закрыта овощебаза, где жили сотни нелегальных мигрантов, было уволено недееспособное полицейское начальство и был быстро вычислен и схвачен убийца 25-летнего русского парня. И ведь все прекрасно понимают, что ничего этого не было бы сделано, если бы люди не выплеснули свое негодование на улицу.

Но что примечательно: Путин с Медведевым сразу по событиям в Бирюлёве не проронили ни слова. Их обычная в таких случаях риторика, видать, тоже иссякла. И самое простое — спрятать голову в песок. Ну что ж, подождём. Высказываться по этому поводу и что-то делать им все равно придётся: **жизнь заставит.**

* * *

Иммиграция мусульман в страны Европы, в том числе и в Россию, — это масонский глобалистский проект. И Путин этому проекту всецело подчиняется. Отказаться от него он не имеет права, точно так же, как не имеют такого права главы других европейских стран. Цель этого долгосрочного проекта — замещение, а потом и ликвидация белой расы. Белые, по этим планам, должны будут сохраниться только в составе глобалистской элиты. Вот что сказал Д.Медведев в июне 2010 года, будучи президентом РФ, на Петербургском экономическом форуме: «Мы должны построить Россию, которая будет **соучредителем** Нового Мирового экономического по-

рядка и **полноправным участником коллективного политического лидера** в посткризисном мире».

Агрессивное навязывание по всему миру ЛГБТ — тоже в русле этого проекта.

* * *

21 октября в Волгограде дагестанская шахидка подорвала себя в рейсовом автобусе. Семь погибших и 40 раненых.

После восстания в Бирюлёве этно-«либеральные» горлопаны орали о бесчинствах «русских националистов». Теперь они снова голосят о толерантности.

В начале XX века террористы-бомбисты взрывали и убивали по большей мере представителей российских властей. Нынешние же кавказские террористы трусливо и безмозгло взрывают и убивают простых людей, которые сами страдают от русофобской власти.

* * *

22 октября на заседании совета по межнациональным отношениям В. Путин пригрозил региональным властям увольнениями, если они не будут предупреждать межнациональные конфликты на подотчетных им территориях. Таким вот способом Путин обеливает себя, сваливая вину за черный террор и миграционный хаос на региональные и муниципальные власти. Но местные власти вынуждены иметь дело с тем, что позволил Путин, — с бесконечным, неостановимым потоком кавказско-азиатской орды, которую проконтролировать невозможно в принципе. Именно она мигрирует по территории России, она не желает адаптироваться к месту пребывания, ей не нужны наши законы, ей безразличны наши обычаи, она вообще плевать хотела на всех нас. Мигранты едут сюда не для того, чтобы нам подчиняться, а для того, чтобы срубить бабло. Днем они могут работать, а ночью — воруют, грабят, насилюют и убивают. Эта дикая толпа неуправляема, и никакая местная власть не способна с ней справиться. Есть лишь единственный способ решения проблемы — остановить этот поток. Но остановить его может только один человек — президент. Может, но не хочет. Почему? Потому что является заложником глобалистского проекта по внедрению мусульманской иммиграции на территорию Европы. Россия пока еще сопротивляется. Западная Европа уже смирилась.

Справиться с этнической преступностью любые местные власти, конечно же, не смогут. Поэтому им ради самосохранения придется с еще большим упорством душить на корню протесты коренного русского населения. А местные СМИ

получат распоряжение о замалчивании любых подобных эксцессов. Это и будет называться «предупреждением международных конфликтов».

* * *

Простых людей уже достали дурацкие путинские мантры, из года в год повторяемые им, как молитву: «интеграция мигрантов», «культурная адаптация», «толерантность», «многонациональность», «Россия настроена на мигрантов»... В конце концов эти глупые штампованные установки его и погубят.

* * *

Так они убивают наших детей. В одной из школ Приморского края во время прививок от туберкулёза детям ввели вакцину, в которой в две с половиной тысячи раз была превышена норма туберкулина. Дети оказались в реанимации. Некоторых в бессознательном состоянии пришлось самолетом отправлять в Москву. Детей спасли, никто из них не умер, но можно только догадываться, как в будущем скажется на их здоровье эта преступная акция.

* * *

Путин вновь выступил против ужесточения миграционных законов. В начале ноября на встрече с руководством ЛДПР он заявил, что «необходимо добиться того, чтобы приезжие соблюдали закон и уважали традиции мест, куда они приезжают, а также искоренить коррупцию в этой сфере».

Остается только еще раз спросить: а что же вы, г-н президент, столько лет находясь у власти, не добились от «приезжих» ни того, ни другого, ни третьего?.. И как долго вы собираетесь этого от них «добиваться»?..

Никакие преступления, никакие жесточайшие убийства, никакое насилие со стороны «приезжих» не действует на кремлевских сидельцев. Они и дальше будут «против ужесточения миграционных законов». Это значит, убийства и насилие со стороны «приезжих» будут продолжаться.

* * *

Рабочий класс России, еще недавно — «гегемон», «движущая сила истории», без шума и сопротивления, молча и безразлично уступил свое место таджикам.

* * *

Интернет, да и простой обыватель кипят от возмущения: Сердюков вернулся на госслужбу! Теперь он будет возглав-

лять госкорпорацию «Ростехнологии». Назначение произошло 1 ноября.

Но этого, господа, следовало ожидать. Кто его в свое время назначил министром обороны? Президент Путин. Кто теперь нашел ему новую должность? Президент Путин. По уголовному делу, связанному с разворовыванием Рособоронсервиса, Сердюков проходил всего-навсего как свидетель. Свидетель чего? Правильно, разворовывания. Неужели кто-то думает, будто кремлевским фигурантам от этого дележа ничего не досталось? Неужели кто-то наивно надеется, что в Кремле ждут не дождутся, когда главный свидетель начнет в суде называть имена этих фигурантов?..

Целый год наше население водили за нос, мусоля на всех телерадиоканалах сердюковское «уголовное дело». Поводили и хватит. Целый год население получало моральное удовлетворение от «разоблачения сердюковщины». Ну и довольно. Сколько можно эту соску сосать? Бесконечно, что ли? Сердюкову работать надо...

И плевать они хотели на то, что мы думаем про них.

* * *

А. Проханов в газете «Завтра» назвал Путина сегодняшним Сталиным. Хотелось бы напомнить Проханову такую деталь: Сталин своих министров, превысивших полномочия и уличённых в должностных преступлениях, ставил к стенке. А вот Путин своих министров, разворовавших Россию, переводит на другие должности.

* * *

В газете «Своими именами» (2013, №6) неугомонный полемист В. Бушин возмутился за А. Ф. Керенского, о котором в той же газете (2012, №46) сказано следующее: «Четвёртая Государственная дума 8 (21) июля 1917 г. назначила министром-председателем А. Ф. Керенского (Аарона Кирбица), публично приветствовавшего в 1941 году нападение гитлеровской Германии на СССР». В. Бушин по этому поводу разрился нетерпеливой репликой: «Разумеется, это чушь собачья... Мало того, что ныне всё телевидение еврейское, что еврейское засилье в театрах и в кино, мало им четырех премьеров и шести вице-премьеров от Немцова до Дворковича, они еще копаются в далеком прошлом и там изобретают евреев. Уймите же их, наконец! Ведь это не первый раз».

Во-первых, В. Бушин не удосужился указать, кому это «им» «мало еврейского засилья на телевидении, в театрах и в кино». И кто конкретно должен «их» унять. (Кстати сказать, в той

газетной публикации о Керенском ни разу не сказано, что он — еврей. И отчего Бушин вдруг так засуетился — можно только гадать.)

Но во-вторых... Самое главное — вот это *во-вторых*. В 1936 году в Гельсингфорсе (Хельсинки) была издана книга генерал-майора В.Н. Воейкова «С царём и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя-императора Николая II». В этой книге В.Н. Воейков вспоминает, что когда он находился под арестом Временным правительством в 1917 году, его посетил боевой товарищ, штабс-ротмистр одного из кавалерийских полков А.М. *«Так как он никогда не давал мне повода усомниться в полной его правдивости, — пишет Воейков, — я должен был поверить тому, что он мне сообщил в этот раз; он сказал, что его родственник по матери Федор Керенский в молодости женился на особе, у которой уже был сын Аарон Кирбиц. Федор Керенский, происходивший из русской православной семьи, усыновил Аарона Кирбица, который превратился в Александра Федоровича Керенского... Рассказ А.М. навел меня на объяснение высказанного А.Ф. Керенским, вероятно, искреннего его убеждения, что «единственные инородцы, не готовящие ножа в спину русской государственности, — евреи».*

Конечно, тут вряд ли можно сомневаться в том, что великовозрастный демагог В.Бушин точно так же назовёт воспоминания генерал-майора, дворцового коменданта В.Н. Воейкова «чушью собачьей» и «изобретением евреев». Но даже он, упёртый марксист и страстный любитель разгребания мелких подробностей чужих биографий, вряд ли своими окриками отобьет у нас желание интересоваться далеким и недалеким прошлым.

В Центральном административном округе Москвы, по данным ФМС, мигрантов зарегистрировано больше, чем местных жителей. Так что облюбовали они для проживания не окраинные спальные районы, как думают многие, а самый центр столицы. В скором времени они скупят **всё жильё** внутри Садового кольца, а затем потребуют переименования Москвы в какой-нибудь Бишбармак. И мэром вместо Собянина выберут Бюль Бюль оглы. Впрочем, Ромодановского они оставят на своей должности в знак признания его больших перед ними заслуг.

Вот развлекуха для наших властей: ФМС миллионными потоками завозит сюда иммигрантов, а полиция и ОМОН

устраивают на них облавы. Путин с Медведевым смотрят на этот цирк и похохатывают. А в перерывах между этой развлекухой — рассказывают нам о «миграционной адаптации» и терпимости к приезжим...

* * *

Очень точно гласит мудрая русская поговорка: «Что написано пером, не вырубишь топором». И сколько бы «демократические» словоблуды, мнящие себя писателями, ни отбояривались от многого, письменного ими зафиксированного, обнародованного и опубликованного в печати в недавнем прошлом, обелить себя в содеянном чёрном деле им уже **никогда** не удастся. И как бы они ни тужились сбросить с себя свою закостенелую мерзкую чешую, дело это безнадежное и смехотворное.

И впрямь смешно слышать и видеть, как оставшиеся в живых подписанты расстрельного «письма 42-х», требовавшие в октябре 1993 года уничтожения защитников Дома Советов, теперь вертятся, как ужи на сковородке, тщетно пытаюсь самооправдаться и отмазаться от своего нравственного преступления.

В сентябре 2002 года в статье «О нравственном одичании» (напечатанной в «Московском литераторе» и в «Молодой гвардии») я предсказал эти их скорые жалкие потуги: *«А все-таки есть нечто предопределённое в том, что эти подписанты отметились под своим мерзопакостным «обращением». Теперь это уже история... Кто-то из них сейчас, возможно, хотел бы вымарать, изъять свою фамилию из этого списка. Но тщетно. Они навеки подписали себе исторический приговор (да мы и не слышали слов раскаяния ни от кого из них). Этим своим письмом они навсегда лишили себя права говорить о нравственности, доброте и сострадании. Напечатанное в октябре 1993-го в «Известиях» обращение к Ельцину — прямое доказательство их нравственного одичания».*

И вот по прошествии 20 лет один из этих подписантов, Андрей Дементьев, поживший какое-то время в Израиле, в телепрограмме «Вирази времени» (12 октября 2013 года) на вопрос слушателя, сидящего в зале, решительно, даже агрессивно, с нервической дрожью в голосе закричал: «Я ничего не подписывал, хотя бы потому, что в это время не был в Москве!.. И Окуджава тоже не подписывал!.. И хватит об этом! Как вас зовут? Зачем вы клевете на меня?!» Да, сдают уже нервишки у престарелого стихотворца... И с какой стати он вдруг Окуджаву начал оправдывать? Тот при жизни от своей подписи под этим мерзким письмом ни разу не отказался...

Остается только процитировать самого Дементьева: «Никогда ни о чём не жалейте вдогонку...»

Вот и «Советская Россия» вдруг ни с того ни с сего устами Виктора Кожемяко кинулась отмывать от чёрного дела еще одного подписанта — Михаила Дудина, автора нескольких известных советских песен. Но стремление этого взлелеянного советской властью стихотворца всегда дуть по ветру и быть в струе властных веяний сыграло с ним злую шутку. Когда ветер перемен подул в обратную сторону, он как всякий прыткий приспособленец выстрелил в советскую власть тем самым расстрельно-«демократическим» письмом. И это, товарищ Кожемяко, исторический факт, который задним числом отменить не получится. Сотни молодых людей, вставших на защиту Родины в 1993 году и расстрелянных по требованию подписантов, хотели жить ничуть не меньше придворного стихоплёта Михаила Дудина.

И хочется спросить еще живущего А.Дементьева: если вы и впрямь не подписывали того подлого письма, то что же 20 лет об этом помалкивали? Что же ни разу публично не заикнулись об этом ни в 1993-м, ни через пять, ни через десять, ни через пятнадцать лет? Где столько времени скрывалась ваша «демократическая» совесть? Быть поэтом, даже при двойном гражданстве, — это не значит верноподданнические вирши кропать. Это, прежде всего, — сердцем знать, где правда и где ложь. Но вы и подобные вам, как были тогда, так остались и теперь — на стороне лжи.

* * *

Советский Союз все годы своего существования готовился к очередной горячей войне, произведя огромное число единиц оружия и военной техники. А в результате он был уничтожен без единого выстрела.

Человечество заботится о своем внешнем благоденствии, о пропитании, о производстве энергии, о развитии медицины, образования, о своем комфортном и свободном существовании... А погибнет оно от того, о чём заботится менее всего — от духовно-нравственной болезни.

* * *

Несостоявшееся государство под названием «Украина» раздирается надвое в стремлении, к кому бы прильнуть: одни хотят к Западу, другие — к России. И это понятно: самостоятельной, «незалежной» «дэръжавы» из «Украины» так и не получилось. И никогда не получится, потому что никогда такой независимой «дэръжавы» в природе не существовало.

Уж такой он, этот украинский менталитет: крику и амбиций много, а трезвого, умного самоуправления всегда не хватает. Какую бы власть украинцы ни выбирали, всегда она плоха. И всегда она, эта власть, вынуждена лавировать между западными и восточными стремлениями украинцев. Это очень ярко отражено в образах двух героев повести Гоголя «Тарас Бульба» — Остапе и Андрие. Вся т.н. «Украина» — это, условно говоря, и есть Остап и Андрий. И именно по этой причине у нее не может быть никакой «нэзалэжности», потому что, не имея единой, признанной большинством власти, она всегда будет стремиться под руку чужого хозяина, чтобы этот хозяин навел порядок и усмирил другую часть населения. Но примирить обе эти части способна только жесткая рука единственного подлинного хозяина этой земли. Имя его — Россия.

Президент Янукович оказался таким же моральным ничтожеством, как и все предшествующие ему украинские «президенты», хоть и очень старается быть хитрее всех. Победив на выборах в 2004 году, он струсил и сдал власть западэнскому оранжевому «майдану». Наконец став президентом в 2010-м, благодаря широким обещаниям русскому населению «Украины», снова начал эту привычную игру по выбору хозяина: кто больше заплатит, кто больше даст халявы и на каких условиях. То он за «ассоциацию» с Евросоюзом, то против нее... То он разгоняет новый «майдан», то вдруг начинает ползать перед ним на брюхе и оправдываться... Ну как же, в 2015 году очередные президентские выборы. Не дай Бог проиграть: тогда, чего доброго, можно очутиться в той же тюремной камере, где оказалась «дивчина с косой»...

Нередко говорят, что история «Украины» непредсказуема. А на самом деле — всё очень даже предсказуемо. Сколько бы она ни «майданничала», сколько бы ни кочевряжилась от сознания своей «нэзалэжности», никуда ей не деться от того, чтобы вновь и уже навсегда стать неотъемлемой частью России.

* * *

Золотая мечта «мирового правительства» — раздробление России и ликвидация русского народа. Под «мировым правительством» я подразумеваю глобалистскую верхушку государств, пытающихся править миром по своему усмотрению. По их планам, России и русских в перспективе быть не должно. Вместо нас, нынешних, на этой территории должны остаться разделенные и разобщенные этносы, ненавидящие друг друга и враждующие друг с другом. Глядя на карту мира,

где Россия все еще занимает недопустимо колоссальную территорию, глобалистская верхушка исходит желчью, скрежетает зубами и изводит себя неразрешимым вопросом: почему, зачем, с какой стати, какого чёрта она всё еще существует!!!

* * *

Отпавшая часть России под названием «Украина» снова встала на перепутье, мучимая своим извечным вопросом: куда идти? Западная ее половина орет: «У Эуропу!» Восточная — выжидает, подспудно понимая, что окончательно оторвавшись от русского брата, «Украина» погрязнет в хаосе, межнациональных распрях и бессмысленности своего существования, т.е. в том, чего и добивается Запад в целом. Так было всегда. Как только Малороссия отрывалась от общего русского тела, она вставала на перепутье и не знала, что ей делать дальше и куда идти. Потому что дальше, как оказывалось, для нее пути не было. Вернее, путь этот без вариантов вел ее в окончательную погибель.

На протяжении веков эту «распутную девку» (прошу прощения за сравнение) удавалось остановить на краю гибели. И теперь тоже удастся. Но сколько при этом будет истерик, визгу, скандалов и обвинений в «москальском» давлении на нее, жаждущую «эуропэйської цивілізації»! Запад, конечно, в кулачок посмеивается, глядя на истерику этой хохлятской дурочки. Уж он-то хорошо знает, какая ей там уготована «цивілізація»...

Малороссия (без русской Новороссии), а теперь «Украина» и впрямь оказалась разделённой на два типа населения — украинцев и, условно говоря, хохлов. Одна часть — верная своему славянскому корню, а другая — предательская. Для одной части, украинской, Россия — общая наша Родина, с которой они, украинцы, мечтают соединиться. Для другой, хохлятской, Мазепа, Бандера, Петлюра, Шухевич — национальные герои. Так было и при Петре Первом, и в Гражданскую войну, и в Великую Отечественную, так осталось и теперь.

Но теперь этот раскол, это разделение обнажились окончательно, предстали перед нами со всей ясностью и прямо-той: **украинцы и, условно, хохлы**. Одни к нам тянутся, другие откровенно и прямо, без условностей, нас ненавидят. При всей внешней стабильности и завуалированности так было и в СССР. Это внутреннее напряжение чувствовалось всякий раз, когда мы оказывались в якобы украинской, а на деле в хохлятской интеллигентской среде, когда мы приезжали в

ополченные западные области «Украины». И это внутреннее напряжение останется еще надолго, если не навсегда.

Так и будет «Украина» стоять на перепутье, пока вновь не вмешается Россия. Но Россия не вмешается при нынешней власти, при нынешней сионизированной русофобской политической «элите». **Только русская власть в России сможет удержать «Украину» от гибели.**

Но как быть будущей русской власти со стоящей на перепутье «Украиной», чтобы вновь спасти ее от хаоса, голода и беспросветного раздора? Решение может быть только одно. Любые другие — лишь оттянут время для принятия наконец единственно верного решения. Украиной как государством должны остаться западные украинские области. Вся остальная ее территория, вместе с Крымом и Киевом должны **вернуться** в Россию. Повторяю, не отторгнуться от «Украины», а **вернуться** в Россию. Это и будет единственно верным и единственно спасительным решением для всех нас — русских и украинцев. Запад, конечно, взвоят, но это его проблемы. «Украина» пока еще ему не принадлежит и не входит ни в какие его политические «союзы». Рано или поздно это придется делать в любом случае. Но пока еще это можно сделать бескровно.

9 декабря в передаче «Момент истины» было сообщено о том, что в швейцарском банке «Менатеп» обнаружены счета Ельцина на 60 млн. долларов. Помимо Ельцина в том же банке находятся счета Черномырдина и П.Бородин, бывшего при Ельцине комендантом Кремля.

В той же передаче было сказано, что Татьяна Дьяченко (младшая дочь Ельцина) получила австрийское гражданство и купила там автомобильный завод.

Это к разговору о «демократии» и «свободе», которые принес в Россию Ельцин и о которых так любит поговорить Д.Медведев, открывший памятник Ельцину в Екатеринбурге...

99,9 процента населения России даже не подозревают о существовании журнала «Молодая гвардия». Регулярно читают этот журнал 0,02 процента нашего населения. То же самое с мизерной долей разницы можно сказать и о других русских патриотических журналах и газетах. И при этом мы мечтаем о национальном государстве и возрождении русской национальной культуры...

Читатели «Молодой гвардии», пропагандируйте наш журнал! Говорите о нём среди своих знакомых! Пусть они подписываются на него! «Молодую гвардию» должна читать вся страна! Вот тогда мы, русские, победим!

* * *

Бандеровский проходимец Тягнибок, еврей Яценюк и гражданин Германии бывший боксер Кличко нацелились поменять власть на Украине с помощью очередного кликушеского «майдана». Ну и, конечно же, каждый из них желает быть самым первым и самым главным в этой «рідной нэньке Україне» — местечковый нацист, еврей и гражданин другой страны.

Но президент Янукович, как оказалось, ничем не лучше этих трех «проэуропэйских» губошлѣпов. Он оказался способным только на то, чтобы упечь за решетку черноглазую Юлю. И снова трусливо раскорячился перед распоясавшейся западэнской шпаной, чуть ли не падая в обморок от окрика из Литвы или Варшавы. Бойтся пальцем пошевелить, чтобы от этой безмозглой шпаны одни перья остались. Клянчит денег и поблажек одновременно и в России, и в Европе, выгадывает: кто больше даст, туда и прильнет*.

Путин тоже хочет выглядеть в глазах исподлившейся Европы воспитанным и толерантным. Мол, Украина — «независимое государство», это «ее выбор», мол, «мы примем любое ее решение»... Слушать противно. Ведь речь идет о **нашей** земле, **нашей**, российской территории, за которую **наши** отцы и деды пролили море крови. Кто-нибудь посчитал, сколько погибло русских при освобождении Киева, Харькова, Севастополя? А теперь нам талдычат: «Это их выбор», «Это независимое государство», «Мы примем любое их решение»... Господин Путин, а русский народ вы спросили? Мой отец воевал за Украину и похоронен там. Его вы спрашивали? Вас президентом России для чего выбирали? Для того, чтобы здесь, на русской земле, проклинать *«так называемых русских националистов»* в своих посланиях парламенту? Для этого? А не проще ли вам будет вместе с Януковичем львовско-тернопольскую шушеру на «майдане» разогнать? Чтобы еще живые ветераны войны перед смертью вздохнули спокойно. Или всё в геополитические игры играет?.. Игроки, господин президент, всегда проигрывают.

* Янукович предаст всё и всех и сдаст власть галицийским бандеровцам. В результате его предательства на Украине произойдет фашистский переворот.

Ювенальщики очень любят изымать детей из русских семей за отсутствие в холодильнике апельсинов. Но вот почему-то из семей террористов и их пособников они детей не изымают...

29 декабря на железнодорожном вокзале Волгограда дагестанский шахид, подорвав себя, лишил жизни 17 человек. Более 40 — ранены. Это был еще один новогодний подарок российской «пятой колонне» накануне Олимпиады в Сочи. За сутки до этого был взорван автомобиль возле рынка в Пятигорске со своими жертвами и ранеными.

Сколько уже лет мы говорим и пишем о кавказском терроре и кавказском беспределе в русских городах и поселках. Но путинско-медведевская контора делает вид, что нас не слышит. Точнее говоря, может, и слышит, но продолжает долдонить, что, мол, «преступность национальности не имеет» или что, мол, «так называемые русские националисты готовы любую бытовую трагедию сделать поводом для вандализма и кровавой бузы» (В. Путин). И угрожает *эта власть* в основном нам, авторам, пишущим о кавказской жестокости и ненависти к русскому населению. А смертную казнь для террористов и их пособников она вводить не желает. Мол, мы гуманное европейское государство... Правильно, пусть лучше гибнут невинные — Совет Европы протестовать не будет...

За все годы этнического терроризма в России ничего взумительного не было сделано *этой властью* для **реальной** его ликвидации. А все те полумеры, которые она вроде бы осуществляла, остановить террор не могли. (Металлоискатели и видеокамеры, на которые истрачены огромные деньги, от терактов не спасают. И т.н. «контртеррористические операции» — тоже не панацея для кардинального решения проблемы.) Об этом мы, русские публицисты, писали все годы кавказского беспредела и кавказского террора.

Для **реальной** ликвидации терроризма не сделано самого главного: если всем давным-давно ясно, представители каких регионов осуществляют в России террор, то, как убеждает мировой опыт, **можно и нужно** найти способ этому воспрепятствовать. В любом другом сильном государстве, имеющем ответственную перед народом власть, такой способ был бы без промедления проведен в жизнь. Но нерешительность и полумеры в этом вопросе говорят лишь о безответственности российских властей перед народом.

Вот и получается, по мнению народа, что главные виновники гибели людей в Волгограде сидят в Кремле и в «Белом доме». И продолжают, как молитву, повторять перед телекамерами заученную фразочку: «Россия настроена на мигрантов...» Давайте скажем им большое спасибо за это «глубокомыслие».

«Бешеным маткам» к Новому году — амнистия, еврейскому аферисту (Ходорковскому) — помилование, а простым волгоградцам — теракт.

* * *

История не раз учила беспамятных: широкая амнистия всегда предшествует большой крови.

Продолжение человеческой бойни не заставило себя ждать. 30 декабря в том же Волгограде террорист-смертник привел в действие свою звериную бомбу в троллейбусе. 15 погибших и более 30 раненых. От троллейбуса остался только покорёженный остов без крыши.

Каждый осуществленный теракт — это факт проигрыша во внутренней войне с врагами страны. Сколько их было за последние годы! Можно сбиться со счета. Иракско-сирийский сценарий внутренней войны перенесен на нашу территорию.

В Израиле уже несколько лет нет терактов. Потому что руководство этой страны перед всеми соответствующими структурами поставило задачу их не допускать. И их не допускают. Каким образом — никого не волнует. Главное — люди не гибнут от рук террористов. Остальное — не имеет значения. При минимуме разглагольствований на эту тему.

В ельцинско-медведевско-путинской России при максимуме пустой болтовни о «борьбе с терроризмом» — результат, как говорится, написан у всех на лице. Электронные СМИ, как всегда, будут несколько дней до умопомрачения разглагольствовать о причинах, последствиях, версиях и результатах расследований очередных терактов. А через неделю-две, уgomонившись, легко переключатся на всевозможные шоу и лошадиную ржачку — до следующих скорых взрывов и катастроф.

Сколько бы в Кремле, в «Белом доме», на Петровке и на Лубянке ни оправдывались, ни надували щеки и ни грозили «обнаглевшим кавказцам» и «так называемым русским националистам», в этой войне простые люди продолжают ежегодно гибнуть сотнями и тысячами человек. А сколько становятся калеками, наверное, никто и не подсчитывал. И всё потому, что кремлевско-белодомовские сидельцы хотят выг-

лядеть перед «цивилизованной Европой» очень беленькими, пушистенькими и чистенькими. И не дай бог, если горячие национальные меньшинства будут в чём-то ущемлены!.. Ну, взорвут кавказские исламисты несколько десятков русских в метро или в автобусе — ну, попереживаем, компенсацию выплатим, сбор средств с населения проведем, поохаем, поахаем... А вот иномарочных «джигитов» привязать пропиской к их национальным республикам ну никак нельзя... Как же, нас в Совете Европы не поймут..

Впрочем, «наш» президент — один из немногих в России, кому миграция взгляд ласкает.

За причастность к подобным терактам Америка разбомбила бы любое гнездо терроризма в любой точке земного шара. Но Доку Умаров сидит себе в Грузии, разрабатывает свои зверские операции на территории России и в ус не дует. Очень интересно в нашей российской действительности сочетаются локальные «контртеррористические акции» с либеральным кремлевским гуманизмом и мораторием на смертную казнь для потерявших человеческий образ шакалов и озверевших нелюдей... Ничего подобного в истории человечества еще не наблюдалось.

Между прочим, в Израиле ближайшие родственники террористов не только лишаются жилища, но и пожизненно выплачивают компенсацию детям или родителям погибших в теракте людей. Хотя, конечно, палестинцы считают себя не террористами, а бойцами за освобождения своей земли от еврейской оккупации. Кавказские же кровавые нелюди терроризируют русские города, с которыми не имеют никакой исторической связи, то есть действуют именно как засланные чужеродные диверсанты.

Гуманизм, демократия, толерантность... Однако народный сход в Волгограде 30 декабря был жестко разогнан полицией. Мол, нечего, вам, «так называемым русским националистам», *этой власти* претензии предъявлять...

СОЛОУХИН

К 90-летию со дня рождения

Еще будучи студентом, я впервые прочел в «Новом мире», в потрепанных двух номерах, «Владимирские проселки» Владимира Солоухина. Дух захватило: передо мной распахнулись поля и перелески, луга с копёшками сена и березки у травянистых дорог, окропленные свежим дождем; открылся простой и притягательный мир жителей сел и провинциальных городков. Эти люди, обитая в глуши, за лесами-долами, вели обыденную жизнь, весьма далекую от схем героизма и ложного пафоса, навязываемого официальной литературой. Изрекали не лозунги и призывы, а говорили образным, живым русским языком.

В ту пору многим казалось: именно за такими людьми будущее, своей преданностью земле, самобытным талантом, трудом они преобразят страну. На это надеялся и молодой Солоухин. Спустя десятилетия планомерное разорение деревни, её основ убедило его в обратном: прочно восторжествовали хамы, лодыри и пьяницы, голь перекатная. В итоге — опустошение. В период коллективизации репрессиям подверглось около 15 миллионов

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

крестьян, среди них и родной дед писателя. И никто не повинился. В повести «Смех за левым плечом», с горечью размышляя о доле русских крестьян и о том, какую пользу сотворили бы они для государства, если бы им хотя бы не вредили, Солоухин построил аргументацию на простых доводах:

«Безлошадники не могли бы вывести чистокровного орловского рысака, которым мы и теперь продолжаем гордиться и за которого и теперь получаем за границей чистое золото. Или владимирских битюгов. Безовечники не могли бы создать чистую породу романовской овцы. Бескоровники не могли бы создать сорт русского вологодского масла, которым был завален мировой рынок. Горемыки и бедняки не вывели бы чисто русские сорта яблок, как антоновка или грушовка московская, украинская симиренко или алмаатинский апорт, а также владимирскую вишню, климовский огурец, ростовский лук, рязанскую капусту, кубанскую пшеницу, да мало ли... Одни безлошадники и безземельники, горемыки и бедняки не смогли бы завалить мировой рынок русским овсом, русскими овчинами, русским воском, русским льном, русской икрой, русскими раками, русским жемчугом («бурмицкое зерно»), русской эмалью, русским серебром... Одни безлошадники и бескоровники не могли бы, конечно, ни выиграть войн, ни расширять пределы государства (пресловутая шестая часть земли), ни снаряжать кругосветные экспедиции. Они не могли бы обеспечить ни расцвета искусства, ни сосредоточения в стране огромных материальных и духовных ценностей...»

Писатель хорошо знал деревню и в последние годы, мучительно наблюдая за ее опустошением, почти истреблением, все время думал над тем, почему такое стало возможным. Корень зла он видел в лжетеориях большевизма, занесенных к нам извне.

Невероятной оказалась художественная амплитуда Солоухина: от светлых «Владимирских проселков», которые, мечталось, вот-вот выведут деревню к надежному магистральному большаку, до иронично-горького, местами беспощадного «Смеха за левым плечом», отдающего безысходностью, отчаянием, пессимизмом.

Но тогда, в молодости, до этой повести было еще далеко. После «Владимирских проселков», увидевших свет в конце 50-х, появились новые, не менее интересные книги — «Капля росы», «Третья охота», «Приговор», «Письма из Русского музея», «Черные доски», затем — «Время собирать камни», «Камешки на ладонях». Его называли одним из родоначаль-

ников современной «деревенской литературы»; считается, что с «Владимирских проселков» началось раскрепощение художественной мысли в послевоенной литературе. Несмотря на большие тиражи, книги Солоухина почти невозможно было достать, за ними выстраивались очереди в библиотеках.

Теперешним россиянам трудно представить оглушительную популярность Солоухина. «Черные доски» ходили по рукам и воспринимались если не крамолой, то неслыханным вызовом против богоборческой власти. А, казалось бы, вполне безобидная книжица о природе и грибах «Третья охота» была признаком приобщенности её владельцев и читателей к осмыслению иных ценностей человеческого бытия. Переворот в сознании. Скрытое «диссидентство»... И что, такой писатель ждал от властей особой благодарности? Нет, не ждал. Он играл — и часто небезуспешно.

Начинал же Солоухин как поэт. В конце сороковых—начале пятидесятых годов у молодых было принято строчить громобийные патриотические оды, а он сочинял лирические стихи:

*Я до тебя любви большой не знал —
Наверно, были просто увлеченья.
За Волгу я наивно принимал
Речушку межколхозного значенья.
Ждала поры любовная гроза,
Был день капельный, ласковый, весенний.
Случайно наши встретились глаза.
И это было как землетрясение.*

Многообразие действительности, неутолимая жажда познания и размышления заставляли Солоухина часто прибегать к публицистике. Он справедливо полагал, что писатель, вбирающий в себя, как губка, боли и радости народные, не может обходиться без публицистики. Потому что вся его деятельность, в сущности, и есть публицистика. Писатель в России — гражданин, барометр общественной совести, а значит, лицо публичное. И напоминал: публицистами были Пушкин, Толстой, Достоевский. Литератор, не владеющий пером публициста, — плохой литератор. Занимался Солоухин и переводческой работой. Два года истратил он на перевод бурятского эпоса «Гэсэр», своеобразной «Илиады» Центральной Азии. В его переводах издавались «Мой Дагестан» Расула Гамзатова, книги болгарских, грузинских и других поэтов бывших союзных республик.

Внешне он выглядел respectable, вполне преуспевающим писателем. И все равно — жгло, точило исподволь недовольство собой. Угробил на пустяки дарованный Богом недюжинный талант. Владимир Алексеевич страдал и метался. В предчувствии кончины писатель искренне каялся в грехах, вспоминая свое прошлое. Все в нем было — и плохое, и хорошее. У деда отняли в селе Олепино землю, дом и скотину; внук прозябал в нищете. Став знаменитым и по советским меркам даже богатым, Солоухин спешил восполнить то, чем был обделен в начале своей обездоленной жизни. От природы он был жизнелюб, хотел, как Алексей Толстой, пожить в свое удовольствие — широко и размахисто. Власть пыталась использовать его в своих интересах (и это ей нередко удавалось), но и Солоухин брал от неё всё, что находил нужным, полезным для себя и высших целей в литературе, которой служил беззаветно. Он умел заводить необходимые знакомства в «верхах», что помогало ему отстаивать творческую независимость, и все же нещадно критиковал эти самые «верхи», дабы не оказаться уловленным в их сети. Его уважали и побаивались. В ЦК КПСС с ним считались: все-таки серьезная, не проходная фигура в отечественной культуре и словесности.

На писательских съездах и пленумах можно было наблюдать эпатажную картину: партийные бонзы дружески здоровались и обнимались с Владимиром Алексеевичем, знаки расположения к себе он воспринимал как должное. С его авторитетом считались и руководители Союза писателей. В известном смысле Солоухин был талантливый актер. Высокого роста, вальяжный, когда надо — неприступно-официальный... Он производил впечатление и на рядовую писательскую публику, тем паче периферийную: дескать, видите, с какими я знаюсь небожителями, не вам чета. Артистизм в поведении и общении, в дополнение ко всенародному признанию, помогал ему и в высших писательских «сферах» (тоже не лыком шитых!) отстаивать право на особое солоухинское мнение, солоухинские поступки.

К собратьям по перу Владимир Алексеевич относился с трогательной любовью и, я бы сказал, с хитровой крестьянской приглядкой: что вы из себя значите, кому и чему служите — Богу или мамоне? Беседовал с коллегами душевно, по-свойски, с владимирским оканьем, однако никогда не допускал фамильярности, не приближал к себе излишне прилипчивых.

Отчасти ради имиджа Солоухин построил дом в любимом ему селе Олепино — добротный, лучше, чем у деда, чтоб вид-

ны были из широких окон пруды. И землицы приобрел достаточно. Пожелал превратить округу, а потом, ежели хватит времени и сил, и все село в рай цветущий. Во всей этой «фермерской затее» проглядывала та же солоухинская игра, желание побыстрее вернуться в давнее русское прошлое, начать все сызнова: вот я какой, смотрите, завидуйте мне — и поступайте так же, как я! Солоухин может не только пером водить, сочинять стихи и прозу, но и комфортно, не хуже англичан, культурно устроиться на родной земле — как толковый хозяин, мастеровитый мужик. Его же упрекали в жадности, в «кулацких замашках» Упрекали в основном лодыри и бездари, кто сам не хотел трудиться, обвыкся с запустением. И таким типам исподволь потакали местные чиновники, у которых были свои виды на Олепино...

Однако жаль, что родовую землю ему отвели поздноватого. Подкралась болезнь, дни уже были сочтены.

А село родное он любил. Как истый хозяин и тонкий созерцатель, которого раньше обделила судьба, любил чувственные удовольствия, все вкусное и красивое — зеркальную гладь прудов, дружеские застолья, изысканные кушанья и напитки, добротные старинные вещи, иконы, картины.

Время не позволяло писателю сохранять невозмутимость, жить отстраненно. Приходилось изменять лире и брать в руки разящий меч публицистики. Взорвалась, как бомба, «разоблачительная» книга о Ленине и его сподвижниках. Появились хлесткие заметки, интервью и статьи о псевдодемократических преобразованиях. Этого от него не ждали. Ни друзья, ни враги. Многим он стал неугоден.

Нелишне заметить, что еще с середины 60-х годов Солоухин часто бывал за границей, свободно общался с русскими эмигрантами, в основном выходцами из аристократических и дворянских кругов царской России. Находя за рубежом восторженный прием, оставил об этих встречах преувеличенно идиллические воспоминания. Перечитывая его последнюю книгу «Чаша», составленную из воспоминаний, «размышлений о бытие», о судьбах «славных потомков», испытываешь неловкость оттого, что уж очень многие аристократы предстают перед нами «в сияющих одеждах». Будто они вовсе неповинны в том, что произошло с Россией в годы революции и Гражданской войны.

Во время поездок по стране и за рубежом Солоухина не всегда встречали с розами. В самый неподходящий момент вдруг выныривал из подполья лукавый бес и потешался над ним. В аудиториях продвинутые эмигранты напоминали ему, что он занесен в «черный список» литераторов, осудивших в

1958 году на собрании Московской писательской организации Б. Пастернака за роман «Доктор Живаго». В этот список попало четырнадцать фамилий, включая С.С. Смирнова, К. Зелинского, Б. Слуцкого, Б. Полевого, А. Софронова, Л. Ошанина, Л. Мартынова, А. Безыменского и других, но почему-то больше всех доставалось Солоухину.

Спустя тридцать лет после этого собрания, в 1988 году, Владимир Алексеевич был вынужден объясниться в письме в редакцию газеты «Советская культура»: «Условимся, что все мы, четырнадцать человек, были трусами, приспособленцами, подхалимами, предателями и подонками, что нам действительно «не отмываться». Но, дорогие мои, хорошие, ведь в зале, где проходило собрание, присутствовало не менее пяти-сот писателей... Наверняка там сидели и те, которые говорят теперь, что нам «не отмываться», которые уже тогда считали Пастернака гением XX века.

Так где же, я спрошу, они были? Почему все, как один, промолчали? Почему — ни звука, ни шороха? Почему — ни возгласа, ни реплики, ни словечка в защиту поэта?

Ну, Вознесенский, положим, стал членом СП два года спустя. Но Евтушенко уже был шесть лет членом союза. Боков там был (это я называю наиболее страстных почитателей Пастернака), сверстники и друзья Пастернака там были. Антокольский, Инбер, Сельвинский, Кирсанов, Алигер, Катаев, Анатолий Рыбаков, Шатров, А. Бек, Трифонов, Тендряков, Паустовский, Бакланов, Елизар Мальцев, Виктор Шкловский, Маршак, Тихонов, Щипачев, Наровчатов, Луконин, Светлов, Межиров — все там были... Почему никто из нескольких сот человек не выбежал на трибуну, на сцену или просто не вскочил с места и не крикнул: «Что вы делаете? Опомнитесь! Это же — гений!» Нет, была тишина...».

Далее Солоухин резюмировал: «Я считаю, что я, выступивший и сказавший, «грешен» не больше остальных, сидевших в зале и промолчавших. Нет уж, дорогие мои, хорошие, если уж отмываться и каяться, так давайте все вместе, сообща, все, кто был в том зале — и вообще кто числился тогда советским писателем. И отмываться нам надо не от поступка (ибо несовершенство поступка — это уже поступок), а от времени».

Последний тезис не очень убедителен. Время все-таки безлично, но у людей, имевших лицо, всегда был выбор, как поступить — по совести или вопреки ей.

Еще факт из биографии. Когда члены общества «Мемориал» предложили Солоухину подписаться под коллективным письмом в ЦК КПСС, в котором осуждались репрессии 1937

года, он решительно отказался. И навлек на себя осуждение бывших друзей. Пришлось снова публично объяснять свою позицию:

«Октябрьский переворот и последовавшие за ним годы красного террора, перешедшие постепенно в террор тридцатых годов, являются чудовищными по количеству пролитой крови, по количеству человеческих жертв. Но постепенно получилось так (поработали целенаправленно средства массовой информации), что отсчет большевистской жестокости, отсчет всем этим кровопролитиям начинают почему-то с тридцатых годов, забывая, что были годы 18-й, 19-й, 20-й, 21-й, да и остальные не многим лучше. Дело дошло до того, что когда образовалось добровольное общество «Мемориал», то своей целью его организаторы провозгласили увековечение памяти жертв незаконных и необоснованных репрессий середины 30-х годов. Подразумевается, конечно, в первую очередь 1937 год. Мне предложили подписаться под соответствующим письмом в ЦК КПСС, а я отказался, задав инициаторам создаваемого «Мемориала» один-единственный вопрос: «Начиная с какого года репрессии нужно считать незаконными и необоснованными, а до какого года их можно считать и законными, и обоснованными?».

Раньше, несмотря на творческие разногласия, Солоухин дружески относился к Андрею Вознесенскому и, бывало, похваливал поэта. Но однажды попалась ему на глаза поэма о Ленине, и Владимир Алексеевич вдруг почувствовал, что его «как если бы ударили чем-то тяжелым по голове». С изумлением он читал:

*Врут, что Ленин был в эмиграции,
(кто вне родины — эмигрант).
Всю Россию речную, горячую,
он носил в себе, как талант.*

*Настоящие эмигранты
жили в Питере под охраной,
воровали казну галантно,
жрали устрицы и гранаты —
эмигранты.*

*...В драндулете, как чертик в колбе,
изолированный, недобрый,
среди высокодержавных харь,*

*среди нарядных охотнорядцев
под разученные овации
Проезжал глава эмиграции —
царь!*

*Эмигранты селились в Зимнем.
А России сердце само
билося в городе с дальним именем
Лонжюмо.*

(Прочтя про устриц и гранаты, про охрану и «ворованную казну», я уж, наивный, подумал: не о современных ли банках и олигархах речь? Или они теперь не «эмигранты», а вполне настоящие патриоты, коль добились всего для себя и близких? — **И.П.**). Но вернемся к Солоухину. Он был в гневе. Как патриот и боец дал отповедь бывшему приятелю Вознесенскому:

«Так вот, дорогие соотечественники. Оказывается, сердце России — не Москва первопрестольная и златоглавая, с ее Кремлем, не Троице-Сергиева Лавра, с ее святостью, не Киев — мать городов русских с его Софией и памятником Владимиру-Крестителю над Днепром, не могучая Волга (если не сердце, то хотя бы главная артерия), не древний Новгород с его памятником «Тысячелетие России», не Петербург, наконец, связанный с именами Достоевского, Некрасова, Жуковского, Карамзина, Державина, Тургенева, не Петербург с его Казанским Собором, Летним Садам, могилами Александра Невского, Суворова, Кутузова (а ведь все они были державники, великодержавники, то есть — «хари»), не Святогорский монастырь с могилой Пушкина и Тригорским, не Московский университет, а Лон-жю-мо, где собрались десятка полтора недоучек (а все они были именно недоучками, это легко проверить, хорошо, если каждый из них закончил хотя бы гимназию), чтобы разработать заговор с целью захвата власти в России и ее дальнейшего уничтожения.

Список заговорщиков в Лонжюмо практически совпадает со списком пассажиров запломбированного вагона, в котором этих заговорщиков тайком на немецкие деньги провезли потом из Швейцарии в Россию. Список этих пассажиров известен точно, но прежде чем их перечислить, вспомним утверждение поэта, «потопчемся» на его тексте о том, что царя в России окружали великодержавные хари. Ну, еще бы, что ни человек около царя — то и харя. Чехов — харя, Бунин — харя, Шаляпин — харя, князья и графы, государственные люди (хотя бы члены Государственного Совета), изображенные

Репиным на его огромном полотне — все хари. Красавица Кшесинская (из очень близкого окружения Государя) — харя, Великие Княжны Ольга, Мария, Татьяна и Анастасия, Императрица и ее сестра Елизавета Федоровна — все хари. Патриарх Тихон — харя... А там, в Лонжюмо, где (по Вознесенскому) «билось России сердце само», там, значит (подразумевается), уже не хари, а благороднейшие, просветленные, одухотворенные, утонченные лица».

И Солоухин подробно перечислил имена и дела «одухотворенных» убийц, преступников, растливших Россию, — имена, которые теперь известны всем как олицетворение ненавистников всего российского, русского.

Крут, неуступчив был писатель, если его задевали за больное... Все более он становился одинок с неотступными мыслями о прошлом и настоящем, о неясном будущем Родины.

Прогуливаясь в одиночестве по селу Константиново, родине Есенина, куда приехал на его 100-летний юбилей, (прикосновение к родине поэта — все равно что приобщение к тайне его вдохновения), я встретился с давним знакомым, поэтом Анатолием Кузьмичевским. Мне вспомнился снимок, опубликованный в одной из газет: Кузьмичевский с упоением играет на малютке-гармошке, а Солоухин, зачарованно слушая, взирает на него с отцовским умилением. Я напомнил об этом снимке Анатолию и не понял, почему он вдруг переменился в лице, с досадой обронил: «А ну его! Олепинский барин... перевертыш!».

Тут из репродуктора, установленного на свежооструганном деревянном помосте, где ожидалось театрально-концертное действие, донеслось: «Просим граждан подойти ближе к сцене!».

В народе необыкновенное волнение, охранники метнулись к дороге, и кто-то крикнул, что едет Ельцин. Люди со всех сторон повалили к помосту, расталкивая друг друга локтями. Любопытство затмевало разум. Но показался не Ельцин, а Владимир Солоухин и с ним какие-то местные чиновники. Я оглянулся: Кузьмичевского не было. Исчез, растворился в толпе.

На сцене-помосте появился Солоухин. В поднявшемся шуме трудно было расслышать, о чем он говорил, но когда он стал читать стихи, сразу упала тишина, прекратилось беспорядочное движение вокруг палаток и на поляне. Это были известные стихи, в которых проводилась мысль о фатальном мученичестве художника-творца, схожести трагических судеб Есенина и его, Солоухина. Хрипловатый окающий голос

поэта, усиленный громкоговорителями, далеко разносился над окрестностями села, над светлыми водами Оки.

Тишина внимающая, чуткая...

Неожиданно, в минуту наивысшего напряжения, отключили микрофон. На слушателей обрушился треск и гром, оглушительная пальба — начали салютовать из ракетниц. Люди недоумевали: приветствуют Солоухина или, напротив, стараются сбить его с толку? Или так задумано: поразить воображение салютом? Взоры устремились за радужными факелами, которые принялись вспыхивать в небе и раскрываться, как зонты, разлетаться цветными брызгами-осколками. Солоухин ничего не понял. Оглушенный, в черном смокинге, поэт беспомощно озирался вокруг, хотел было уйти, но его попросили вытерпеть пальбу. Он выждал, микрофон снова включили, и стихотворение было дочитано — наспех. Последнюю строфу следовало бы метнуть в пространство, как молнию, ибо в ней было много и боли, и горечи, и вызова, но строфа будто застряла в горле, утасла в ближних рядах.

Срезали. Оконфуженный Владимир Алексеевич, по-стариковски шаркая и переставляя плохо сгибавшиеся ноги, сошел со сцены. Ободряя поэта, кто-то из толпы громко выкрикнул его стихи:

*Россия — одна могила,
Россия — под глыбой тьмы...
И все же она не погибла,
Пока еще живы мы.*

Солоухин обернулся на голос и благодарно помахал рукой. Теперь уже скандировали хором:

*Держитесь, копите силы,
Нам уходить нельзя.
Россия еще не погибла,
Пока мы живы, друзья!*

Загадочно и мягко улыбаясь с установленного на сцене портрета, Есенин внимательно наблюдал за своими младшими собратьями, и словно бы утешал их: «Ну что вы такие серьезные... Веселитесь и ни о чем не жалейте! Все равно не будет то, что было раньше».

К концу жизни Солоухин был глубоко верующим христианином, каялся в грехах. Отмел суету, тщеславие и молил Гос-

пода лишь об одном — о спасении России. Александру Шелихову-Ржешевскому довелось встретиться с писателем, знавшим о своей неизлечимой болезни. Журналист опубликовал в «Гудке» интервью с Владимиром Алексеевичем, вспомнив давнее поверье: ангел смерти посещает человека дважды. В первый раз он появляется, чтобы коснуться черными крылами и оставить на его лице неизгладимую печать. «У Владимира Алексеевича Солоухина она в последнее время была особенно заметна. Но не потому, что врачи в медицинских листах безоговорочно записали: «рак». Казалось, главная болезнь писателя лежала вне области медицинской. Его ангелом смерти стало обрушение русской культуры, время смуты, время распада самого Государства Российского».

Тайна рождения и смерти человека никогда и никем не будет разгадана. И все же я осмелюсь заметить, что Солоухин задолго, еще до болезни, знал причину собственной смерти. У него есть странное повествование: лирическому герою (в котором угадывается сам автор) некий случайно возникший кавказец предвещает кончину от рака. Я и тогда, при первом чтении, содрогнулся: как это Владимир Алексеевич не убоился написать об этом?! А ныне меня оторопь берет: он всё знал заранее. Что это — ясновидение?

Владимира Алексеевича не стало 4 апреля 1997 года. Исповедовавшись и причастившись, он умер, как праведник, — во сне. Сподобился первого отпевания в восстановленном, еще не до конца отстроенном храме Христа Спасителя. В храме, поднявшем свои купола и звонницы над Москвой благодаря и его стараниям: он был председателем комиссии по восстановлению святыни. Когда уже шла служба, проститься с Владимиром Алексеевичем пришел Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Он и произнес молитвенное слово над покойным писателем.

Дорогие наши читатели!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на вторую половину 2014 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

С признательностью, **редакция журнала.**